

1235

Маг. № 18
Кварт. №
Цена 8 р. №

E $\frac{116}{68}$

Правительственный Совет Экстерно
 сибирской гимназии на основании 533 пра-
 вилью объявляет о приеме учеников в сибирскую
 и прогимназий в год открытия Высшего
 Народного Просвещения, утвержденный
 Г. Министром 8го Декабря 1872 года,
 Определением: 30и отменив, устали в ка-
 ждый и безотракия в продолжении 1880 учеб-
 ного года удостоит ученика IV класса
Новгородцева Павла награды 1го сте-
 пени. Азучта 30го дня 1880 года.

Директор Славянский
 Инспектор Скрябинский
 Экзеквентеми:

Скрябинский

Президенти.

Толан

ГОМЕРЪ.
ОДИССЕЯ.

С. - ПЕТЕРБУРГЪ.
1876.

СК — V ф — 111
ДТ 165

СБОРНИКЪ ДРЕВНИХЪ КЛАССИКОВЪ ДЛЯ РУССКИХЪ ЧИТАТЕЛЕЙ.

[116 — 801-15 — 801-96
68 — 1791 —
ГОМЕРЪ. 4537-4

ОДИССЕЯ,

ВЪ ИЗЛОЖЕНІИ

ЛУКАСА КОЛЛИНЗА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО, Ф. РЕЗЕНЕРА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНИЕ В. КОВАЛЕВСКАГО.

1876.

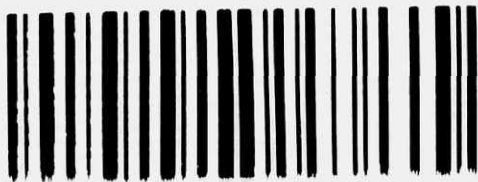
ВВЕДЕНИЕ.

Въ предлагаемой книжкѣ поэма «Одиссея» разсматривается какъ произведеніе одного автора и притомъ того же самаго, который создалъ Иліаду. Въ сочиненіи, написанномъ отнюдь не для ученыхъ, было бы вполнѣ неумѣстно разбирать вопросъ, относительно котораго и сами ученые еще не столковались. Читателю же, не охочему разбирать этотъ споръ, достаточно будетъ нашего увѣренія, что принимая, подобно намъ, Одиссею за твореніе того же Гомера, которому мы обязаны рассказомъ объ осадѣ Трои, читатель можетъ опереться на авторитетъ многихъ отличныхъ ученыхъ, тщательно изслѣдовавшихъ этотъ вопросъ. Правда, въ Одиссеѣ не встрѣчается ни одной ссылки на происшествія, описанныя въ Иліадѣ, и это служитъ ученымъ однимъ изъ сильнѣйшихъ доводовъ въ пользу мнѣнія, что обѣ поэмы принадлежатъ разнымъ авторамъ и что, слѣдовательно, Одиссея не можетъ быть признаваема продолженіемъ Иліады. Но ни въ фактахъ, предполагае-

одиссея.

93/839

2014142536

мыхъ извѣстными, ни въ описаніи характеровъ, выступающихъ въ обѣихъ поемахъ, нѣтъ важнаго противорѣчія.

Тѣмъ не менѣе характеръ самыхъ поэмъ существенно различенъ. Илиада описываетъ станъ и поле битвы, Одиссея есть рассказъ о путешествіяхъ и семейной жизни. Преобладающій мотивъ въ Илиадѣ—слава, въ Одиссеѣ—покой. Это побудило, между прочимъ, одного изъ наиболѣе раннихъ критиковъ Гомера признать Одиссею за произведеніе его старости. Въ обѣихъ поемахъ интересъ возбуждается положеніями и описаніями болѣе, чѣмъ такъ-называемой «завязкой». Этою послѣдней поэтъ и не задается, заранѣе указывая исходъ событій. Въ этомъ отношеніи интересъ поэмы ослабляется для новѣйшаго читателя еще постояннымъ вмѣшательствомъ сверхъестественныхъ дѣятелей, въ самыя критическія минуты непреодолимо направляющихъ событія. Не смотря на это, интересъ Одиссеи чрезвычайно человѣченъ. Греческая мифологія и восточныя сказанія сильно окрашиваютъ поэму; но ея мужчины и женщины очерчены рукою мастера и почерпнуты изъ дѣйствительной жизни, а такъ какъ въ двѣ тысячи лѣтъ, протекшихъ со дней Гомера до нашего времени, ничто не измѣнилось меньше человѣческой природы, то большая часть поэмы есть еще исторія современная.

Передаваемая нами поэма описываетъ странствованіе

и приключенія Одиссея, или—какъ предпочитали называть его римляне—Улисса, и его возвратъ отъ осады Трои въ свое царство на островѣ Итакѣ. Имя Одиссей было толкуемо различно. Самъ Гомеръ, который долженъ бы былъ служить высшимъ авторитетомъ, рассказываетъ, что имя это дано было дѣдомъ Улисса Автоликомъ и означало «дитя ненависти». Другіе влагали въ него смыслъ «страданія», а нѣкоторые остроумные ученые видятъ въ имени древнюю форму ходячей насмѣшливой клички, прилагавшейся къ герою: «коротышъ»¹⁾. Послѣднее предположеніе подтверждается отчасти фактомъ, что подъ этимъ именемъ знали Улисса тиррены²⁾. Вспомнимъ, что въ Илиадѣ онъ описывается невыносящимъ сравненія въ ростѣ съ дюжими Агамемнономъ и Менелаемъ; притомъ же изъ описанія можно догадываться, что въ фигурѣ Улисса была какая-либо несоразмѣрность, потому-что, когда Улиссъ и Менелай сидѣли рядомъ, первый казался важнѣе. Въ Одиссеѣ же не поминается ни о какомъ естественномъ недостаткѣ въ наружности Улисса. Его характеръ въ

¹⁾ «Менѣе цѣлой главой, чѣмъ великій Атридъ Агамемнонъ,
Но плечами онъ шире и персями съ вида врачнѣ.»

(Илиада, въ переводѣ Гнѣдича,
пѣснь III, ст. 193, 194).

²⁾ Племя пеласговъ, переселившееся изъ Аттики въ Италію.

Переводч.

этой поэмѣ совершенно соотвѣтствуетъ описанію въ Иліадѣ; тамъ онъ руководитель грековъ въ совѣтѣ; едвали уступая Ахиллесу или Діомеду въ личной храбрости, онъ подаетъ мнѣнія и совѣты, выслушиваемые съ такимъ же уваженіемъ, какъ Несторы. И въ Иліадѣ, какъ и въ Одиссеѣ, онъ называется «мужемъ, преисполненнымъ мудрыхъ совѣтовъ». Своими доблестями онъ превосходитъ всякаго другаго героя; одинъ Ахиллесъ можетъ побѣдить его въ легкомъ бѣгѣ; въ стрѣльбѣ Улиссъ не уступаетъ Аяксу Оилею и Тевфру; въ борьбѣ онъ валитъ превосходящаго его силою Аякса Большаго искуснымъ ударомъ и раздѣляетъ съ нимъ побѣдную награду. Улиссу же, какъ достойнѣйшему преемнику Ахиллеса, — по свидѣтельству троянскихъ плѣнныхъ, объявившихъ, что онъ причинялъ имъ наиболѣе вреда, — были присуждены доспѣхи великаго героя по его смерти. Улиссъ недостаточно трагиченъ, чтобы занимать первое мѣсто въ Иліадѣ, но по всѣмъ правамъ является героемъ долгаго путешествія и приключеній, въ которыхъ фигура великаго Ахиллеса была бы совершенно неумѣстна.

Лицо, признаваемое высокимъ авторитетомъ въ классической литературѣ, выразительно назвало Одиссею «книгою женщинъ». «Иліада», говоритъ великій Бентли ¹⁾,

¹⁾ Одинъ изъ извѣстнѣйшихъ англійскихъ критиковъ классической литературы. *Переводч.*

«была создана Гомеромъ для мужчинъ, Одиссея — для другаго пола». Это мнѣніе отчасти противорѣчитъ критикѣ болѣе древняго и великаго авторитета, Аристотеля, который называетъ Одиссею «нравоучительною и сложною», между тѣмъ какъ Иліада «патетична и проста». Однако, вслѣдствіе согласнаго съ нашимъ представленіемъ о пригодности литературныхъ произведеній, Фенелоново подражаніе Гомеровою Одиссеѣ, «Приключенія Телемака въ поискѣ за Улиссомъ», стало такой популярной французской книгой для чтенія въ женскихъ школахъ прошлаго столѣтія. Несомнѣнно также, что въ новѣйшей литературѣ и живописи сюжеты изъ Одиссеи встрѣчаются гораздо чаще, чѣмъ сюжеты изъ Иліады, хотя чтеніе первой поэмы никогда не было такъ распространено въ нашихъ школахъ и институтахъ. Цирцея и Сирены, Сцилла и Харибда чаще встрѣчались въ нравоученіяхъ, чѣмъ какой-либо случай изъ осады Трои. Турнеровы гравюры: Навзикая и ея прислужницы, Сады Алкиноя, Обращеніе Улисса къ Циклопамъ, Пѣніе Сиренъ, — важная часть нашего наслѣдства по искусству, показываютъ въ публикѣ, для которой эти гравюры были назначены, близкое знакомство съ позднѣйшею поэмою Гомера. Тайна этой ббльшей популярности можетъ лежать въ фактѣ, что приключенія, описанныя въ Одиссеѣ, романтичнѣе, а герои ея менѣе героичны и болѣе человѣчны, чѣмъ герои Иліады. Колоссальная фигура Ахиллеса въ его гнѣвѣ не затрогиваетъ насъ

такъ близко, какъ древній странствователь Одиссей, его удивительныя приключенія, его постоянное спасеніе съ края гибели и его не-совѣтливая хитрость.

Одиссея вызываетъ сочувствіе англичанъ еще другой своей стороной: она — рассказъ о путешествіяхъ и открытіяхъ. Изъ всѣхъ поэмъ, Одиссея преимущественно поэма мореходства. Въ Иліадѣ поэтъ никогда не пропускаетъ случая сказать, что—кто бы онъ ни былъ и откуда бы ни былъ родомъ—онъ хорошо знаетъ море и любитъ его; но въ Иліадѣ случаи къ тому представлялись рѣдко, потому-что рассказъ привязывалъ поэта къ равнинѣ передъ Троей. Въ Одиссеѣ же, напротивъ, черезъ весь рассказъ поэтъ переноситъ насъ съ моря на море, и его неутомимый герой нигдѣ не чувствуетъ себя такъ хорошо, какъ на палубѣ корабля. Не безъ причины древнѣйшія произведенія искусства представляютъ намъ Улисса не воиномъ, а мореходцемъ.

Весь рассказъ о Троѣ обнимаетъ, какъ уже было сказано, цѣлыхъ три декады, Одиссея же—только последнее десятилѣтіе. Какъ въ Иліадѣ, хотя осада длилась десять лѣтъ, поэтъ описываетъ только событія послѣдняго года, такъ и въ Одиссеѣ главное дѣйствіе обнимаетъ только шесть послѣднихъ недѣль третьяго заключительнаго десятилѣтія.

Промежутокъ времени между Иліадой и Одиссеей не рассказанъ ни въ одной поэмѣ; но современные поэту слушатели легко могли наполнить этотъ промежутокъ

событіями, извѣстными имъ изъ множества ходячихъ легендъ и изъ нѣсколькихъ древнихъ поэмъ, для насъ утраченныхъ ¹⁾. Троя, послѣ долгой осады, наконецъ пала, но не предъ Ахиллесомъ. Относительно него скоро исполнилось пророчество умирающаго Гектора, и стрѣла изъ лука Париса сложила Ахиллеса, подобно его благородному врагу, «передъ Скейскими воротами». Городомъ завладѣлъ, согласно предвѣщаніямъ оракуловъ, сынъ Ахиллеса, «красноволосый Неоптолемъ». Улиссъ поѣхалъ за Неоптолемомъ въ Грецію и по прибытіи передалъ ему доспѣхи его отца, доставшіеся самому Улиссу въ видѣ цѣнной награды. Въ этихъ-то доспѣхахъ Неоптолемъ повелъ грековъ на разрушеніе города, ночью, когда трояне либо спали, либо беззаботно пировали.

Было высказываемо предположеніе, что подъ именемъ Одиссея Гомеръ, пользуясь своимъ двойнымъ правомъ поэта и путешественника, болѣе или менѣе описалъ свои собственныя похождения на сушѣ и на морѣ. Въ одномъ довольно остроумномъ трактатѣ ²⁾ было доказываемо, что поэтъ, кто бы онъ ни былъ, самъ былъ родомъ съ острова, на которомъ помѣщаетъ дворецъ своего героя. Конечно, въ Одиссеѣ есть мѣсто, очень похожее на весьма подробное и любящее описаніе поэ-

¹⁾ См. Иліаду, стр. 180.

²⁾ Ulysses Homer; or, a Discovery of the True Author of the Iliad and Odyssey. By Constantine Koliades.

томъ своей опоясанной моремъ родины, съ каждымъ уголкомъ которой онъ знакомъ съ дѣтства. Мѣсто это встрѣчается въ сценѣ прибытія Улисса на берегъ Итаки, котораго онъ не узнаетъ, пока его божественная руководительница не указываетъ ему различныхъ видимыхъ мѣстъ:

. . . тебѣ я открою Итаку.
Здѣсь посвященная старцу морскому Форкинская при-
стань;

Въ самой вершинѣ залива широкобѣнистую видишь
Маслину; близко ея полутемный съ возвышеннымъ сво-
домъ

Гротъ, посвященный прекраснымъ, слывающимъ Наядами,
Нимфамъ

(Самый тотъ хладный, въ утесѣ таящійся гротъ, гдѣ столь
часто

Ты приносишь экатомбы богатія чистымъ Наядамъ).
Вотъ и гора Неріонъ, покровенная лѣсомъ широкимъ.
Кончивъ, богиня туманъ раздѣлила; окрестность явилась;
Въ грудь Одиссея при видѣ такомъ пролилося веселье;
Бросился онъ цѣловать плододарную землю отчизны.

Всякая подобная теорія должна остаться однимъ предположеніемъ; но все-же можно думать, что какими бы баснями поэтъ ни изукрасилъ своего разсказа, онъ самъ посѣтилъ нѣкоторыя изъ описанныхъ имъ удивительныхъ странъ, и интересъ читателя можетъ быть лишь оживленъ возможностью того, что подъ разсказомъ Гомера кроются и личныя воспоминанія поэта.

ОДИССЕЯ.

ГЛАВА I.

ПЕНЕЛОПА И ЕЯ ЖЕНИХИ.

Герои, пережившіе великій походъ противъ Трои, послѣ долгихъ странствованій достигли наконецъ своей родины, за однимъ исключеніемъ: объ Улиссѣ все-еще ничего не извѣстно на его родномъ островѣ и въ его царствѣ Итакѣ. Десять лѣтъ прошло уже со времени паденія Трои, и не смотря на это, жена Улисса Пенелопа, старикъ-отецъ Лаэртъ и молодой сынъ Телемахъ, вступающій уже въ возрастъ возмужалости, все-еще ожидаютъ возвращенія Улисса домой. Кромѣ того, семья отсутствующаго героя испытываетъ еще другаго рода непріятность: душу Пенелопы ежедневно терзаетъ не одна забота объ отсутствующемъ супругѣ, но и неловкое положеніе къ толпѣ незваныхъ жениховъ, притязавшихъ на ея руку. Молодые отпрыски благородныхъ семей Итаки и сосѣднихъ острововъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ собираются во дворцѣ, ища руки той, на которую они смотрятъ

какъ на вдовствующую царицу. Тщетно Пенелопа заявляетъ свою твердую увѣренность, что Улиссъ еще живъ: у нея нѣтъ ни малѣйшаго доказательства его существованія. Женихи требуютъ—повидимому, согласно съ существовавшимъ въ то время обычаемъ—, чтобы она избрала кого-нибудь изъ нихъ занять мѣсто погибшаго героя и пользоваться всѣми его царственными правами. Насколько женихи эти привлечены богатствомъ и положеніемъ Пенелопы и насколько силой ея красоты,—рѣшить довольно трудно. Римскій поэтъ Горацій обвиняетъ ихъ въ менѣ романическомъ побужденіи. По его словамъ, они принадлежали къ тому классу осторожныхъ искателей, «которые цѣнятъ хорошую обстановку больше, чѣмъ любовь избранницы сердца», и онъ намекаетъ даже, что упорство Пенелопы до извѣстной степени объяснимо ея догадкой о настоящихъ помыслахъ жениховъ. Не слѣдуетъ забывать, однако, что Горацій былъ по преимуществу сатирикъ. Болѣе прозаическій писатель могъ бы поднять вопросъ о томъ, могла ли личная привлекательность Пенелопы оставаться столь же неодолимой, какъ при отправленіи Улисса въ походъ, могли ли прошедшіе съ тѣхъ поръ двадцать лѣтъ не оставить на ней своего слѣда и возможно ли для вдовы этихъ лѣтъ (въ особенности при взросломъ сынѣ, присутствіе котораго никогда не позволяетъ забыть это обстоятельство) возбуждать такое восхищеніе цѣлой толпы поклонниковъ? Подобные ариеметическіе критики—

рѣшительная чума въ поэзіи. Одинъ изъ самыхъ педантичныхъ антикваріевъ, Яковъ Брайантъ, изучая тщательно Илиаду, пришелъ, изъ весьма точнаго сравненія мифологическихъ данныхъ, къ заключенію, что ко времени взятія Трои красавицѣ Еленѣ было приблизительно около ста лѣтъ; но вопросъ о возрастѣ Елены былъ признанъ всѣми дѣломъ крайне неделикатнымъ, и въ нашемъ воображеніи она все-еще блеститъ «во всей чудной красотѣ вѣчныхъ звѣздъ», какою она представилась Теннисону въ его поэмѣ «Сонъ о Прекрасныхъ женщинахъ». Героическія легенды не принимаютъ въ соображеніе годы: въ нихъ женщина прекрасна по божественному праву ея пола, за исключеніемъ тѣхъ особыхъ случаевъ, въ которыхъ въ интересѣ самой поэмы извѣстное лицо представляется старымъ и дряхлымъ. Да и нѣтъ никакого основанія предположить, чтобы поклонники Пенелопы, подобно царедворцамъ королевы Елизаветы англійской, упорствовали въ приписываніи царицѣ воображаемыхъ прелестей; она, очевидно, не менѣе прекрасна въ глазахъ поэта, чѣмъ въ ихъ собственныхъ. Давно уже говорится, что красота есть въ концѣ концовъ даръ влюбленныхъ въ нее, такъ что и за поэтомъ необходимо признать право награждать ею, кого онъ желаетъ.

Сама царица, правда, говоритъ, что красота покинула ее вмѣстѣ съ отплывшимъ Улиссомъ и вернется только съ возвратомъ его на родину, но подобное за-

явление въ устахъ любящей и скорбящей жены дѣлаетъ ее тѣмъ привлекательнѣе, и она, конечно, далеко не единственная изъ древнихъ или новыхъ женщинъ, которыхъ слезы заставляли казаться еще привлекательнѣе.

Поклонники Пенелопы, какъ это ни странно, живутъ, такъ сказать, на вольной квартирѣ во дворцѣ отсутствующаго Улисса. Телемакъ, повидимому, еще слишкомъ юнъ, чтобъ заступиться за мать и прямо заявить свои права хозяина. Если картина, рисуемая поэтомъ, справедлива—а сомнѣваться въ истинѣ ея мы не имѣемъ никакого основанія—, если въ отсутствіи царя, могущаго твердо держать бразды правленія, права его могли быть попираемы до такой степени, то, поневолѣ, намъ приходится представлять себѣ то время весьма грубымъ, даже въ центрѣ значительной цивилизаціи. Это объясняется отчасти и тѣмъ, что на богатство царя смотрѣли въ то время до известной степени какъ на общественную собственность и что къ числу его прерогативъ, по всей вѣроятности наиболѣе популярныхъ, принадлежала, повидимому, и та, чтобъ держать открытый домъ для всѣхъ, общественное положеніе которыхъ позволяло имъ сидѣть за его столомъ. Телемакъ—единственный сынъ; какъ у него, такъ и у его матери нѣтъ, повидимому, ни одного близкаго родственника, чтобы отомстить за наносимыя имъ оскорбленія или обиды. Кромѣ того, въ характерѣ Телемака

есть, какъ будто, какая-то слабость и нѣжность, не совсѣмъ идущія къ сыну такого отца. Это—юноша, воспитанный въ домашнемъ кругу, нрава тихаго и нѣжнаго, почтительный и любящій сынъ, характера, очевидно, слишкомъ мягкаго для тѣхъ грубыхъ временъ, въ которыхъ ему приходится дѣйствовать. И буйная толпа, играющая роль жениховъ Пенелопы, конечно, тотчасъ же замѣтила это. Нѣкоторые благосклонные критики вовсе не видятъ этихъ недостатковъ въ характерѣ молодаго наслѣдника, но несомнѣнно, что самъ отецъ его, Улиссъ, ясно замѣчалъ ихъ: по крайней мѣрѣ, гораздо позже, явившись въ одеждѣ нищаго, онъ говоритъ ему:

Или когда бы возлюбленный сынъ Одиссеевъ, иль самъ онъ,

Странствуя, въ домъ возвратился (еще не пропала надежда) —

Первому встрѣчному голову мнѣ бы отсѣчь я позволилъ,
Если бы, имъ на погибель, одинъ не рѣшился проникнуть

Въ домъ Одиссея, Лаэрта сына, чтобъ выгнать оттуда Шайку ихъ.

Впрочемъ, мы забѣгаемъ слишкомъ далеко впередъ и должны вернуться къ началу поэмы.

Судьба Улисса все-еще остается тайной, и ни жена его, ни сынъ не имѣютъ о немъ никакихъ извѣстій. Одни боги знаютъ,—и для спокойствія Пенелопы, можетъ быть, и прекрасно, что она находится въ невѣ-

дѣній о томъ, — въ какомъ недостойномъ плѣну Улиссъ. Онъ навлекъ на себя гнѣвъ великаго бога моря и потому до сихъ поръ не можетъ достигнуть своей родины. Онъ находится уже въ теченіе семи долгихъ лѣтъ въ Огигіи ¹⁾, въ волшебномъ царствѣ богини Калипсо.

. давно онъ
Страждетъ, въ разлукѣ съ своими, на островѣ, волно-
объятомъ
Пупѣ широкаго моря, лѣсистомъ, гдѣ властвуетъ нимфа,
Дочь кознодѣя Атланта, которому вѣдомы моря
Всѣ глубины и который одинъ подпираетъ громаду
Длинноогромныхъ столбовъ, раздвигающихъ небо и землю.
Силой Атлантова дочь Одиссея, ллющаго слезы,
Держитъ, волшебствомъ коварно-ласкательныхъ словъ
объ Итакѣ
Память надѣяся въ немъ истребить.

Однако богиня разума, бывшая его геніемъ-хранителемъ въ безчисленныхъ опасностяхъ великой осады и при помощи которой онъ, какъ мы уже видѣли въ Иліадѣ, счастливо опередилъ столькихъ сильныхъ соперниковъ въ погонѣ за славой, — не забыла своего любимца. Первая сцена Одиссеи показываетъ намъ боговъ, собравшихся на совѣтъ на Олимпѣ. Одинъ Нептунъ (Посейдонъ) отсутствуетъ; онъ отправился на праздникъ,

¹⁾ По счету грековъ, въ 18 дняхъ пути отъ Итаки. Должно предполагать, что греки представляли себѣ этотъ островъ не въ Средиземномъ морѣ, а гдѣ-либо далеко на С.З.

подобно Юпитеру въ Иліадѣ, къ таинственному племени эѳіоповъ:

. въ отдаленной странѣ Эѳіоповъ
(Крайнихъ людей, поселенныхъ двояко: одни, гдѣ нис-
ходитъ
Богъ свѣтоносный, другіе — гдѣ всходитъ).

Минерва (Паллада-Аѳина) пользуется отсутствіемъ Нептуна, чтобъ напомнить отцу боговъ о тяжелой участи Улисса, столь недостойной героя, заслужившаго славу у боговъ и людей. Рѣшено послать Меркурія (Гермеса) вѣстникомъ безсмертныхъ на островъ, гдѣ Калипсо держитъ Улисса въ плѣну, и объявить ему о приближающемъ возвращеніи его домой. Въ то же время сама Минерва (П.-Аѳина) отправляется въ Итаку и ободряетъ его сына Телемака очистить свой домъ отъ гнусной толпы развратниковъ и ѣхать на поиски за своимъ отцемъ. Мѣсто поэмы, въ которомъ описывается это посѣщеніе, прекрасно.

Кончивъ, она привязала къ ногамъ золотыя подошвы, Амвросіальныя, всюду ее надъ водой и надъ твердымъ Лономъ земли безпредѣльныя легкимъ носящія вѣтромъ; Послѣ взяла боевое копьѣ, заостренное мѣдью, Твердое, тяжелоогромное, имъ же во гнѣвъ сражаетъ Силы героевъ она, громоноснаго бога рожденье. Бурно съ вершины Олимпа въ Итаку шагнула богиня. Тамъ на дворѣ, у порога дверей Одиссеева дома Стала она съ мѣдноострымъ копьемъ, облеченная въ образъ

Гостя, Тафійцевъ властителя, Ментеса; собранныхъ
вмѣстѣ
Всѣхъ жениховъ, многобуйныхъ мужей, тамъ богиня
узрѣла;
Въ кости играя, сидѣли они передъ входомъ на кожахъ
Ими убитыхъ быковъ; а глашатаи, столъ учреждая,
Вмѣстѣ съ рабами проворными бѣгали: тѣ наливали
Воду съ виномъ въ пировыя кратеры.

Въ то время, какъ молодой царевичъ сидитъ нера-
достнымъ гостемъ въ залахъ своего отца, размышляя
о томъ, не наступитъ ли наконецъ день, когда отецъ
его вернется внезапно и отомститъ поругателямъ его
правъ, противъ которыхъ сынъ не можетъ ничего
предпринять, Телемакъ поднимаетъ глаза и замѣчаетъ
странника, стоящаго у воротъ. Съ чрезвычайно про-
стой и возвышенной вѣжливостью старыхъ библей-
скихъ патріарховъ, которая еще и теперь сохранилась
на Востокѣ, тогда какъ ходъ современной цивилизаціи
уничтожилъ даже слѣды ея на нашемъ Западѣ, онъ
торопится привѣтствовать странника единственно на
томъ простомъ основаніи, что это нуждающійся стран-
никъ; онъ не желаетъ слышать ни слова объ его при-
ключеніяхъ, пока не исполнитъ долга гостепріимства.
Не смотря на все нетерпѣніе услышать, можетъ быть,
вѣсти объ отцѣ, онъ сдерживаетъ свое желаніе разспра-
шивать гостя. Телемакъ не задаетъ ни одного во-
проса до тѣхъ поръ, пока невольницы не принесли
воды въ серебряныхъ чашахъ, и глашатаи, кравчій и

ключница (чисто царское заведеніе, хотя и съ нѣ-
сколько грубымъ оттѣнкомъ) не исполнили, каждый,
своего дѣла, удовлетворивъ нуждамъ странника.

Въ это время женихи окончили свой пиръ и требуютъ
музыки и пѣсенъ; они заставляютъ домашняго пѣвца
и барда Өемія пропѣть имъ что-нибудь, и въ то время,
какъ этотъ послѣдній пускаетъ въ дѣло свой голосъ и
свою лиру, чтобъ занять ихъ, сынъ Улисса шепчется
со своимъ посѣтителемъ: Кто онъ и откуда родомъ? Не
былъ ли онъ другомъ его отца? Много гостей прихо-
дило когда-то и встрѣчало радушный пріемъ въ этихъ
залахъ въ тѣ давно-прошедшіе дни. Не принесъ ли
странникъ какихъ-либо новостей о немъ? Въ отвѣтъ,
переодѣтая богиня передаетъ свою повѣсть съ такими
подробностями вымысла, которыя приличны мудрости,
когда она снисходитъ до лжи:

Все откровенно тебѣ расскажу; я царя Анхіала
Мудраго сынъ, именуяся Ментесомъ, правлю народомъ
Веслолюбивыхъ Тафійцевъ; и нынѣ корабль мой въ Итаку
Вмѣстѣ съ моими людьми я привелъ, путешествуя темнымъ
Моремъ къ народамъ инаго языка; хочу я въ Темезѣ
Мѣди добыть, на нее обмѣнявшись блестящимъ желѣзомъ;
Свой же корабль я поставилъ подъ склономъ Нейона

лѣсистымъ
На полѣ, въ пристани Регрѣ, далеко отъ города. Наши
Предки издавна гостями другъ другу считаются; это,
Можетъ быть, слышишь нерѣдко и самъ ты, когда по-
сѣщаешь

Дѣда героя Лаэрта

Пришлецъ объявляетъ, что хотя ему и неизвѣстна настоящая судьба Улисса, однако онъ предчувствуетъ, что Улиссъ задержанъ гдѣ-нибудь въ плѣну и что «хотя бы былъ связанъ желѣзными узами», все-же, навѣрно, найдетъ дорогу домой. Во всякомъ случаѣ, странникъ, выдающій себя за Ментеса, друга Улисса, совѣтуетъ Телемаку ободриться и дѣйствовать мужественно. Пускай онъ заявитъ толпѣ шумныхъ жениховъ, чтобъ они оставили его дворецъ и не грабили имущества; пусть его мать Пенелопа возвратится въ домъ своего отца (если желаетъ опять выйти замужъ) и тамъ сдѣлаетъ выборъ и справитъ свадьбу; что же касается до него, Телемака, то пусть онъ немедленно сядетъ на корабль и отправится разыскивать своего отца вдоль береговъ Греціи. Возможно, что Несторъ въ Пилосѣ или Менелай въ Спартѣ, — послѣдніе вожди, возвратившіеся изъ похода—и сообщать ему какія-нибудь вѣсти. Если онъ только услышитъ, что Одиссей живъ, тогда можетъ ждать его съ терпѣніемъ; убѣдившись же въ его смерти, ему прилично будетъ отомстить достойнымъ образомъ его врагамъ. Божественный странникъ какъ бы упрекаетъ Телемака за его бездѣятельность.

. тебѣ же

Быть ужъ ребенкомъ нельзя, ты изъ дѣтскаго возраста
вышелъ;
Знаешь, какою божественный отрокъ Орестъ передъ цѣ-
лымъ

Свѣтомъ украсился честию, отмстивши Эгисту, которымъ
Былъ умерщвленъ злоковарно его многославный роди-
тель?

Такъ и тебѣ, мой возлюбленный другъ, столь прекрасно со-
зрѣвшій,
Должно быть твердымъ, чтобъ имя твое и потомки хва-
лили.

Молодой царевичъ съ уваженіемъ принимаетъ совѣтъ отъ друга своего отца и упрасиваетъ гостя остаться еще нѣкоторое время; но Минерва, окончивъ свое дѣло, внезапно преобразуется, раскрываетъ крылья и исчезаетъ. Тогда-то Телемакъ узнаетъ богиню и чувствуетъ, что въ груди его пробуждается новая жизнь и новый смѣлый духъ. Уступая большому, чѣмъ когда-либо, желанію истолковать явленіе аллегорически, мы видимъ въ посѣщеніи странника пробужденіе мудрости и рѣшимости въ сердцѣ юноши, до сихъ поръ слишкомъ мало сознававшего свои обязанности.

Телемакъ возвращается въ среду жениховъ совершенно обновленнымъ человѣкомъ. Они все-еще продолжаютъ слушать Ѡеміа, поющаго о возвращеніи греческихъ вождей изъ-подъ Трои и о страданіяхъ, испытанныхъ ими во время обратнаго пути отъ гнѣва боговъ. Звуки этой пѣсни доходятъ до Пенелопы, которая сидитъ со своими рабынями въ какомъ-то верхнемъ помѣщеніи, напоминающемъ нашъ теремъ или башню средневѣковыхъ дамъ. Она сходитъ внизъ по лѣстницѣ и останавливается на порогѣ залы, привлеченная зву-

ками пѣнія; но предметъ этой пѣсни слишкомъ тяжелъ для нея; она подзываетъ къ себѣ пѣвца и проситъ его, изъ снисхожденія къ ней, выбрать какую-нибудь другую тему. Мы не должны слишкомъ претендовать на Телемака за то, что въ первомъ порывѣ пробудившагося въ немъ чувства онъ обращается къ своей матери съ рѣчью, на наши глаза слишкомъ рѣзкою. Онъ почти приказываетъ ей не стѣснять пѣвца въ его вдохновеніи, такъ какъ выбранная имъ тема, самая благородная, всегда будетъ и самою лучшей. Телемакъ напоминаетъ матери, что дѣло женщины—заниматься пряжей и тканьемъ, а распорядиться мужчинами въ домѣ его отцевъ есть право, принадлежащее ему. Если, при оцѣнкѣ этого тона, мы примемъ въ соображеніе вѣкъ и тогдашній взглядъ на обязанности женщинъ—сказывающійся и въ Иліадѣ, въ разговорѣ Гектора съ женой, которую онъ любилъ такъ нѣжно,—и вспомнимъ даже болѣе высокіе примѣры изъ Писанія, то не будемъ видѣть въ подобномъ обращеніи сына къ матери ничего грубаго или отталкивающаго. Для молодаго человѣка, въ ушахъ котораго еще раздавались совѣты Паллады, отсутствіе и страданія его отца могли казаться единственной достойной темой для вдохновенія пѣвца. Телемакъ чувствуетъ, что ему слѣдуетъ напоминать постоянно именно объ этомъ предметѣ. Если до сихъ поръ онъ и позволялъ шумной толпѣ жениховъ думать, что въ отсутствіе Улисса управленіе его

домомъ находится въ слабыхъ рукахъ женщины, то пришла пора положить этому конецъ; онъ вступаетъ въ права своего отца.

Мать съ изумленіемъ замѣчаетъ перемѣну въ тонѣ своего сына; можно подумать, что она смотритъ на него со смѣшаннымъ чувствомъ одобренія и огорченія; мальчикъ въ ея глазахъ вдругъ обратился въ мужа. Поэтъ однимъ словомъ выражаетъ впечатлѣніе, произведенное на Пенелопу этимъ первымъ взрывомъ самостоятельности въ Телемакѣ. «Изумленная», она удаляется въ свой теремъ и оплакиваетъ тамъ свои горести, пока не засыпаетъ. Самъ же Телемакъ обращается къ собравшемуся обществу тономъ, который, очевидно, столь же неожиданъ для жениховъ, какъ и для его матери. Онъ приглашаетъ ихъ, съ надменной вѣжливостью, пировать до самой ночи; на завтра же онъ созоветъ (по обычаю царей у Гомера) совѣтъ изъ всѣхъ представителей народа и при нихъ заявитъ женихамъ публичное требованіе оставить домъ его отца и пировать, если хотятъ, другъ у друга и на собственный счетъ. Если же они откажутся и станутъ продолжать такимъ образомъ грабить имущество отсутствующаго, то онъ обратится къ безсмертнымъ богамъ съ мольбою о скоромъ и неотразимомъ мщеніи.

Безпечные гости тотчасъ же замѣчаютъ внезапную перемѣну въ молодомъ человѣкѣ. Нѣсколько минутъ они молчатъ, закусивъ губы, «смѣлымъ его пораженные

словомъ». Первымъ отвѣчаетъ ему Антиной, самый выдающійся представитель этого сборища жениховъ, дерзкій и смѣлый, безопасно-веселый и вѣчно готовый на остроту, что дѣлаетъ его любимцемъ всякаго двора. Къ этимъ качествамъ Антиной присоединяетъ еще одно, которое тоже можно найти въ избыткѣ въ этихъ сферахъ, — неблагодарность. Онъ связанъ съ домомъ Улисса самыми тѣсными узами признательности; въ прежніе дни его отецъ искалъ убѣжища у владѣтеля Итаки отъ мести ееспротовъ ¹⁾ и пользовался его гостепріимствомъ до самой смерти; теперь же сынъ отвѣчаетъ Телемаку насмѣшливымъ комплиментомъ относительно принятой имъ на себя новой роли.

Сами боги, конечно, тебя, Телемакъ, научили
Быть столь кичливымъ и дерзкимъ въ словахъ, и бѣда
Въ волнообъятой Итакѣ, по волѣ Кроніона, будешь
Нашимъ царемъ.

Телемакъ отвѣчаетъ, что, во всякомъ случаѣ, онъ намѣренъ быть господиномъ въ домѣ своего отца. Затѣмъ Евримахъ, другой выдающійся представитель изъ числа жениховъ, болѣе сладкоязычный и осторожный, старается успокоить раздраженнаго юношу признаніемъ заявленныхъ имъ правъ, съ цѣлью вывѣдать отъ него

¹⁾ Древніе жители Эпира, еще варвары во времена Пелопонезскихъ войнъ.
Переводч.

кое-что относительно одного обстоятельства, причиняющаго Евримаху, повидимому, нѣкоторую тревогу: «кто былъ этотъ странникъ, явившійся къ намъ изъ-за моря, и не принесъ ли онъ какихъ-нибудь вѣстей объ Улиссѣ?» Но Телемакъ научился отъ переодѣтой богини не только мудрости, но и осторожности; онъ сообщаетъ женихамъ просто имя, принятое пришельцемъ, говоря, что это Ментесъ, старый другъ дома. Что же касается возвращенія его отца, то какъ оракулы боговъ, такъ и рассказы всѣхъ людей сходятся во мнѣніи, что возвращеніе это безнадежно. Затѣмъ пиръ продолжается до самой ночи, съ наступленіемъ которой женихи удаляются куда-то по-близости, а Телемакъ уходитъ въ свою комнату (повидимому, отдѣльную отъ главнаго зданія), гдѣ его старая нянька, Еврикляя, ухаживаетъ за нимъ съ такой заботливостью, точно онъ все-еще ребенокъ: вѣшаетъ около него тонкую сорочку, которую тотъ снялъ, ложась спать, и, уходя, запираетъ двери задвижкой, пропустивъ ее въ серебряное кольцо.

Назавтра приглашенъ совѣтъ старшинъ; подобнаго сборища не было еще ни разу съ тѣхъ поръ, какъ Улиссъ отплылъ къ Троѣ. Въ то время, какъ Телемакъ идетъ на собраніе, занять свое мѣсто, всѣ поражены новымъ величіемъ его вида.

. когда же
Всѣ собралися они и собраніе сдѣлалось полнымъ,

Съ мѣднымъ въ рукѣ онъ копьемъ передъ сонмомъ народнымъ явился —
 Былъ не одинъ, двѣ лихія за нимъ прибѣжали собаки —
 Образъ его несказанной красой озарила Аѳина,
 Такъ, что дивилися люди, его подходящаго вида.
 Старцы предъ нимъ раздалися и сѣлъ онъ на мѣстѣ отцевоу.

Онъ заявляетъ собранію рѣшительный протестъ противъ безстыднаго расхищенія его имущества толпой развратниковъ и противъ безсилія или нежеланія народа оказать ему помощь, чтобъ выгнать незваныхъ гостей изъ дома. Антиной, поднявшись для отвѣта, опять начинаетъ его ироническимъ комплиментомъ, что рѣчи молодаго оратора столь же божественны, какъ и его духъ; но, увѣряетъ Антиной, вина падаетъ не на жениховъ, а на саму царицу. Она въ продолженіе трехъ лѣтъ непрерывно водила ихъ, такъ сказать, за носъ, давая имъ напрасныя надежды и ложныя обѣщанія; мало того: она даже прибѣгла къ извѣстнаго рода обману. Царица поставила во дворцѣ «станъ превеликій», на которомъ прилежно ткала «искусный покровъ гробовой» для отца своего мужа, престарѣлаго Лаэрта, на случай его смерти, прося не говорить ей о выборѣ новаго жениха до тѣхъ поръ, пока она не выполнитъ своего печальнаго долга. На такую уважительную просьбу всѣ они согласились; и что же? недавно имъ стало извѣстно, что все, сотканное днемъ, царица тщательно распускала ночью, такъ

что предположенная работа, конечно, никогда не будетъ кончена. Эту тайну выдала какая-то изъ служительницъ. Антиной достаточно галантенъ, чтобъ присоединить къ этому разсказу о хитрости Пенелопы горячія похвалы ей самой и отдать полную справедливость тому женскому остроумію, съ которымъ она такъ долго обманывала ихъ всѣхъ.

Разумомъ щедро ее одарила Аѳина; не только въ разныхъ она руководѣльяхъ искусна, но также и много Хитростей знаетъ, неслыханныхъ въ древніе дни и Ахейскимъ
 Женамъ прекрасно-кудрявымъ невѣдомыхъ; что ни Алкменѣ

Древней, ни Тиро, ни пышно-вѣнчанной царевнѣ Микенѣ
 Въ умъ не входило, то нынѣ увертливый умъ Пенелопы
 Намъ во вреду изобрѣлъ.

Теперь, однако, съ ними уже нельзя вести дѣло такимъ же образомъ; она должна выбрать между ними жениха; въ противномъ случаѣ они ни за что не покинутъ дворца до тѣхъ поръ, пока она останется тамъ вдовой. Телемакъ съ негодованіемъ отвергаетъ предложеніе отослать свою мать къ ея отцу и повторяетъ свой страстный призывъ къ богамъ о мщеніи за обиду, противъ которыхъ онъ безсиленъ. Вдругъ знаменіе съ неба указываетъ, повидимому, на то, что призывъ его услышанъ и принятъ. Два орла появляются надъ толпой, собравшейся на площади, кружатся здѣсь и яростно рвутъ другъ друга клювами и когтями. Тутъ является

и находящійся подъ рукой прорицатель, чтобъ объяснить это явленіе. Престарѣлый Галифертъ напоминаетъ всѣмъ присутствующимъ, что еще прежде, при отъѣздѣ Улисса отъ родныхъ береговъ въ Трою, онъ предсказалъ, что до возврата Улисса пройдетъ двадцать лѣтъ. Теперь, въ этомъ счастливомъ знаменіи онъ видитъ, что ожидаемый день приближается. Въ своемъ рвеніи объ интересахъ повелителя онъ доходитъ до того, что приглашаетъ собравшуюся толпу взять на себя немедленно наказаніе измѣнниковъ. Одинъ изъ жениховъ смѣется надъ предсказаніемъ старика и грозитъ ему за его вмѣшательство; прорицатель смолкаетъ, и Телемакъ, не видя никакой помощи отъ собраннаго народа, проситъ дать ему лишь одинъ корабль и гребцовъ, чтобъ пуститься въ поиски за своимъ отцемъ. Изъ числа всей толпы только одинъ голосъ поднимается на защиту молодаго царевича; это голосъ Ментора, которому Улиссъ поручилъ заботу о своихъ правахъ во время отсутствія. Имя Ментора перешло къ намъ какъ синонимъ и кличка всѣмъ осторожнымъ наставникамъ и совѣтчикамъ, въ особенности по появленіи поучительнаго Фенелонава разсказа о Телемакѣ, о которомъ мы уже упоминали и въ которомъ приключенія Улисса сына послужили матеріаломъ для преподаванія морали на пользу современнаго юношества. Менторъ выражаетъ свое негодованіе жаркимъ протестомъ противъ народной неблагодарности:

Выслушать слово мое приглашаю васъ, люди Итаки;
Кроткимъ, благимъ и привѣтливимъ быть ужь впередъ
ни единый
Царь скиптроносный не долженъ, но, правду изъ сердца
изгнавши,
Каждый пускай притѣсняетъ людей, беззаконствуя смѣло,
Если могли вы забыть Одиссея, который былъ нашимъ
Добрымъ царемъ и народъ свой любилъ, какъ отецъ
благодушный.

Безстыдные женихи встрѣчаютъ его рѣчь криками и насмѣшками; Телемакъ же оставляетъ собраніе и идетъ въ грустномъ настроеніи на берегъ моря, — обычное мѣсто для уединенія и размышленія Гомеровыхъ героевъ, когда имъ хочется успокоить грусть или гнѣвъ, накопившіеся въ душѣ. Такое обращеніе къ успокаивающему вліянію «безпредѣльнаго океана», какъ называетъ его Гомеръ, говоритъ весьма краснорѣчиво о воспримчивости и поэтическомъ настроеніи самого поэта. Погрузивъ свои руки въ морскія волны, — у грековъ, какъ и у іудеевъ, молитва требовала первоначальнаго очищенія, — Телемакъ обращается съ воззваніемъ къ своей покровительницѣ, богинѣ Аѳинѣ. Она тотчасъ является предъ нимъ въ образѣ Ментора и, обращаясь къ юношѣ со словами одобренія и совѣта, старается поддержать его. Злые люди могутъ смѣяться надъ нимъ теперь; но если онъ только окажется достойнымъ сыномъ своего отца, то передъ нимъ откроется поприще славы: ему будутъ добыты

корабль и гребцы. Ободренный такимъ образомъ божественной мудростью, явившейся къ нему въ лицѣ Ментора, Телемакъ, чтобъ не возбудить подозрѣнія, возвращается въ пиршественную залу; но когда Антиной встрѣчаетъ его здѣсь съ выраженіемъ ложной дружбы, онъ грубо вырываетъ свою руку и оставляетъ общество. Онъ сообщаетъ о своихъ намѣреніяхъ нянькѣ Евриклеѣ, — занимающей также должность дворцовой ключницы, — и приказываетъ ей приготовить припасы для его путешествія: двѣнадцать большихъ амфоръ лучшаго вина, двадцать мѣръ хорошей муки и зерна, тщательно зашитыхъ въ кожаные мѣха. Въ сумерки того же вечера онъ хочетъ, тайно отъ матери, сѣсть на судно, такъ какъ богиня (все-еще въ образѣ Ментора) наняла для него лодку съ двадцатью здоровыми гребцами, которые станутъ ждать его въ гавани съ наступленіемъ ночи. Евриклея напрасно протестуетъ противъ опаснаго проекта своего любимца.

Лучше останься у насъ при своемъ; ни малѣйшей нѣтъ
нужды

Въ страшное море тебѣ на бѣды и на бури пускаться.
Ей отвѣчая, сказалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ:
Няня, мой другъ, не тревожься; не мимо боговъ я рѣ-
шился

Въ путь; но влянись мнѣ, что мать отъ тебя ни о чемъ
не узнаетъ

Прежде, пока не свершится одиннадцать дней иль двѣ-
надцать,

Или покуда не спросить сама обо мнѣ, иль другой кто
Тайны не скажетъ — боюсь, чтобъ отъ плача у ней не
поблекла

Свѣжесть лица.

Намѣренія Телемака непоколебимы. Какъ-только вечернія сумерки падаютъ на землю, Минерва насы-
ляетъ странную сонливость на пирующихъ жениховъ,
собравшихся во дворцѣ Улисса, такъ что кубки па-
даютъ изъ ихъ рукъ и сами они рано расходятся ко
сну. Затѣмъ, въ образѣ Ментора, она зоветъ Телемака
туда, гдѣ ждетъ его судно, ведетъ его на палубу и
садится рядомъ съ нимъ у руля.

Свѣжій повѣялъ зефиръ, ошумляющій темное море.
Бодрыхъ гребцовъ возбуждая, велѣлъ Телемакъ имъ скорѣе
Снасти устроить; ему повинуюсь, сосновую мачту
Подняли разомъ они и, глубоко въ гнѣздо водрузивши,
Въ немъ утвердили ее, а съ боковъ натянули веревки;
Бѣлый потомъ привязали ремнями плетеными парусъ;
Вѣтромъ наполнившись, онъ поднялся и пурпурныя
волны

Звучно подъ килемъ потекшаго въ нихъ корабля зашу-
мѣли;

Онъ же бѣжалъ по волнамъ, разгребая себѣ въ нихъ дорогу.
Тутъ корабельщики, черное быстрое судно устроивъ,
Чаши наполнили складкимъ виномъ и молясь сотворили
Должное вѣчнорожденнымъ, безсмертнымъ богамъ воз-
ліянье,

Паче жъ другихъ свѣтлоокой богинѣ великой Палладѣ.
Судно всю ночь и все утро спокойно свой путь совер-
шало.

ГЛАВА II.

ТЕЛЕМАКЪ ОТПРАВЛЯЕТСЯ НА ПОИСКИ ЗА СВОИМЪ
ОТЦОМЪ.

Съ этихъ поръ и во всѣхъ четырехъ первыхъ пѣсняхъ поэмы героемъ ея является не Улиссъ, а Телемакъ. Путники скоро достигаютъ скалистыхъ береговъ Пилоса ¹⁾, царства стараго «коней укротителя» Нестора.

Несторъ пережившій долгій походъ, въ которомъ пали такъ многіе изъ его болѣе юныхъ товарищей, сидитъ, въ настоящее время, окруженный своими сыновьями, на большомъ народномъ пиршествѣ въ честь бога моря. Телемакъ, со скромностью, весьма естественной въ его годы, опасается вначалѣ подойти и разспрашивать столь богатаго годами и славой вождя, но сопровождающій его наставникъ ободряетъ его обѣщаніемъ, что небо вложитъ должныя слова въ его уста. Впрочемъ,

¹⁾ Въ Мессеніи, югозападной части Пелопонеза.

Переводч.

пока не предстоить еще никакой нужды въ разспросахъ ни съ той, ни съ другой стороны. Пизистратъ, младшій сынъ Нестора, на долю котораго выпадаетъ, по обычаю, обязанность принимать гостей, привѣтствуетъ странника съ той вѣжливостью, на которую, по законамъ Гомерова общества, имѣютъ неотъемлемое право всѣ странники, приглашаетъ ихъ занять мѣсто на пиру и предлагаетъ чашу вина, поднося ее сначала предполагаемому Ментору, какъ старшему. Онъ проситъ ихъ только, прежде чѣмъ пить, соединиться со всѣми въ общей молитвѣ къ Посейдону; онъ не желаетъ оскорблять ихъ предположеніемъ, чтобы молитва была неизвѣстна или непріятна имъ, кто бы они ни были: «Всѣ мы, люди, нуждаемся въ благодатныхъ богахъ». Когда оба они исполнили это, призвавъ благословеніе на хозяина дома и на успѣхъ своему собственному предпріятію, и когда затѣмъ они наѣлись и напились досыта, тогда, и только тогда, Несторъ спрашиваетъ гостей о цѣли ихъ путешествія. Форма, въ которой старый вождь предлагаетъ имъ вопросы, весьма характерна для тогдашней первобытной цивилизаціи и существовавшаго въ ней открытаго гостепріимства. Онъ спрашиваетъ самымъ обыкновеннымъ образомъ путниковъ, кто они такіе, не пираты ли, «добычники вольные»? причемъ въ словахъ его нисколько не слышится, чтобъ подобное занятіе могло класть на нихъ невыгодный оттѣнокъ. Такіе «добычники вольные» въ Го-

меровскія времена были люди очень опасные; однако занятіе ихъ далеко не считалось безчестнымъ. То былъ желѣзный вѣкъ, когда каждый долженъ былъ находиться на-сторожѣ по отношенію къ своему сосѣду и сегоднешній гость могъ сдѣлаться завтра врагомъ. Откровенный вопросъ Нестора можетъ помочь намъ понять разграбленіе Улиссова имущества въ его отсутствіе безпутной молодежью Итаки. Имущество чело-вѣка было безопасно только до тѣхъ поръ, пока самъ хозяинъ вооруженной рукой охранялъ его. Телемакъ, въ отвѣтъ Нестору, говоритъ свое имя и цѣль путешествія и умоляетъ стараго вождя, въ память тѣхъ дней, когда онъ вмѣстѣ съ Улиссомъ сражался бокъ-о-бокъ подъ Троей, сообщить ему, если онъ можетъ, какія-либо вѣсти объ отцѣ.

Такъ Телемаку отвѣтствовалъ Несторъ, герой Гереней-скій:

Сынъ мой, какъ сильно напомнилъ ты мнѣ о налестяхъ,
въ землѣ той

Встрѣченныхъ нами Ахейцами, твердыми въ опытѣ стро-
гомъ,

Частью, когда въ корабляхъ, предводимые бодрымъ Пе-
лидомъ,

Мы за добычей по темнотуманному морю гонялись,
Частью когда передъ крѣпкимъ Пріамовымъ градомъ съ
врагами

Яростно бились. Изъ нашихъ въ то время всѣ лучшіе
пали:

Легъ тамъ Аяксъ бѣдоносный, тамъ легъ Ахиллесъ, и со-
вѣтовъ

Мудростью равный безсмертнымъ Патрокль, и лежитъ
тамъ мой милый
Сынъ Антилохъ, безпорочный, отважный и столько же
дивный
Легкостью бѣга, сколь былъ онъ безстрашный боецъ.

Несторъ обнаруживаетъ при этомъ то же пристрастіе къ рассказамъ, которое такъ характеризуетъ его въ Илиадѣ. Современные критики, склонные обвинять стараго вождя въ болтливости, должны вспомнить, что въ тотъ вѣкъ, когда не было ежедневныхъ газетъ съ ихъ спеціальными корреспондентами, хорошая память и гибкій языкъ были весьма почтенными украшеніями старости, и старый вождь, удалившись на покой, становился историкомъ своего времени. Еслибъ онъ не передавалъ своихъ рассказовъ часто и подробно людямъ молодаго поколѣнія, собиравшимся на пиры, то всякое воспоминаніе о славныхъ дѣяніяхъ прошлаго было бы потеряно, и даже бардамъ и пѣвцамъ по профессіи не доставало бы данныхъ, какъ той необходимой канвы, на которой они основывали свои пѣсни. Даже и въ наше время мы всегда готовы слушать рассказы ветерана о прежнемъ поколѣніи, какъ въ военное, такъ и въ мирное время, и всякій, кто обладаетъ хорошою памятью и пріятнымъ слогомъ, повѣствуетъ намъ и теперь о прошломъ, прибѣгая, впрочемъ, для этого къ болѣе удобному средству, печати.

Несторъ рассказываетъ своимъ гостямъ, какимъ образомъ боги послѣ взятія Трои вызвали вражду между братьями-царями, Агамемнономъ и Менелаемъ, и какимъ образомъ, вслѣдствіе этого, флотъ раздѣлился и Менелай съ однимъ отрядомъ направился прямо домой, между тѣмъ какъ другой отрядъ остался съ Агамемнономъ, въ надеждѣ утишить гнѣвъ боговъ. Улиссъ, отплывшій сначала вмѣстѣ съ Менелаемъ, вернулся назадъ, къ своему вождю. Объ его дальнѣйшей судьбѣ Несторъ не знаетъ ничего; но онъ совѣтуетъ молодому человѣку не падать духомъ. Онъ слышалъ о тревогахъ, которыя посѣтили его домъ; но если Паллада будетъ продолжать изливать на сына ту же любовь и тѣ же милости, которыми (какъ было извѣстно грекамъ) она дарила отца, то въ концѣ концовъ все устроится къ лучшему. Конечно, ни Телемакъ, ни Несторъ не знаютъ (какъ это знаютъ читатели), что мудрая богиня, составившая славу Улисса, теперь руководитъ его сыномъ. Молодой человѣкъ желаетъ еще услышать изъ устъ стараго друга своего отца страшную повѣсть о смерти Агамемнона отъ руки супруги и ея любовника и объ отмщеніи этого преступленія сыномъ Агамемнона Орестомъ. Телемакъ уже прежде слышалъ кое-что объ этомъ происшествіи; оно запало ему въ сердце, въ особенности съ тѣхъ поръ, когда богиня, посѣтивъ его подъ видомъ Ментеса, сдѣлала ему такіе явные намеки на это происшествіе. Несторъ рассказы-

ваетъ ему въ подробности легенду, которая изъ поколѣнія въ поколѣніе въ разныхъ видахъ доставляла богатую тему поэтамъ и драматургамъ Греціи. Въ изложеніи Гомера мы не находимъ нѣкоторыхъ ужасовъ, приплетенныхъ къ этому происшествію позднѣйшими авторами, и весьма вѣроятно, что болѣе простая форма, въ которой эпизодъ переданъ Гомеромъ, даетъ, въ самомъ дѣлѣ, всѣ главные факты этой семейной трагедіи.

Во время продолжительнаго отсутствія Агамемнона въ Троянской войнѣ его супруга Клитемнестра, сестра Елены, измѣнила супружеской вѣрности, склоненная къ тому двоюроднымъ братомъ ея супруга, Эгистомъ. Напрасно семейный пѣснопѣвецъ, вѣрный порученію, данному ему царемъ при отплытіи, предостерегалъ свою госпожу отъ опасности. Эгистъ, отчаяваясь достигнуть своей цѣли до тѣхъ поръ, пока Клитемнестра находится на глазахъ этого вѣрнаго слуги, велѣлъ вывезть его на необитаемый островъ, на голодную смерть. Клитемнестра пала, и Эгистъ сталъ управлять дворцомъ и царствомъ. Подъ конецъ Агамемнонъ возвратился изъ долгаго похода. Выйдя на берегъ своей родной земли, онъ бросается на колѣни и въ восторгѣ цѣлуетъ землю своихъ отцовъ. Нѣчто подобное, хотя, по всей вѣроятности, не какъ сознательное подражаніе, а какъ простое совпаденіе мыслей двухъ поэтовъ, мы видимъ у Шекспира въ той сценѣ,

когда Ричардъ II выражаетъ свои чувства точно такимъ же образомъ :

«Я плачу отъ восторга, возвращаясь
На родину. О милый, милый край!
Привѣтствую тебя, хоть ты и вспаханъ
Еще пока копытами коней
Моихъ враговъ. Какъ мать, встрѣчая сына,
Любуется имъ, плача и смѣясь,
Такъ точно я, съ восторгомъ и слезами
Стремлюсь тебя къ груди моей прижать!

(Шекспиръ, Ричардъ II. Изд.
Гербея т. II, стр. 373.)

Агамемнонъ встрѣчаетъ такой же трагическій пріемъ отъ лица, замѣнившего его, какъ и Ричардъ Плантагенетъ.

Радостно вождь Агамемнонъ ступилъ на родительскій берегъ.

Сталь цѣловать онъ отечество милое; снова увидя
Землю желанную, пролилъ обильно онъ теплыя слезы.
Но издалека съ подозрною стоянки увидѣлъ Атрида
Сторожъ, Эгистомъ поставленный (злое замысла, ему онъ
Дать обѣщалъ два таланта); и тамъ наблюдалъ онъ ужъ
цѣлый

Годъ, чтобъ Атридъ не засталъ ихъ въ распахъ, воз-
вратятся внезапно.

Съ вѣстью о немъ роковой побѣждалъ онъ въ жилище
Эгиста.

Ковъ смертоносный тогда хитроумный Эгистъ пригото-
вилъ:

Двадцать отважныхъ мужей изъ народа немедля онъ
выбравъ,

Скрылъ ихъ близъ дома, гдѣ былъ приготовленъ обѣдъ
изобильный;

Взявъ колесницы съ конями, къ царю онъ Атриду на-
встрѣчу

Съ ласковымъ зовомъ пошелъ, замышляя недоброе въ
сердцѣ;

Введши его, подозрѣнію чуждаго, въ домъ, на ве-
селомъ

Пирѣ его онъ убилъ, какъ быка убиваютъ при яслахъ.

Въ теченіе семи лѣтъ измѣнникъ безопасно царство-
валъ въ Микенахъ, но въ этотъ промежутокъ времени
сынъ Агамемнона, Орестъ, увезенный отъ преступнаго
двора своей старшей сестрой, подросталъ въ Аѣинахъ
и приближался къ возмужалости, — предназначенный
богами мститель вопіющаго преступленія. Черезъ семь
лѣтъ онъ возвращается переодѣтымъ въ домъ своего
отца, убиваетъ Эгиста и вступаетъ въ свои права по
наслѣдству. Позднѣйшіе поэты набросили на смерть
Агамемнона еще болѣе мрачную тѣнь, которую мы не
находимъ у Гомера. Трагическій интересъ въ драмахъ
Эсхила и Софокла, основанныхъ на этомъ происшествіи,
заключается въ томъ, что убійцею Агамемнона пред-
ставлена сама Клитемнестра, а мстителемъ за отца
Орестъ, не останавливающійся передъ тѣмъ, чтобъ стать
убійцею своей матери, равно какъ и ея любовника.

Несторъ окончилъ свой рассказъ, и путники загова-
риваютъ о томъ, чтобы вернуться къ своему судну и
продолжать поиски. Но старый вождь не хочетъ и слы-
шать объ отъѣздѣ; эту ночь, по крайней мѣрѣ, гости
обязаны остаться у него. На слѣдующее же утро онъ

пошлетъ ихъ ко двору Менелая въ Спарту, гдѣ они, быть можетъ, узнаютъ послѣднія новости объ Улиссѣ. Спутникъ Телемака совѣтуетъ ему принять это приглашеніе, а затѣмъ внезапно раскрываетъ крылья и улетаетъ въ образѣ морскаго орла, причемъ оба, Несторъ и Телемакъ, догадываются наконецъ, что послѣднимъ руководила, въ образѣ Ментора, сама богиня мудрости.

Немедленно въ честь ея приносятъ въ жертву тельца, съ рогами, изукрашенными золотомъ. Затѣмъ попрежнему назначается общественный пиръ, а послѣ него, согласно обѣщанію, Телемакъ отправляется въ дальнѣйшее странствованіе. Для путешествія ему даютъ пару быстрыхъ и сильныхъ коней; старый воинъ знаетъ, что-такое добрый конь, и поручаетъ своимъ сыновьямъ взять лучшихъ изъ его конюшни. Телемака снабжаютъ запасами хлѣба и вина, «какое царямъ лишь прилично», и Пизистратъ становится въ колесницу вмѣстѣ со своимъ новымъ другомъ, принимая на себя должность возницы. Въ первый день они останавливаются въ Ферѣ, гдѣ ихъ принимаетъ гостеримно другъ Нестора Діоклъ, а пробывши въ пути весь слѣдующій день, Телемакъ и Пизистратъ достигаютъ воротъ дворца Менелая въ Спартѣ, когда солнце уже садится надъ золотыми нивами, и «всѣ потемнѣли дороги».

Въ Спарту, такъ же, какъ и въ Пилосъ, они пріѣзжаютъ на празднество. Во дворцѣ Менелая совершается

двойная свадьба. Эрміона, единственная дочь царя отъ Елены, оставляетъ своихъ родителей, становясь женой Неоптолема (извѣстнаго также подъ именемъ Пирра красноволосаго), сына великаго Ахиллеса, и въ то же самое время молодой Мегапентъ, сынъ Менелая отъ одной рабыни, женится въ домѣ своего отца. Во дворцѣ, въ моментъ пріѣзда туда путниковъ, музыка и пляски, и Менелай, подобно Нестору, не задаетъ странникамъ вопросовъ до тѣхъ поръ, пока они не выкупались, не удовлетворили себя пищей и виномъ и пока конямъ ихъ не насыпали ячменя и полбы въ ясли. Великолѣпный Менелаевъ дворецъ, по описанію поэта, представляетъ весьма замѣчательную черту поэмы. Описаніе это напоминаетъ болѣе сцену изъ «Арабскихъ Ночей», нежели рассказъ о древней Греціи. Высокая крыша отражаетъ свѣтъ, «подобный блеску солнца или луны». Золото, серебро, бронза, слоновая кость и янтарь еще возвышаютъ это великолѣпіе. Гости моются въ чашахъ изъ серебра, а воду имъ льютъ изъ золотыхъ кувшиновъ. Телемакъ пораженъ удивленіемъ при видѣ этого блеска и не знаетъ, съ чѣмъ земнымъ онъ можетъ сравнить его.

Блещетъ все золотомъ, серебромъ, янтарями, слоновой костью;
Зевсъ лишь одинъ на Олимпѣ имѣетъ такую обитель.

Дворцы Спарты въ описаніи Гомера страннымъ образомъ противорѣчатъ тому понятію, которое составили

себѣ о ней греческіе историки позднѣйшаго времени; Фукидидъ говоритъ, что Спарта не представляетъ великолѣпныхъ общественныхъ зданій, которыя могли бы повліять на воображеніе иностранца, и что она похожа больше на собраніе деревень. Трудно допустить, чтобы въ столь древній періодъ Спарта могла дѣйствительно содержать хотя что-либо, соотвѣтствующее Гомерову идеальному великолѣпію. Является вопросъ, не основано ли это мѣсто поэмы на неясномъ преданіи о какой-нибудь весьма ранней и угасшей цивилизаціи, или не взялъ ли поэтъ это описаніе изъ своихъ собственныхъ воспоминаній о какомъ-нибудь городѣ дальняго Востока, который онъ могъ посѣтить во время своихъ путешествій. Еслибъ рассказъ поэта былъ не что иное, какъ нѣсколько преувеличенное, идеализированное описаніе дѣйствительной цивилизаціи, которая, въ самомъ дѣлѣ, существовала въ древнихъ греческихъ царствахъ и исчезла въ періодъ дорическихъ Гераклидовъ ¹⁾, то мы имѣли бы здѣсь весьма интересное доказательство ретрограднаго шага въ исторіи народовъ, и Гомеровы поэмы стали бы намъ особенно драгоценны, сохраняя

¹⁾ По сказанію легенды Гераклиды, потомки Геркулеса, послѣ троянской войны возвратились съ дорійцами изъ Фессаліи въ Пелопонезъ и основали множество дорійскихъ государствъ. Рассказы греческихъ писателей объ этомъ *переселеніи Гераклидовъ* исполнены противорѣчій и несогласны въ хронологіи.

Переводч.

воспоминаніе о томъ состояніи общества, которое безъ нихъ, конечно, было бы навсегда забыто. Можно до известной степени повѣрить возможности существованія какой-либо до-исторической цивилизаціи, угасшей впоследствии, если вспомнить великолѣпный дворецъ Соломона, — восточное преданіе о которомъ служить лишь подтвержденіемъ словъ Священнаго Писанія, причемъ все это великолѣпіе исчезло почти безслѣдно вмѣстѣ съ его основателемъ. Замѣчательно, что въ старой Валлійской поэмѣ «*Gododin*», написанной, повидимому, въ 570 г. по Р. Х., мы встрѣчаемъ нѣчто подобное же: рыцарей въ золотомъ вооруженіи и пурпуровыхъ перьяхъ, сидящихъ, съ золотыми шпорами, верхами на густогривыхъ коняхъ. Если подобные всадники, въ самомъ дѣлѣ, ѣздили когда-либо по Камбрійскимъ ¹⁾ горамъ, то какъ они должны были отличаться отъ дикихъ валлійцевъ болѣе поздняго времени! Если же смотрѣть на эти описанія, просто, какъ на вымыселъ, какъ на языкъ, общій всѣмъ поэтамъ, то странно, какимъ же образомъ онъ проглядываетъ до такой степени у нихъ всѣхъ? И далѣе, когда Елена—занявшая теперь прежнее мѣсто въ домѣ Менелая—выходитъ привѣтствовать странниковъ, все окружающее ее напоминаетъ болѣе

¹⁾ Камбрія—древнее названіе нынѣшняго Валлиса, т. е. нѣкогда самостоятельной западной части собственно Англии.

Переводч.

какую-то восточную султаншу, нежели принцессу спартанскаго племени:

Къ нимъ изъ своихъ благовонныхъ, высокихъ покоевъ
Елена

Вышла, подобная свѣтлой съ копьемъ золотымъ Арте-
мидѣ.

Кресла богатой работы подвинула сѣсть ей Адреста;
Мягкій коверъ шерстяной положила ей въ ноги Алкиппа;
Фило пришла съ драгоценной корзиной серебряной, да-
ромъ

Умной Алкандры, супруги Полиба, въ Египетскихъ Ои-
вахъ

Жившаго, много сокровищъ имѣя въ обители пышной.
Двѣ сребролитныя далъ онъ Атриду купальни и съ ними
Два треножныхъ сосуда и золотомъ десять талантовъ;
Также царицѣ Еленѣ супруга его подарила

Прялку златую съ корзиной овальной; была та корзина
Вся изъ серебра, но края золотые; и эту корзину
Фило, пришедши, поставила подлѣ царицы Елены,
Полную пряжи сученой; на ней же лежала и прялка
Съ шерстью волнистой пурпурнаго цвѣта.

Такіе вычурные атрибуты для «работы», и притомъ изъ чрезвычайно нѣжной шерсти, окрашенной драгоценной пурпуровой краской, имѣютъ мало общаго съ домашнимъ станкомъ Пенелопы. Здѣсь, какъ и въ «Иліадѣ», изящность и изысканность вкусовъ составляютъ отличительную характеристику Елены и помогаютъ понять, хотя нисколько не оправдываютъ, ту страсть, которую она почувствовала къ Парису, превосходному музыканту и блестящему юношѣ, богатому всѣми да-

рами, которыми Венера, изъ своихъ собственныхъ преступныхъ цѣлей, снабдила своего любимца. Елена здѣсь, какъ и въ Иліадѣ, представляется по преимуществу дамой большаго свѣта, со всѣми ея свѣтскими недостатками и хорошими качествами: самолюбивая и любящая роскошь, граціозная и плѣнительная. Впрочемъ, ея отступленія отъ общаго кодекса и мягкій взглядъ на нихъ поэта уже достаточно извѣстны намъ изъ Иліады. Но теперь все это уже кончилось; несчастная страсть Елены прошла, и если мы склонны иногда трунить надъ Менелаемъ за его добродушіе въ роли супруга, то намъ стоитъ только вспомнить средневѣковыя легенды объ Артурѣ и Джиневрѣ, съ которой Елена представляетъ во многихъ чертахъ большое сходство. Готовность, съ какой Артуръ всегда принимаетъ раскаяніе своей королевы, дѣйствуетъ часто отталкивающимъ образомъ на наше современное чувство, хотя, очевидно, не производила того же впечатлѣнія на чувства вѣка, въ который были написаны эти легенды. Притомъ же отнюдь не ясно, почему бы подобная снисходительность была менѣе согласна съ чистѣйшимъ кодексомъ морали, нежели грубая беспощадность относительно подобныхъ проступковъ, проповѣдуемая законами нашего современнаго общества. Менелай простилъ Елену точно такъ же, какъ и Артуръ простилъ бы Джиневру; но сама Елена не простила себѣ, и это составляетъ искупающую черту въ ея характерѣ. Говоря о себѣ, она продолжаетъ называть себя, какъ

и въ Иліадѣ, «недостойной», даже въ присутствіи своего супруга и его гостей.

Они сами тоже не мало странствовали со времени паденія Трои. Царь рассказываетъ свои собственныя приключенія прежде, чѣмъ приступаетъ къ разспросу своихъ гостей.

. . . . претерпѣвши немало, немало скитавшись,
 добра я
 Много привезъ въ корабляхъ, возвратясь на осьмой
 годъ въ отчизну.
 Видѣлъ я Кипръ, посѣтилъ Финикіянь, достигнувъ
 Египта,
 Къ чернымъ проиць Эѳіопамъ, гостилъ у Сидонянь,
 Эрембовъ;
 Въ Ливіи былъ наконецъ, гдѣ рогатыми агнцы рождаются,
 Гдѣ ежегодно три раза и козы и овцы кидаются.

Онъ разбогатѣлъ въ своихъ странствованіяхъ и былъ бы совсѣмъ счастливъ, еслибъ не мысль о несчастной кончинѣ его брата Агамемнона. На сердцѣ его лежитъ еще одно большое горе: это неизвѣстность, окружающая до сихъ поръ судьбу его хорошаго товарища, Улисса.

. . . . никто изъ Ахейянь столь много
 Бѣдствій не встрѣтилъ, какъ царь Одиссей; на труды
 и печали
 Былъ онъ рожденъ; на мою же досталось часть: сокру-
 шаться,
 Видя, какъ долго отсутствіе длится его: мы не знаемъ,

Живъ ли онъ, умеръ ли; плачетъ о немъ безутѣшный
 родитель
 Старецъ Лаэртъ, съ Пенелопой разумной, съ младымъ
 Телемакомъ,
 Бывшимъ еще въ пеленахъ при его удаленіи изъ дома.
 Такъ онъ сказавъ, неумышленно скорбь пробудилъ въ
 Телемакѣ.

Сынъ тронутъ этимъ воспоминаніемъ и вытираетъ скатившуюся слезу, прикрывши на мгновеніе глаза своей одеждой. Въ этотъ именно моментъ Елена входитъ въ залу; она тотчасъ же догадывается, въ чемъ дѣло, и какъ она открыла отца подъ лохмотьями, въ которыхъ онъ пробрался лазутчикомъ въ Трою, такъ и теперь она узнаетъ сразу сына, благодаря большому семейному сходству. Послѣ нея и Менелай замѣчаетъ это сходство и соображаетъ его вмѣстѣ съ замѣшательствомъ юноши. Тогда молодой Пизистратъ сразу объявляетъ ему, кто именно его новый пріятель и съ какой цѣлью они ѣдутъ теперь вмѣстѣ. Царь Спарты чрезвычайно горячо привѣтствуетъ сына своего стараго друга. Но сегодня вечеромъ, говоритъ онъ, не станемъ больше жаловаться; всѣ тяжелыя мысли отложимъ на завтра. Не смотря на это, въ продолженіе пира разговоръ идетъ объ Улиссѣ. Елена, во время своихъ странствованій, научилась кое-какимъ тайнствамъ египетскаго врачебнаго искусства; она смѣшиваетъ съ виномъ какое-то сильное средство Востока, возвышающее душу надъ всякою печалью и заботой.

Гореусладнаго, миротворящаго, сердцу забвенье
 Бѣдствій дающаго; тотъ, кто вина выпиваль, съ благо-
 творнымъ
 Слитаго сокомъ, былъ весель весь день и не могъ бы
 заплакать,
 Если бъ и мать и отца неожиданной смертью утратилъ,
 Если бъ нечаянно брата лишился иль милаго сына,
 Вдругъ предъ очами его пораженнаго бранною мѣдью.

Это средство Елены пользуется большой славою въ поэзи. Нѣкоторые комментаторы-аллегорики говорятъ, что подъ нимъ слѣдуетъ разумѣть чарующее вліяніе ея разговора, которое могло заставить людей забывать свои горести. Не сомнѣваясь нисколько въ дѣйствительности ея личнаго обаянія, мы можемъ, однако, смѣло предположить, что поэтъ имѣлъ въ своемъ умѣ нѣчто болѣе матеріальное. Вещество, положенное Еленой въ вино, принималось нѣкоторыми за опиумъ, хотя послѣдствія извѣстнаго турецкаго лакомства «хашиша» ¹⁾ очень близко похожи на описываемыя Гомеромъ.

Только на другой день Телемакъ говоритъ съ Менелаемъ о цѣли своего путешествія. То немногое, что можетъ сообщить спартанскій царь о судьбѣ его отца,

¹⁾ Опиумъ—засохшій сокъ мака, а хашишъ—конопли. Оба вещества, принятыя внутрь въ растворенномъ видѣ или куреніемъ, дѣйствуютъ опьяняющимъ образомъ и возбуждаютъ пріятныя грезы, почему и теперь еще употребленіе ихъ сильно распространено на Востокѣ. *Переводч.*

подаеть, однако, надежду найти Улисса въ живыхъ. Извѣстно, что онъ находится, или по крайней мѣрѣ находился, на заколдованномъ островѣ, гдѣ богиня Калипсо держитъ его въ плѣну, навязываясь ему со своею любовью. Онъ всей душой стремится на родину, въ Итаку, но чары волшебницы дѣлаютъ все его усилія бесполезными. Вотъ, по крайней мѣрѣ, что слышалъ Менелай во время своихъ странствованій, въ пору остановки, по случаю затишья, въ Фаросѣ, гавани въ Египтѣ, — слышалъ отъ «морскаго пронизательнаго старца» Протея, «извѣдавшаго глубины морей». Извѣстіе это нужно было добыть отъ Протея обманомъ. Протей имѣлъ обыкновеніе выходить изъ моря въ полдень и спать подъ навѣсомъ скалъ, окруженный стадами своихъ тюленей. По наущенію его дочери, Идопеи, сжалившейся надъ путниками, — Менелай и нѣкоторые изъ его товарищей передѣлись въ тюленьи шкуры ¹⁾, преодолевъ отвращеніе къ тюленьему запаху, и схватили стараго морскаго бога въ то время, какъ онъ уснулъ на берегу. Протей, подобно генію въ

¹⁾ Замѣчательно, что эскимосы и до сихъ поръ прибѣгаютъ къ такой хитрости, чтобъ подкрасться къ тюленьямъ. Сэръ Эдвардъ Бельчеръ въ разсказѣ о привычкахъ эскимосовъ говоритъ, что онъ однажды прицѣлился изъ ружья въ предполагаемаго тюленя, какъ вдругъ хорошо знакомый ему голосъ боцмана изъ-подъ тюленьей шкуры остановилъ его словами: не стрѣляйте, сэръ; это я, Гѣски.

арабскихъ сказкахъ, сталъ-было принимать всевозможныя страшныя формы, но Менелай и его товарищи крѣпко держали его до тѣхъ поръ, пока онъ не принялъ своего обычнаго вида и не объявилъ себя побѣжденнымъ смертными. Въ вознагражденіе за дарованную свободу, богъ сталъ отвѣчать на вопросы Менелая о его собственной судьбѣ и о судьбѣ товарищей-вождей во время ихъ обратнаго плаванія изъ Трои на родину. Превращенія Протея задали не мало работы остроумію разныхъ аллегористовъ; широкая свобода подобныхъ объясненій проявляется до смѣшнаго, когда одинъ авторитетъ толкуетъ намъ, что превращенія Протея изображаютъ заблужденія софистики, другой—что это символъ непроницаемости истины, которая всегда уходитъ отъ усилій схватить ее; третій желаетъ видѣть въ Протеѣ разнообразіе природы, различныя идеалы философіи, или атмосферическія перемѣны. Изъ этого источника царь узналъ о страшной кончинѣ своего брата Агамемнона и о недостойномъ плѣнѣ Улисса. Что касается до самого Менелая, любимца небесъ, то для него опредѣлено особое исключеніе изъ общей смертности всѣхъ людей. Протей слѣдующими словами описываетъ судьбу супруга Елены:

Ты за предѣлы земли, на поля Елисейскія будешь
 Посланъ богами — туда, гдѣ живетъ Радамантъ злато-
 власый,
 (Гдѣ пробѣгаютъ свѣтло безпечальные дни человѣка,

Гдѣ ни мятелей, ни ливней, ни хладовъ зимы не бываетъ,
 Гдѣ сладкошумно летающій вѣетъ Зефиръ, Океаномъ
 Съ легкой прохладой туда посылаемый людямъ блажен-
 нымъ).

Гомеръ повторяетъ описаніе Елисейскихъ полей, жилища избранныхъ, въ одномъ послѣдующемъ мѣстѣ своей поэмы, которое было переведено чрезвычайно поэтически римскимъ писателемъ Лукреціемъ. Теннисонъ имѣлъ передъ собой тотъ же великій оригиналъ, заставляя своего короля Артура видѣть въ предсмертный часъ

«Долины Авильона,
 Гдѣ нѣтъ ни града, ни дождя, ни снѣга,
 Гдѣ даже вѣтеръ никогда не воетъ; лежитъ онъ со
 своими
 Прекрасными лугами, счастливый, съ чудными садами
 И привѣтливыми пещерами, окруженными теплымъ моремъ» (I).

Чудная музыка стиховъ Теннисона очаровывала многихъ читателей, не подозрѣвавшихъ, что строфы эти восхищали грековъ уже двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ.

Едвали было возможно прибавить что-либо къ спокойной красотѣ греческаго оригинала; но нельзя не признать, что англійскій поэтъ съумѣлъ, какъ нельзя лучше, отдѣлать найденный алмазъ. Да и всѣ поэты считали Гомера своей собственностью. Классическій вкусъ Мильтона не разъ пользовался имъ для многихъ сценъ; такъ

въ «Маскѣ Комуса» духъ говорить о чудныхъ странахъ, гдѣ онъ живетъ:

Гдѣ вѣчное царствуетъ лѣто
И западные вѣтры на благоуханныхъ крылахъ
Разносятъ по аллеямъ изъ кедровъ
Чудный ароматъ нарда и кассіи (II).

Охотно удержалъ бы Менелай сына своего стараго товарища подольше; но Телемакъ торопится возвратиться на свой корабль, который ждетъ его въ Пилосѣ. Царь неохотно отпускаетъ его и предлагаетъ при этомъ прощальные дары; однако Телемакъ отказывается отъ подарка, который царь хочетъ сдѣлать ему: «трехъ быстроногихъ коней въ колесницѣ блестящей». На Итакѣ, говоритъ онъ, нѣтъ мѣста для конскаго бѣга, что не мѣшаетъ ему все-таки сильно любить свою скалистую родину.

. коней же въ Итаку мнѣ взять невозможно: оставь ихъ

Здѣсь утѣшеньемъ себѣ самому; ты владѣешь землею
Тучныхъ равнинъ, гдѣ родится обильно и лотось, и галгантъ

Съ яркой пшеницей и полбой и густо цвѣтущимъ ячменемъ.

Мы жь ни широкихъ полей, ни луговъ не имѣемъ въ
Итакѣ;

Горныя пажити наши для козъ, не для коней привольны;
Рѣдко лугами богатъ и конямъ легконогимъ пріютенъ
Островъ, объятый волнами; Итака же менѣе прочихъ.

Между тѣмъ во дворцѣ Улисса наступаетъ большое смятеніе, лишь только замѣтили исчезновеніе Телемака. Антиной и его товарищи, женихи, поражены смѣлымъ поступкомъ Телемака и его возможными послѣдствіями. Антиной хочетъ тотчасъ же снарядить корабль и захватить Телемака при возвращеніи домой. Глашатай Медонтъ, одинъ изъ немногихъ вѣрныхъ слугъ Улисова дома, извѣщаетъ объ этомъ заговорѣ Пенелопу, которая теперь только въ первый разъ узнаетъ объ отъѣздѣ своего сына, такъ какъ старая Евриклея сохранила тайну его отъѣзда даже отъ матери. Въ страшномъ горѣ мать опускается посреди соболѣзнующихъ ей рабынь и оплакиваетъ себя какъ дважды осиротѣлую, потерявшую и мужа, и сына. Она обращается съ молитвой къ Минервѣ (Палладѣ), и богиня выслушиваетъ ея мольбы. Когда Пенелопа доплакалась до сна, у изголовья ея появляется видѣніе: принявъ видъ ея сестры Ифтимей, призракъ успокаиваетъ Пенелопу относительно безопасности ея сына, говоря ей:

«Спутница есть у него, и такая, которой бы всякій
Смертный съ надеждою ввѣрилъ себя.»

Даже во снѣ Пенелопа смутно сознаетъ высокій санъ своей посѣтительницы и, какъ вѣрная жена, молитъ видѣніе сообщить ей что-нибудь объ ея отсутствующемъ мужѣ. Но такое откровеніе, отвѣчаетъ Ифтимей,

не входитъ въ кругъ ея посланничества; затѣмъ видѣніе исчезаетъ. Пенелопа просыпается и убѣждена, что видѣла сонъ; но онъ оставилъ по себѣ такую бодрость духа, что царица принимаетъ его за хорошее предзнаменованіе будущаго.

ГЛАВА III.

УЛИССЪ У КАЛИПСО И ФЕАКІЙЦЕВЪ.

Пятая пѣснь начинается вторымъ совѣтомъ боговъ. Не разъ уже совершенно справедливо замѣчали, что боги въ «Одиссеѣ», говоря вообще, представлены въ болѣе достойномъ видѣ, чѣмъ въ «Иліадѣ». Правда, они и въ этой поэмѣ далеко не согласны между собою въ своихъ привязанностяхъ и ненавистяхъ къ смертнымъ, но раздоры ихъ далеко не такъ страстны и карикатурны. Минерва (Паллада) горько жалуется царю Олимпа на несправедливость, которой подвергся ея любимецъ Улиссъ, удерживаемый такъ долго вдали отъ своей родины; она повторяетъ негодующій протестъ, который поэтъ еще прежде вложилъ въ уста Ментора. Протестъ этотъ повторялся во все времена, начиная отъ Іова и Псалмопѣвца и до позднѣйшихъ временъ, когда люди, чувствуя себя оскорбленными, возмущаются противъ того, что кажется имъ несправедливостью небесъ, противъ одинаковой судьбы какъ добрыхъ, такъ и злыхъ,—мало того: противъ лучшей участи злыхъ.

Кроткимъ, благимъ и привѣтливымъ быть ужь теперь
ни единый

Царь скиптроносный не долженъ, но, правду изъ сердца
изгнавши,

Каждый пускай притѣсняетъ людей, беззаконствуя
смѣло, —

Если могли вы забыть Одиссея, который былъ добрымъ,
Мудрымъ царемъ и народъ свой любилъ, какъ отецъ
благодушный.

Юпитеръ, тронутый просьбой Минервы (Паллады), немедленно посылаетъ Меркурія (Гермеса) на островъ Калипсо, объявить ей рѣшеніе объ освобожденіи Улисса; такова державная воля Юпитера, и онъ желаетъ, чтобъ ей повиновались. Описаніе пещеры, въ которой живетъ Калипсо на своемъ островѣ, принадлежитъ къ числу лучшихъ мѣстъ Гомера. Множество разныхъ поэтовъ не разъ трудились надъ передачей этого описанія. Мы приведемъ переводъ Жуковскаго, въ его «Одиссеѣ». Гермесъ отправляется въ путь:

Легкою птицей морской пролетѣвъ надъ пучиною, Эрміи
Острова, моремъ вдали сокровеннаго, скоро достигнулъ.
Съ зыби широкотуманной на твердую землю поднявшись,
Берегомъ къ темному гроту пошелъ онъ, гдѣ свѣтлоку-
дрявой

Нимфы обитель была, и ее самое тамъ увидѣлъ.

Пламень трескучій сверкалъ на ея очагѣ, и весь островъ
Былъ накурень благовоніемъ кедра и дерева жизни,
Ярко пылавшихъ. И голосомъ звонкопріятнымъ богиня
Пѣла, сидя съ челнокомъ золотымъ за узорною тканью.
Густо разросшись, отсюду пещеру ея окружали

Тополы, ольхи и сладкій лиющіе духъ кипарисы;
Въ лиственныхъ сѣняхъ гнѣздились тамъ длинно-кры-
лыя птицы,

Копчики, совы, морскія вороны крикливыя, шумной
Стаей по взморью ходящія, пищи себѣ добывая;
Сѣтью зеленою стѣны глубокаго грота окинувъ,
Росъ виноградъ и на вѣтвяхъ тяжелые грозды висѣли;
Свѣтлой струею четыре источника рядомъ бѣжали
Близко одинъ отъ другаго, туда и сюда извиваясь;
Вкругъ зеленѣли густые дуга, и фіалокъ, и злаковъ
Полные сочныхъ.

Калипсо узнаетъ посланника, потому что бессмертные, замѣчаютъ поэта, всегда узнаютъ другъ друга. Гермесъ объявляетъ ей цѣль своего посольства, чрезвычайно грустную для нимфы, которая привязалась душой къ посѣтившему ее смертному. Это жестоко и завистливо со стороны Олимпійскаго тирана, говоритъ она: отнять у меня такимъ образомъ эту невинную утѣху (такъ, вѣроятно, она подумала въ душѣ, хотя поэтъ и не вкладываетъ въ уста Калипсо выраженіе мысли, что Юпитеру слѣдовало бы проявлять нѣкоторое сочувствіе къ подобной слабости, столь многочисленные примѣры которой подаетъ онъ самъ). Конечно, она должна повиноваться, и Улиссъ можетъ ѣхать; впрочемъ, сначала онъ долженъ построить себѣ лодку, потому что на всемъ островѣ «нѣтъ ни корабля, ни людей мореходныхъ». Калипсо отправляется сама объявить Улиссу о приближающемся освобожденіи его и находитъ своего плѣнника сидящимъ по обыкновенію на берегу моря,

Все я однако, всечасно крушась и печалюсь, желаю Домъ свой увидѣть и сладостный день возвращенія встрѣтить.

Если же кто изъ боговъ мнѣ пошлетъ потопленіе въ темной Безднѣ, я выдержу то отвердѣлою въ бѣдствіяхъ грудь: Много встрѣчалъ я напастей, немало трудовъ перенесъ я Въ морѣ и битвахъ; пусть будетъ и нынѣ со мной, что угодно

Дію ¹⁾.

Нельзя не замѣтить, впрочемъ, что въ то время, какъ всѣ мысли и интересы Пенелопы сосредоточены на ея отсутствующемъ супругѣ, страстное желаніе Улисса сосредоточивается скорѣе на его родинѣ, чѣмъ на супругѣ; она составляетъ только одну изъ составныхъ частей роднаго пейзажа, который постоянно носится передъ очами странника, и притомъ не всегда главную часть, потому что его престарѣлые отецъ и мать, а также молодой сынъ, имѣютъ въ глазахъ Улисса, по крайней мѣрѣ, равный съ Пенелопой интересъ. Конечно, можно думать, что въ сценѣ прощанія съ Калипсо Улиссъ нарочно не говоритъ о своей любви къ Пенелопѣ, не желая навлечь на себя вошедшій въ половицу гнѣвъ отверженной женщины, и что по той же причинѣ онъ подавляетъ свое чувство и не говоритъ ни слова о своей женѣ при дворѣ царя Алкиноя, когда этотъ послѣдній предлагаетъ ему въ супружество свою дочь. Во всякомъ случаѣ, нельзя не замѣтить въ

Улиссѣ полного отсутствія энтузіазма съ этой стороны. Какъ въ «Одиссеѣ», такъ и въ «Иліадѣ» мы находимъ поразительные примѣры душевной преданности женщины къ мужчинѣ, какъ въ лицѣ Пенелопы, такъ и въ Андромахѣ. Подобная же преданность мужчины къ женщинѣ развилась лишь гораздо позже, во время средневѣковаго рыцарства.

Улиссъ строитъ себѣ, по наставленіямъ Калипсо, лодку, и когда послѣдняя снаряжена, Калипсо щедро снабжаетъ готоваго отплыть милаго пицей, виномъ и совѣтами относительно путешествія. Улиссъ сталкиваетъ лодку въ море и распускаетъ паруса, но злой богъ моря (раздраженный противъ Улисса, въ особенности, за ослѣпленіе своего сына, гиганта Полифема, о чемъ будетъ сказано дальше) вздымаетъ на него бурю, разбиваетъ его судно и оставляетъ утопающаго уцѣпившимся съ отчаяніемъ за обломки судна. Одна изъ морскихъ нимфъ, Ино, почувствовавъ жалость къ Улиссу, даетъ ему заколдованное покрывало, которое, пока на немъ, хранитъ его жизнь. Въ теченіе двухъ дней и двухъ ночей Улиссъ безпомощно носится по океану; на третій же день ему, разбитому и израненному, удается выйти на скалистый берегъ какого-то чуждаго острова. Въ крайнемъ истощеніи Улиссъ собираетъ охапку листьевъ и, упавши на нихъ, погружается въ глубокой сонъ. Онъ просыпается въ какой-то волшебной странѣ; потомъ оказывается, что онъ выброшенъ на островъ

¹⁾ Дню, или Року.

Схерию ¹⁾, населенный феакійцами. Какъ царь, такъ и население острова далеко не подходятъ къ обычному типу смертныхъ людей того времени. Критики Гомера до сихъ поръ не согласны между собою въ томъ, есть ли Гомерово описаніе этихъ феакійцевъ только игра воображенія поэта, или же намѣренная сатира. Приписывающіе «Одиссею» не Гомеру, а другому автору, относятъ ее къ гораздо позднѣйшему времени, чѣмъ принимаемое для Гомера, и угадываютъ въ авторѣ какого-либо іонійскаго поэта, который, труня надъ добродушной хвастливостью феакійцевъ и ихъ любовью къ новинкамъ и удовольствіямъ, осмѣиваетъ слабости своихъ современниковъ; другіе же опять думаютъ, что подъ именемъ феакійцевъ слѣдуетъ разумѣть финикіянъ, древнихъ всесвѣтныхъ мореплавателей, въ характерѣ которыхъ, по всей вѣроятности, было не мало хвастовства и страсти къ преувеличеніямъ, приписываемыхъ обыкновенно людямъ, много ѣздившимъ по свѣту и много видѣвшимъ. Каково бы ни было дѣйствительное значеніе этого разсказа, и нужно ли, въ самомъ дѣлѣ, прибѣгать въ этомъ случаѣ къ какому-либо объясненію, — несомнѣнно то, что это мѣсто въ приключеніяхъ Улисса отличается скорѣе комическимъ, чѣмъ серьезнымъ характеромъ. Самыя имена участвующихъ лицъ

¹⁾ Если только возможно возстановить географію поэмы, то Схерія — нынѣшній Корфу.

уже выражаютъ собой какія-либо качества, какъ это въ обычаѣ у краснокожихъ дикарей Америки и какъ было и у насъ въ старыхъ комедіяхъ. Имя царя — Алкиной — значитъ «Сильный умъ»; онъ сынъ «Быстраго морехода» и братъ «Сокрушителя людей»; морскія клички его царедворцевъ, «Носовой», «Рулевой», очевидно, такъ же условны, какъ наши «Правдинъ» и «Скотининъ» у Фонъ-Визина. Представленіе героя его новымъ хозяевамъ принадлежитъ къ числу лучшихъ мѣстъ поэмы. Патриархальная простота разсказа, какъ и многія другія черты Гомера, не можетъ не напомнить читателю мѣстъ болѣе древнихъ частей Священнаго Писанія.

Царевна Навзикая, дочь царя феакійцевъ, видѣла сонъ; предметомъ его было, столь же естественно у царевны, какъ и у простой смертной, замужество, и въ этомъ случаѣ сонъ никакъ не можетъ служить упрекомъ прелестной царевнѣ, такъ какъ изъ поэмы видно, что причиной его была сама богиня мудрости. Впрочемъ, сонъ касался не специально какого-либо жениха, а довольно прозаическаго факта, связаннаго съ приданнымъ, что о немъ слѣдуетъ подумать и что для него необходимъ большой запасъ хорошаго бѣлья. Имѣющійся же запасъ отъ долгаго неупотребленія залежался и требуетъ основательной стирки. Навзикая просыпается утромъ и проситъ своего отца дать ей колесницу и пару муловъ, чтобъ поѣхать со своими не-

вольницами на берегъ, къ тому мѣсту, гдѣ рѣка впадаетъ въ море, для совершенія этого домашняго процесса. Пасторальная простота всей сцены чрезвычайно привлекательна; въ ней сказывается вся свѣжесть тѣхъ давно минувшихъ временъ, когда обязанности обыденной жизни исполнялись такъ весело и легко, что носили на себѣ характеръ какого-то праздника. Царевна и ея рабыни опускаютъ бѣлье въ рѣку и выжимаютъ его начисто своими хорошенькими голыми ножками, а затѣмъ сами отправляются купаться. Къ числу развлеченій дня принадлежитъ обѣдъ на открытомъ воздухѣ, такъ какъ добрая царица, мать Навзикаи, положила въ колесницу корзину со всякой ѣдой и мѣхъ, полный благороднаго вина. Послѣ обѣда дѣвушки начинаютъ играть въ мячъ. Все это время Улиссъ лежитъ въ глубокомъ снѣ подъ кучей листьевъ, недалеко отъ того мѣста, гдѣ веселится эта рѣзвая толпа. Случайно Навзикая, въ игрѣ, закидываетъ мячъ далеко въ море, вслѣдствіе чего весь хоръ дѣвушекъ поднимаетъ громкій крикъ, отъ котораго Одиссей пробуждается. Вначалѣ онъ плохо понимаетъ, гдѣ онъ, и конфузится еще больше, когда, выглянувъ изъ своего уѣжища, видитъ въ своемъ ближайшемъ сосѣдствѣ толпу веселыхъ дѣвушекъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ вспоминаетъ о своемъ крайне первобытномъ костюмѣ, такъ какъ покрывало, данное ему морской нимфой въ видѣ талисмана, онъ, согласно ея приказанію, бросилъ назадъ въ

море. Но Улиссъ слишкомъ опытный путешественникъ, чтобы излишняя скромность удержала его въ очевидной опасности умереть съ голоду. Ему и въ голову не приходитъ упустить этотъ случай изъ-за того, что онъ потерялъ весь свой гардеробъ. Онъ сооружаетъ какое-то весьма легкое покрывало изъ оливковой вѣтви и въ этомъ странномъ костюмѣ внезапно появляется передъ веселой группой.

Рабыни Навзикаи поднимаютъ громкій крикъ и, по весьма понятной слабости, разбѣгаются; но царская дочь, съ благородной гордостью характера, остается на своемъ мѣстѣ, видя передъ собою только человѣка, претерпѣвшаго крушеніе, такъ какъ «для чистаго все чисто». Улиссъ не только путешественникъ, но и царедворецъ, видѣвшій не мало городовъ и людей, такъ что быстрое соображеніе свѣтскаго человѣка сразу подсказываетъ ему о томъ, кто прелестная незнакомка, стоящая передъ нимъ на берегу.

Онъ останавливается на почтительномъ разстояніи отъ нея и въ обращеніи, изукрашенномъ комплиментами Востока, сравниваетъ ее съ молодой пальмой и призываетъ благословеніе боговъ на часъ ея замужества, если она сжалится надъ его несчастьемъ. Навзикая призываетъ своихъ разбѣжавшихся рабынь и упрекаетъ ихъ въ легкомысліи, напоминая, что только боги посылаютъ къ намъ «нищихъ и странниковъ».

Улиссу тотчасъ же предлагаютъ пищу и питье, а

также платье, въ которомъ онъ, выкупавшись и одѣвшись, является передъ дѣвушками въ совершенно другомъ видѣ: «какъ въ цвѣтѣ іацінта закрученныя кудри его ложатся вокругъ статныхъ плечъ», — такую красу придала ему его вѣрная хранительница, богиня Минерва (Паллада), чтобы расположить въ его пользу феакійскую царевну. Она глядитъ на него, не скрывая своего удивленія и тишкомъ сообщая своимъ рабынямъ, что въ день своей свадьбы желала бы имѣть такого супруга, какъ этотъ богоподобный чужеземецъ. Въ такомъ сообщеніи не нужно видѣть ничего неловкаго: остаться незамужемъ считалось въ тѣ дни важнымъ упрекомъ, какъ бы на него ни смотрѣли въ наше время, и притомъ упрекомъ, которому едва ли могла подпасть царская дочь. Такимъ образомъ, глядя на супружество какъ на вещь неизбежную, которая притомъ же не могла быть слишкомъ отдаленною, Навзикая думаетъ и говоритъ о немъ со своими рабынями безъ всякаго стѣсненія.

Однако Навзикая, повидимому, заботится о внѣшнихъ приличіяхъ по крайней мѣрѣ столько же, какъ и всякая изъ современныхъ дамъ; она обѣщаетъ потерпѣвшему крушеніе чужеземцу радушный пріемъ при дворѣ своего отца; но пришельцу не слѣдуетъ отправляться туда въ одной колесницѣ съ нею или, вообще, войти въ городъ въ ея обществѣ. Вслѣдствіе этого Улиссъ бѣжитъ рядомъ съ ея мулами и останавливается въ священной рощѣ близъ воротъ города до тѣхъ поръ, пока царевна

и ея спутницы не возвратятся во дворецъ. Когда онѣ исчезли изъ глазъ, онъ выходитъ изъ рощи и встрѣчаетъ дѣвушку, несущую амфору на головѣ. Это опять его богиня-охранительница; она окружаетъ его непроницаемымъ облакомъ, такъ что онъ проходитъ по улицамъ, не тревожимый разспросами жителей (которые не любятъ чужеземцевъ), и наконецъ предстаетъ предъ очи царя Алкиноя. Царь феакійцевъ, точно такъ же, какъ и царица, ведетъ свою родословную отъ Нептуна, вслѣдствіе чего ихъ подданные, какъ замѣчено выше, хорошіе мореходы. Уже подходя ко дворцу, Улиссъ

. изумился, увидѣвши пристани, въ нихъ безконечный
Рядъ кораблей, и народную площадь, и крѣпкія стѣны
Чудной красы, неприступнымъ извнѣ огражденные тыномъ.

Суда ихъ, впрочемъ, вовсе не похожи на корабли, когда-либо плававшіе по морямъ, исключая воображаемыхъ поэтомъ. Царь Алкиной самъ описываетъ Улиссу эти суда.

Кормщикъ не править въ моряхъ кораблемъ Феакійскимъ; руля мы,
Нужнаго каждому судну, на нашихъ судахъ не имѣемъ;
Сами они понимаютъ своихъ корабельщиковъ мысли;
Сами находятъ они и жилища людей, и поля ихъ
Тучнообильныя; быстро они все моря обтекаютъ,
Мглою и туманомъ одѣтыя; нѣтъ никогда имъ боязни
Вредъ на волнахъ претерпѣть иль отъ бури въ пучинѣ
погибнуть.

Удивительное искусство мореплавания, конечно, должно было казаться чудеснымъ въ тотъ вѣкъ, когда всѣ силы природы олицетворялись въ образѣ боговъ. Такъ, на большомъ кораблѣ Арго, служившемъ древнимъ героямъ во время ихъ перваго путешествія ¹⁾, по преданію, носъ судна былъ вырѣзанъ изъ дуба Додоны, имѣвшаго даръ слова, и произносилъ предсказанія, руководя путниками во время ихъ бѣдствій.

Какъ мужчины феакійцевъ превосходятъ всѣхъ другихъ въ искусствѣ мореплавания, такъ и женщины отличаются искусствомъ въ тканьи и вышиваньи; но феакійцы сами признаются открыто, что не принадлежатъ къ числу дѣятельныхъ націй: любятъ праздники, пляски, пѣніе и мало думаютъ о томъ, что другіе называютъ славой. Дворецъ царя Алкиноя совершенно соотвѣтствуетъ подобному характеру народа: вокругъ дворца расположены сады и огороды, въ которыхъ, благодаря благословенному климату, произведенія земли цвѣтутъ и зрѣютъ въ непрерывной послѣдовательности:

Быль за широкимъ дворомъ четырехдесятиный ботатый Садъ, обведенный отвсюду высокой оградой; росло тамъ Много деревъ плодоносныхъ, вѣтвистыхъ, широковершинныхъ,
Яблонь, и грушъ, и гранатъ, золотыми плодами обильныхъ,

¹⁾ Извѣстнаго подъ названіемъ Похода Аргонавтовъ.
Переводч.

Также и сладкихъ смоковницъ и маслинъ, роскошно цвѣтущихъ;
Круглый тамъ годъ и въ холодную зиму, и въ знойное лѣто
Видимы были на вѣтвяхъ плоды; постоянно тамъ вѣяль Теплый зефиръ, зарождая одни, наливая другіе;
Груша за грушей, за яблокомъ яблоко, смоква за смоквой,
Гроздь пурпуровый за гроздомъ смѣнялися тамъ, созрѣвая.

Когда путникъ входитъ въ самый дворецъ, онъ опять пораженъ удивленіемъ.

Все лучезарно, какъ на небѣ свѣтлое солнце иль мѣсяцъ, Было въ палатахъ любезнаго Зевсу царя Алкиноя;
Мѣдныя стѣны во внутренность шли отъ порога и были Сверху увѣнчаны свѣтлымъ карнизомъ лазоревой стали;
Входъ затворенъ былъ дверями, литыми изъ чистаго злата;

Притолки ихъ изъ серебра утверждались на мѣдномъ порогѣ;

Также и князь ихъ серебряный былъ, а кольцо золотое. Двѣ — золотая съ серебряной — справа и слѣва стояли, Хитрой работы искуснаго бога Ифеста, собаки, Стражами дому любезнаго Зевсу царя Алкиноя: Были бессмертны онѣ и съ теченіемъ лѣтъ не старѣли. Стѣны кругомъ огибая, во внутренность шли отъ порога Лавки богатой работы; на лавкахъ лежали покровы, Тканые дома искусной рукою прилежныхъ работницъ; Мужи знатнѣйшіе града сажалися чиномъ на этихъ Лавкахъ, питьею и ѣдой наслаждаться за царской трапезой.

Зрѣлися тамъ на высочихъ подножіяхъ лики златые

Отроковъ: свѣточи въ ихъ пламенѣли рукахъ, озаря
Ночью палату и царскихъ гостей на пирахъ многослав-
ныхъ.

Жило въ пространномъ дворцѣ пятьдесятъ руководѣльныхъ
невольницъ:

Рожь золотую мололи однѣ жерновами ручными,
Нити сучили другія и ткали, сидя за станками
Рядомъ, подобныя листьямъ трепещущимъ тополя; тка-
ни жь

Были такъ плотны, что въ нихъ не впивалось и тонкое
масло.

Царь Алкиной сидитъ на золотомъ тронѣ; рядомъ
съ нимъ его супруга, Арета, приготовляетъ какую-то
дорогую пурпуровую ткань. Предупрежденный своимъ
новымъ другомъ, царевной Навзикаей, Улиссъ прохо-
дитъ мимо сѣдалища царя и падаетъ къ ногамъ царицы.
При феакійскомъ дворѣ—считать ли весь этотъ рассказъ
основаннымъ на фактахъ, или просто вымышленнымъ,
серьезнымъ или сатирическимъ—главное вліяніе во
всемъ принадлежитъ женщинамъ. Облако, которымъ
Минерва (Аѳина) окружила Улисса, исчезаетъ, и въ то
время, какъ всѣ поражены внезапнымъ появленіемъ
героя, онъ проситъ гостепріимства, какъ потерпѣвшій
крушеніе странникъ, и затѣмъ, по обычаю всѣхъ про-
сителей, садится на камень очага. Гостепріимство, ока-
зываемое Алкиноемъ, великолѣпно. Онъ приказываетъ
одному изъ своихъ сыновей встать и предложить по-
четное мѣсто гостю. Если онъ простой смертный, то
все просимое будетъ тотчасъ же дано ему; но воз-

можно, что онъ принадлежитъ къ числу бессмертныхъ,
которые, какъ серьезно увѣряетъ царь своего гостя,
часто снисходятъ спускаться къ феакійцамъ, прини-
маютъ участіе въ ихъ пирахъ и заводятъ съ ними зна-
комство лицомъ къ лицу. Улиссъ увѣряетъ царя ти-
радой, въ которой трудно не замѣтить скрытаго ко-
мизма всего этого эпизода, что онъ далекъ отъ того,
чтобъ быть бессмертнымъ, и въ настоящее время му-
чимъ одной изъ самыхъ унижительныхъ смертныхъ
нуждъ: онъ голоденъ.

. я голодомъ мучусь;
Нѣтъ ничего нестерпимѣй грызущаго голода: нами
Властвую, онъ о себѣ вспоминать ежечасно неволитъ
Насъ, и печальныхъ и преданныхъ скорби душой. Сколь
ни сильно
Скорби душею я преданъ, но тощій желудокъ мой жадно
Требуетъ пищи себѣ и меня забывать принуждаетъ
Все, претерпѣнное мной, о себѣ лишь упорно заботясь.

Въ роскошномъ дворцѣ Алкиной, конечно, найдется
все, чтобъ удовлетворить аппетиту странника. Пока
Улиссъ сидитъ у стола, царица Арета—прекрасная
хозяйка, не смотря на ея царственный санъ—замѣ-
чаетъ съ удивленіемъ, что одежда неизвѣстнаго гостя,
повидимому, выходитъ изъ ея собственныхъ кладовыхъ:
такъ хорошо знаетъ царица работу свою или своихъ
рабынь. Это открытіе естественно заставляетъ Улисса
признаться въ своемъ свиданіи съ Навзикаей, ранней

мудрости которой онъ справедливо удивляется. Царь до такой степени очарованъ вкусомъ своего гостя и его умѣньемъ держать себя, что тотчасъ же заявляетъ сильное желаніе удержать странника при дворѣ, въ видѣ супруга своей дочери. Улиссъ (которому во всѣхъ его странствованіяхъ суждено казаться черезчуръ интереснымъ въ глазахъ прекраснаго пола вообще) уже до такой степени привыкъ къ подобнымъ предложеніямъ, что ни мало не смущается. Со своей обычной дипломатической ловкостью онъ отстраняетъ вопросъ, — можетъ быть, распространяясь только о своей благодарности, хотя Гомеръ не описываетъ подробно и этого. Единственное предложеніе, на которое онъ напираетъ, есть обѣщаніе царя отослать его на родину, за что онъ крайне благодаренъ ему. Прежде, чѣмъ удалиться на покой, сама царица находитъ нужнымъ сдѣлать особое распоряженіе объ устройствѣ новаго гостя; обращаясь къ своимъ рабынямъ, она приказываетъ имъ приготовить гостю покойное ложе :

Въ сѣняхъ поставитъ кровать, на нее положить пурпуровый
Мягкій тюфякъ, и богатый коверъ разостлатъ; на коверъ же
Теплымъ покровомъ для тѣла косматую мантию броситъ.
Факелы взявши, пошли изъ столовой рабыни; когда же
Было совсѣмъ приготовлено мягкоупругое ложе,
Близко оцѣ подошедъ къ Одиссею, ему доложили:
Странникъ, иди почивать, для тебя приготовлено ложе.

Это соединеніе великолѣпія съ простотой носитъ на себѣ чисто восточный характеръ. Наружность дворца напоминаетъ какого-нибудь современнаго восточнаго властителя; но, не смотря на это, сама царица хорошая хозяйка, дочь царя смотритъ за семейной стиркой, а пять царскихъ сыновей выходятъ къ возвращенію своей сестры домой и выпрягаютъ муловъ изъ колесницы, въ которой привезено бѣлье.

Слѣдующій день посвящается пиршеству и играмъ въ честь чужеземца; въ числѣ другихъ на этомъ пиру сидитъ и слѣпой пѣвецъ Демодокъ, въ лицѣ котораго, какъ полагаютъ, поэтъ описываетъ себя самого.

Муза его при рожденіи зломъ и добромъ одарила :
Очи затмила его, даровала зато складкопѣнье.
Стуль среброкованный подалъ пѣвцу Понтоной, и на
немъ онъ
Сѣлъ предъ гостями, спиной прислоняся къ колоннѣ вы-
сокой.
Лиру слѣпца на гвоздѣ надъ его головою повѣсивъ,
Къ ней прикоснуться рукою ему — чтобъ ее могъ найти
онъ.

Подобныя же почести воздавались тогда пѣвцамъ во всѣхъ странахъ. Царскій сынъ не считаетъ униженіемъ руководить «слѣплыми пальцами» Демодока, а когда пѣсня окончена, глашатай осторожно ведетъ пѣвца на указанное ему мѣсто на пиршествѣ, на которомъ ему предлагаютъ лучшую «полную жира хребтовую часть острозубаго вепря». Предметъ его разсказа имѣетъ свою

чарующую прелесть для феакійцевъ, грековъ и римлянъ, древнихъ и новыхъ, какъ тогда, такъ и теперь: это рассказъ о Троѣ. Растроганный воспоминаніями, Улиссъ закрываетъ свое лице плащемъ, чтобъ скрыть выступающія на его глазахъ слезы. Царь замѣчаетъ волненіе своего гостя и, будучи слишкомъ вѣжливъ, чтобы спросить о причинѣ, встаетъ отъ пира и приказываетъ приступить къ играмъ. Начинаются по очереди бѣгъ, борьба, метаніе диска и кулачный бой; во всемъ этомъ съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ принимаютъ участіе и дѣти царя. Наконецъ изъясняется желаніе, чтобъ чужеземецъ, молча глядѣвшій на игры, также показалъ что-нибудь въ этомъ родѣ. Улиссъ отклоняетъ предложеніе, говоря, что сердце его не расположено теперь къ подобнымъ забавамъ. Тогда одинъ изъ молодыхъ феакійцевъ, Евріаль, только-что одержавшій побѣду въ борьбѣ, обращается къ Улиссу съ очень невѣжливой рѣчью. Гость, говоритъ онъ, очевидно, не принадлежитъ къ героямъ и не искусенъ въ играхъ, «однимъ лишь могучимъ атлетамъ приличныхъ». Онъ, должно быть, изъ числа промысловыхъ людей, думающихъ лишь о томъ, какъ бы повыгоднѣе сбыть свой товаръ. Въ отвѣтъ Улиссъ обращается къ Евріалу со слѣдующимъ, довольно рѣзкимъ наставленіемъ:

Слово обидно твое; человекъ ты, я вижу, злоумный. Боги не всякаго всемъ надѣляютъ; не каждый имѣетъ. Вдругъ и плѣнительный образъ, и умъ, и могущество слова;

Тотъ по наружному виду вниманія мало достоинъ, — Прелестью рѣчи за то одаренъ отъ боговъ; веселятся Люди, смотря на него, говорящаго съ мужествомъ твердымъ

Или съ привѣтливой кротостью; онъ украшенъ собраній; Бога въ немъ видятъ, когда онъ проходитъ по улицамъ града.

Тотъ же напротивъ безсмертнымъ подобенъ лица красотою,

Прелести жъ бѣдное слово его никакой не имѣетъ. Такъ и твоя красота безпорочна, тебя и Зевесъ бы Краше не создалъ; зато не имѣешь ты здраваго смысла.

Затѣмъ Улиссъ, который побѣждалъ могучаго Аякса въ борьбѣ, а въ бѣгѣ уступалъ лишь одному Ахиллесу и которому были даже присуждены доспѣхи послѣдняго въ награду за храбрость, поднимается въ гнѣвъ и показываетъ своимъ веселымъ собесѣдникамъ образчики своей силы и ловкости. Не позаботившись даже сбросить покрывало, онъ хватаетъ огромный каменный дискъ и искусно бросаетъ его съ одного размаха гораздо дальше того мѣста, куда были доброшены диски прочихъ играющихъ. Удивленные островитяне пригибаются къ землѣ, слыша, какъ дискъ, жужжа, пролетаетъ надъ ихъ головами. Разговорившись, Улиссъ впадаетъ въ извѣстнаго рода самохвальство, которое присуще всемъ героямъ Гомеровыхъ поэмъ; онъ вызываетъ весь кругъ участвующихъ выступить съ нимъ на какое угодно состязаніе: «знайте, что я ни въ какомъ не безопытенъ мужескомъ боѣ». Не смотря на это,

онъ не дерзаетъ сравнить себя съ какимъ-либо изъ древнихъ героевъ, какъ напр. Геркулесомъ или Евритомъ ¹⁾:

Но утверждаю, что въ этомъ искусствѣ со мной ни единый Смертный, себя насыщающій хлѣбомъ, сравниться не можетъ.

Никто изъ феакійцевъ не принимаетъ вызова Улисса. Царь хвалитъ его за негодованіе, съ которымъ онъ отразилъ оскорбленіе, нанесенное ему Евріаломъ, и съ добродушіемъ, составляющимъ отличительную черту характера феакійцевъ, признается, что народъ его не отличается особенно въ состязаніяхъ, требующихъ силы, а искусенъ только въ быстромъ бѣгѣ и въ мореходствѣ; всего болѣе, однако, феакійцы отличаются въ пляскѣ, и въ этомъ отношеніи никто изъ смертныхъ не можетъ превзойти ихъ. Пусть гость поглядитъ и будетъ самъ судьей. По приказанію царя, девять почетныхъ старшинъ (въ этомъ мы не можемъ не замѣтить очевидной сатиры) выходятъ въ видѣ церемоніймейстеровъ и очищаютъ мѣсто для пляски. Группа избранныхъ юношей исполняетъ весьма сложный балетъ, въ то время, какъ пѣвецъ Демодокъ, играя на арфѣ, поетъ довольно игривую пѣсню о тайной любви Марса (Арея) и Венеры (Киприды) и о поимкѣ ихъ въ хитрыя сѣти Вулкана (Гефеста). Нельзя не признаться, что пѣсня эта составляетъ исключеніе изъ

¹⁾ Царь охалійскій, отличный стрѣлокъ изъ лука. *Пер.*

всей остальной, чрезвычайно чистой поэзіи Гомера. Въ объясненіе приводили обстоятельство, что пѣсня эта введена здѣсь въ видѣ характеристики невоинственного и изнѣженнаго народа. Поэтъ даже въ самомъ легкомъ настроеніи не высказываетъ ни малѣйшей симпатіи къ невѣрности жены; онъ беретъ своихъ боговъ и богинь такими, какими нашелъ ихъ въ народныхъ повѣрьяхъ, причемъ они являются довольно плохой нравственности, гораздо хуже смертныхъ мужей и женъ его собственного поэтического вымысла. Во всякомъ случаѣ мораль Гомера значительно выше морали Олимпа. Даже въ этой, нѣсколько игривой, пѣснѣ феакійскаго пѣвца мы находимъ большую противоположность съ тѣмъ, что встрѣчаемъ такъ часто въ современныхъ произведеніяхъ извѣстной легкой школы. Безпощадный смѣхъ поражаетъ здѣсь не оскорбленнаго супруга, но насмѣшки боговъ и людей сыплются на пойманнаго любовника. По окончаніи балета двое изъ царскихъ сыновей, по приказу отца, исполняютъ что-то въ родѣ менуэта вмѣстѣ съ игрой въ мячъ. Улиссъ выражаетъ свое удовольствіе представленіемъ, хотя въ его словахъ слышится какая-то торжественная иронія.

Долго смотрѣвъ, напоследокъ сказалъ Одиссей Алкиною:
Царь Алкиной, благороднѣйшій мужъ изъ мужей Феакійскихъ,
Ты похвалился, что пляскою съ вами никто не сравнится;
Правда твоя; то глазами я видѣлъ; безмѣрно дивлюся.

Такимъ образомъ все кончается любезными привѣтствіями съ обѣихъ сторонъ. Царь и его 12 старшинъ подносятъ Улиссу богатые подарки, въ то время, какъ Евріалъ, чтобъ загладить свою неловкость, даритъ Улиссу свой собственный мечъ съ серебрянымъ черенкомъ и въ дорогихъ ножнахъ изъ слоновой кости.

Отъ игръ они опять переходятъ къ пиру, причемъ мы вновь встрѣчаемъ миловидную Навзикаю, которую поэтъ заставляетъ выказать одну изъ чертъ своего характера, нисколько не вредящую ея прелестной дѣвственности. Улиссъ, сіяющій почти неземной красотой, которою одарила его богиня, занимаетъ свое мѣсто на пирѣ.

Вышелъ онъ свѣжій изъ бани и къ пьющимъ гостямъ въ пировую

Залу вступилъ. Навзикая царевна, богиня красотою, Подлѣ столба, потолокъ подпиравшаго залы, стояла. Взоръ изумленный поднявъ на прекраснаго гостя, царевна Голосъ возвысила свой и крылатое бросила слово:
Радуйся, странникъ, но, въ милую землю отцевъ возвратяся,

Помни меня; ты спасеніемъ встрѣчѣ со мною обязанъ.
Юной царевнѣ отвѣтствовалъ такъ Одиссей многоумный:
О Навзикая, прекрасноцвѣтушая дочь Алкиноя,
Если мнѣ Иры супругъ, громоносный Кроніонъ дозволить
Въ домѣ отеческомъ сладостный день возвращенья увидѣть,

Буду тамъ помнить тебя и тебѣ ежедневно, какъ богу,
Сердцемъ молиться: спасеніемъ встрѣчѣ съ тобой я обязанъ.

Не легко сказать съ достовѣрностью, что разумѣлъ поэтъ подъ этимъ выраженіемъ чувствъ Навзикаи къ Улиссу; мы ужъ говорили, что любовь въ сложномъ, современномъ значеніи этого слова рѣшительно не была извѣстна греческимъ поэтамъ, да и въ приведенной тирадѣ мы не видимъ ничего, что могло бы считаться выраженіемъ подобнаго чувства со стороны царской дочери. Случись намъ встрѣтить подобную сцену въ произведеніяхъ какого-либо современнаго поэта, мы тотчасъ поняли бы, что безъ всякаго упрека дѣвственной скромности Навзикаи поэтъ желалъ намекнуть на зарожденіе въ царевнѣ нѣжнаго чувства къ чужеземцу, одаренному такой прелестной внѣшностью и одолѣвшему всѣхъ своихъ соперниковъ въ мужественномъ состязаніи на играхъ. Такое впечатлѣніе на насъ было бы тѣмъ естественнѣе, что вынесенныя Улиссомъ бѣдствія придавали двойной интересъ лицу, къ которому Навзикая могла притомъ чувствовать склонность уже за то, что была, такъ-сказать, его спасительницею.

Греческій историкъ Плутархъ рыцарски защищаетъ молодую царевну противъ обвиненія въ нескромности, которое, очевидно, высказывалось различными безпощадными критиками уже въ его время. Нечему удивляться, говоритъ онъ, что Навзикая познала и умѣла оцѣнить такого героя, какъ Улиссъ, и предпочла его всѣмъ пустымъ молодымъ людямъ ея собственнаго царства, которые годились только для пляски и пировъ.

Въ Навзикаѣ мы видимъ, просто, пробужденіе чувства; конечно, чувство это могло бы перейти въ любовь подъ вліяніемъ другихъ обстоятельствъ, еслибъ герой ея дѣвическихъ грезъ могъ быть столь же свободенъ въ своемъ выборѣ, какъ она сама ¹⁾).

Затѣмъ мы прощаемся съ этимъ созданіемъ греческой поэзіи, — однимъ изъ самыхъ прелестныхъ и привлекательныхъ для насъ, — можетъ быть, потому, что оно наиболѣе приближается къ современнымъ, понятнымъ намъ типамъ. Улиссъ коротко прощается съ Навзикаей и, сидя на пиршествѣ съ царемъ Алкиноемъ, воздастъ громкія похвалы слѣпому пѣвцу и даетъ ему новую тему для пѣсни. Если ему такъ хорошо извѣстны подробности славной осады, то пусть онъ возьметъ снова свою лиру и поетъ имъ о знаменитомъ конѣ. Демодокъ повинуется. Онъ поетъ, какимъ образомъ греки, потерявъ надежду взять Трою силой оружія, прибѣгли наконецъ къ хитрости, какъ они построили огромное сооруженіе въ формѣ лошади, подъ видомъ жертвы богамъ, и затѣмъ, зажегши свой лагерь, отплыли отъ берега, какъ-бы домой, оставивъ однако вооруженныхъ людей въ нѣдрахъ деревяннаго чудовища; какимъ образомъ трояне, послѣ долгихъ сомнѣній, втащили этого

¹⁾ Въ концѣ оцѣнки взаимныхъ чувствъ Навзикаей и Улисса не лишне сказать, что въ послѣдствіи Навзикая стала супругой Улисса сына, Телемака. *Переводч.*

коня внутрь своихъ стѣнъ, а греки ночью вышли изъ своей странной засады и огнемъ и мечемъ истребили мужественно оборонявшійся городъ. Во всей этой пѣснѣ героемъ является Улиссъ; онъ представленъ предводителемъ смѣлой кучки людей, рѣшившихся рискнуть своей жизнью и проникнуть въ стѣны неприятельскаго города; онъ беретъ приступомъ домъ Деифоба, взявшаго Елену себѣ въ жены послѣ смерти своего брата Париса, и возвращаетъ спартанскую царицу ея законному супругу. — Слезы волненія опять наполняютъ глаза Улисса, и опять вѣжливый царь проситъ пѣвца прекратить пѣніе, видя, какое мрачное воспоминаніе оно пробуждаетъ въ сердцѣ гостя. Но затѣмъ Алкиной умоляетъ Улисса сказать, кто онъ такой и почему рассказъ объ осадѣ Трои до такой степени волнуетъ его? Отвѣтомъ на это, говоритъ чужеземецъ, могъ бы быть длинный и грустный рассказъ; но уже самое имя мое, продолжаетъ онъ съ гордостью, есть цѣлая исторія: «Я Улиссъ, сынъ Лаërта.»

ГЛАВА IV.

УЛИССЪ РАЗСКАЗЫВАЕТЪ СВОИ ПОХОЖДЕНІЯ ЦАРЮ АЛКИНОЮ.

Улиссъ начинаетъ свою повѣсть съ момента отплытія греческаго флота изъ-подъ Трои. Прежде всего на обратномъ пути онъ со своими товарищами присталъ къ берегамъ Фракіи и разграбилъ городъ киконевъ. Въмѣсто того, чтобы немедленно пуститься въ путь съ награбленной добычей, экипажи судовъ расположились на берегу, устроивши пиръ изъ забранныхъ быковъ и краснаго вина. Скрытая въ утреннемъ туманѣ огромная толпа туземцевъ нападаетъ на нихъ внезапно съ такой стремительностью, что греки, разбитые наголову, принуждены поспѣшно бѣжать на суда. Съ этого начались всѣ ихъ дальнѣйшія несчастья. Огибая южную оконечность Греціи, они выдержали страшную бурю, унесшую ихъ далеко въ море, такъ что лишь на десятый день, къ закату солнца, они достигли неизвѣстнаго берега, страны лотофаговъ.

. на десятый къ землѣ Лотофатовъ,
Пищей цвѣточной себя насыщающихъ, вѣтеръ примчалъ
насъ.

Опредѣлить географическое положеніе этого мѣста такъ же трудно, какъ и добиться того, что понимали греки подъ именемъ лотоса, хотя нѣкоторые критики и увѣрены, будто оба вопроса разрѣшены удовлетворительно ¹⁾. Вліяніе этой привлекательной пищи на Улисса и его товарищей представляется слѣдующимъ образомъ:

. но лишь только
Сладко-медвянаго лотоса каждый отвѣдалъ, мгновенно
Все позабылъ и, утративъ желанье назадъ возвратиться,
Вдругъ захотѣлъ въ сторонѣ Лотофаговъ остаться, чтобы
Лотосъ собирать, навсегда отъ своей отказавшись отчизны.
вкусный

¹⁾ Греческій историкъ Геродотъ говоритъ о племени лотофаговъ, «которые живутъ, питаются исключительно плодами лотоса», на берегу Африки, гдѣ-то близко отъ Триполиса. Плиній и другіе древніе авторы, писавшіе объ естественной исторіи, упоминаютъ объ этомъ плодѣ, имѣющемъ видъ оливки и вкусъ, похожій на вкусъ фигъ или финиковъ. Его не только ѣли сырымъ, но, высушивъ, превращали въ родъ муки. Англійскіе путешественники Шо и Паркъ нашли (въ непосредственномъ сосѣдствѣ Геродотовыхъ лотофаговъ) растеніе, принятое ими за настоящій лотосъ древнихъ, дающее мучнистые плоды желтаго цвѣта и превосходнаго вкуса. Паркъ говоритъ: «Цѣлая армія могла бы очень хорошо питаться хлѣбомъ, приготовляемымъ изъ мякоти этого плода», а по сказанію Плинія такой хлѣбъ дѣлался и въ прежнія времена въ Ливіи. Въ Египтѣ также существуетъ водное растеніе, упоминаемое Геродотомъ подъ именемъ лотоса,—по всей вѣроятности, *Nymphaea lotus* Линнея, которую по-русски можно назвать кувшинкою-лотосомъ.

Всѣхъ, кто поѣлъ этихъ плодовъ, пришлось тащить силой обратно на суда и привязать тамъ ремнями: до такой степени грекамъ не хотѣлось покидать эти берега мирнаго отдыха и полного забвенія всего. Одинъ изъ современныхъ англійскихъ поэтовъ, Тэннисонъ, основалъ на этомъ приключеніи Улисса одну изъ своихъ самыхъ привлекательныхъ поэмъ «Lotus-Eaters» (Лотофаги).

«Море казалось утомленнымъ, утомлено было весло,
Томительными казались зыбучія поля морской пѣны.
Тогда одинъ изъ нихъ сказалъ: «Мы не вернемся
болѣе»,

И всѣ заразъ повторили: «Нашъ родной островъ
Далеко скрытъ въ волнахъ; мы не станемъ болѣе стран-
ствовать.» (III.)

Иные полагали, что рассказъ заключаетъ въ себѣ намекъ на хлѣбное дерево островитянъ Южнаго океана и на расслабляющее вліяніе, производимое климатомъ этихъ странъ на европейскихъ матросовъ, и, слѣдовательно, содержитъ указаніе, что путешествія Улисса, до извѣстной степени, имѣютъ первенство передъ открытіями Ансона и Кука. По странному совпаденію обстоятельствъ, Южные острова, во время путешествія Кука, имѣли такую же притягательную силу для его матросовъ, какъ и въ поэмѣ Гомера. Многіе изъ матросовъ полагали, подобно древнимъ грекамъ, что они достигли земнаго рая, изъ-за котораго и рѣшались бросить родину,

такъ что ихъ пришлось перевезти на корабль силою. Но вѣроятно, что земля лотофаговъ, представленная поэтомъ, есть берегъ чисто идеальный, на который могли не разъ переноситься и мы сами. Всего дальше проникнуть въ эту страну удастся развѣ буддистамъ, достигающимъ такого желаемого состоянія полного блаженства, «Нирвана», въ которомъ человѣкъ доходитъ до убѣжденія, что всякое владѣніе и существованіе, а въ особенности дѣйствіе, слѣдуетъ считать заблужденіемъ. Это есть *dolce far niente* итальянцевъ, удаленіе отъ всякихъ заботъ и отвѣтственности, — та страна, лежащая за предѣлами совѣсти, о которой, отчасти въ шутку, отчасти серьезно, вздыхалъ англійскій поэтъ Чарльзъ Ламбъ.

Отваливши отъ берега земли лотофаговъ, Улиссъ и его спутники доплыли до острова, гдѣ жили циклопы, — племя гигантовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ грубыхъ пастуховъ безобразнаго вида, всего съ однимъ глазомъ посрединѣ лба, и не знающихъ ни законовъ, ни искусствъ, ни торговли. Приключенія и открытія имѣютъ всегда неотразимую прелесть для Улисса, и онъ довольно откровенно сознается, что, побуждаемый этими цѣлями, онъ присталъ къ незнакомому острову для изслѣдованія его. Но приключеніе это имѣло страшныя послѣдствія для нѣкоторыхъ изъ его товарищей. Въ обширной пещерѣ, близъ берега, жилъ одиноко гигантъ Полиемъ, сынъ бога морей Нептуна (Посейдона), скрывавшій свои

стада въ обширныхъ изгибахъ пещеры. Путники зашли въ нее въ отсутствіе чудовища и нашли въ ней ведра, наполненные молокомъ, и большіе ряды сыровъ, расположенныхъ въ порядкѣ вдоль стѣнъ пещеры. Чтобъ удовлетворить своему любопытству, Улиссу пришлось ждать здѣсь возвращенія чудовища домой. Къ вечеру Полиемъ вернулся со стадомъ и, по своему обыкновенію, тотчасъ же сталъ заниматься своимъ молочнымъ хозяйствомъ. При яркомъ отблескѣ костра чудовище скоро замѣтило чужеземцевъ, прижавшихся гдѣ-то въ углу. Тщетно они зывали къ его гостепріимству, напоминая ему, что странники находятся подъ особой защитой Зевса. Что за дѣло циклопамъ до защиты боговъ? Исполинъ, не тратя лишнихъ словъ, хватаетъ двухъ товарищей Улисса, бросаетъ ихъ о землю, убиваетъ, точно щенковъ; пожравши затѣмъ съ костями и кровью, онъ запиваетъ свой страшный ужинъ двумя большими ведрами молока. Два другіе грека были убиты такимъ же образомъ на утренній завтракъ. Однако хитрость бывалаго Улисса оказалась не подъ-силу грубому дикарю. Руководимый какимъ-то предчувствіемъ, Улиссъ, при отправленіи въ свою опасную экспедицію, взялъ съ собою мѣхъ дорогаго краснаго вина, которое и предложилъ теперь въ даръ Полиему послѣ его каннибальскаго завтрака. Восхищенный чуднымъ напиткомъ, исполинъ желаетъ знать названіе своего благодѣтеля; отвѣтъ Улисса есть одинъ

изъ самыхъ древнихъ примѣровъ очень характерной уловки; герой отвѣчаетъ:

Я называюсь *Никто*; мнѣ такое названіе дали
Мать и отецъ, и товарищи такъ всё меня величаютъ.
Съ злобной насмѣшкою мнѣ отвѣчалъ людоѣдъ звѣро-
нравный:
Знай же, Никто, мой любезный, что будешь ты самый
послѣдній
Съѣденъ, когда я раздѣлаюсь съ прочими; вотъ мой по-
дарокъ.

Затѣмъ, опьяненный, дикарь ложится на землю и засыпаетъ. Между тѣмъ хитрый Улиссъ приготовилъ и заострилъ огромный колъ оливковаго дерева, обжигаетъ его на огнѣ и затѣмъ, при помощи товарищей, всаживаетъ колъ въ единственный глазъ исполина, вращая тамъ, «какъ вертитъ буравъ корабельный строитель». Съ громкимъ ревомъ, совершенно отрезвленный болью, Полиемъ вскакиваетъ и призываетъ на помощь братьевъ циклоповъ, живущихъ въ сосѣднихъ долинахъ. Циклопы собираются къ нему, но на всѣ вопросы ихъ, въ чемъ дѣло и кто такъ обидѣлъ его, онъ только отвѣчаетъ: «*Никто!*» Не добившись толку и потерявъ терпѣніе, его друзья удаляются. Сначала Полиемъ ощупываетъ стѣны пещеры, отыскивая своихъ мучителей, а затѣмъ отваливаетъ громадный утесъ отъ выхода пещеры и потихоньку выпускаетъ своихъ овецъ, ощупывая между ними чужеземцевъ, которые,

по всей вѣроятности, пожелаютъ воспользоваться этимъ случаемъ для бѣгства. Но и въ этой крайности, хитрость вождя Итаки одерживаетъ верхъ надъ грубою силой; онъ искусно связываетъ крупныхъ овецъ по три вмѣстѣ, причемъ къ животу каждой средней овцы прикрѣпляетъ одного изъ своихъ спутниковъ. Прикрѣпивъ послѣдняго, Улиссъ самъ вцѣпляется въ шерсть самаго жирнаго барана, предводителя всего стада. Такимъ образомъ греки благополучно выходятъ изъ пещеры и соединяются съ нетерпѣливо ожидающими ихъ товарищами. Когда всѣ сѣли на корабль и отплыли на безопасное разстояніе отъ берега, Улиссъ, стоя на палубѣ, громко закричалъ вызывающимъ тономъ Полиеому. Въ отвѣтъ на это Полиемъ, руководясь направленіемъ голоса, бросаетъ изо всей силы огромный утесъ, который падаетъ какъ-разъ позади корабля. Опять Улиссъ кричитъ ему, предлагая сказать всѣмъ, кто станетъ разспрашивать его о приключеніи, что его, Полиеема, ослѣпилъ Улиссъ изъ Итаки. Циклопъ реветъ отъ ярости. Какой-то древній оракулъ предостерегалъ его отъ человѣка этого имени. Взаключеніе Полиемъ предлагаетъ удаляющемуся Улиссу вернуться, чтобы онъ, гигантъ, могъ какъ слѣдуетъ угостить такого героя. Улиссъ, конечно, не такъ простъ, чтобы пойти на подобное приглашеніе. Тогда ослѣпленный гигантъ взываетъ къ своему великому отцу, богу морей Нептуну (Посейдону), и проситъ его отмстить Улиссу.

Одноглазый гигантъ Гомеровою поэмою сталъ весьма популярнымъ комическимъ лицомъ въ произведеніяхъ классической древности. Единственный примѣръ древнегреческой, такъ-называемой сатирической драмы,—особый родъ комедіи, въ которой большую роль играли сатиры,—есть комедія Еврипида «Циклопы», главный сюжетъ которой составляетъ ослѣпленіе Полиеема Улиссомъ. Чудовище выбѣгаетъ изъ пещеры съ выжженнымъ и окровавленнымъ глазомъ, разставивши руки передъ входомъ, чтобы поймать Улисса, который проползаетъ между его ногъ; Полиемъ реветъ отъ боли, а въ то же время хоръ, состоящій изъ толпы поработанныхъ имъ сатировъ, дразнитъ его и радуется своему освобожденію.

Хоръ. Зачѣмъ ты такъ орешь, Циклопъ?

Циклопъ. Я погибъ!

Хоръ. Во всякомъ случаѣ ты изрядно грязень.

Циклопъ. Да и несчастень тоже!

Хоръ. Въ чемъ дѣло? ты напился и упалъ въ огонь?

Циклопъ. Никто убилъ меня!

Хоръ. Въ такомъ случаѣ ты не обиженъ никѣмъ.

Циклопъ. Никто ослѣпилъ меня!

Хоръ. Тогда ты не слѣпъ.

Циклопъ. Хотѣлъ бы я, чтобы вы были въ такомъ же положеніи.

Хоръ. Однако, какъ же никто могъ ослѣпить тебя?

Циклопъ. Не смѣйтесь надо мною.—Гдѣ Никто?

Хоръ. Нигдѣ, Циклопъ.

Поэтъ Теокрытъ, въ одной изъ своихъ идиллій, пред-

ставляетъ намъ Полиэма еще до своего ослѣпленія влюбленнымъ въ прелестную нимфу Галатею, которая, отвѣчая сама на любовь красиваго пастуха Акиса, не сдается на страстные уговоры Циклопа. Вотъ образчикъ Полиэмова обращенія къ Галатей:

«Я знаю, красавица, отчего ты такъ недоступна:
Космать я, огромень; одною лишь бровью
Прорѣзанъ мой лобъ отъ уха до уха;
Изъ-подъ нея сверкаетъ единственный глазъ,
А надъ губою отверзта одна лишь ноздря.
А все-же я, чудовище, владѣю тысячею овецъ,
Дающихъ мнѣ, въ приливы молока, сладостный напитокъ.
.
Тебѣ не любы мои волоса? Такъ, вотъ, дубовые сучья,
А вотъ еще неугасшій костеръ:
Прожги, если хочешь, и сердце мое, и око,
Мое единое око, всю мою радость.»

Феокритъ, Идиллія XI. (См. Прилож., IV.)

Призывъ Полиэма къ богамъ былъ услышанъ, и Улиссу пришлось долго выносить на себѣ гнѣвъ Нептуна за смѣлый подвигъ. Впрочемъ, онъ могъ бы благополучно избѣгнуть всѣхъ бѣдъ, еслибы не жадность его спутниковъ. Плавая по неизвѣстнымъ морямъ, греки заслужили дружбу царя вѣтровъ, Эола. Онъ угощалъ ихъ въ продолженіе цѣлаго мѣсяца на своемъ окованномъ мѣдью островѣ, гдѣ, подобно всѣмъ богамъ и смертнымъ, съ большимъ интересомъ выпрашивалъ у нихъ послѣднія вѣсти о троянскихъ герояхъ.

Эоль былъ до такой степени восхищенъ своимъ гостемъ, что при отплытіи Улисса подарилъ ему завязанную серебряной проволокой бычачью шкуру, въ которой были заключены всѣ вѣтры, за исключеніемъ Зефира, оставленнаго на свободѣ, чтобъ потихоньку подгонять корабль странника къ родному берегу. Благодаря подарку и тому, что въ теченіе девяти дней и ночей Улиссъ, не довѣряя товарищамъ, самъ стоялъ на рулѣ, корабль его бѣжалъ прямо въ Итаку. Уже стали видны скалы роднаго острова; подошли такъ близко, что можно было различить дымъ, подымавшійся отъ огня пастуховъ. Но въ это время, утомленный продолжительнымъ бдѣніемъ, великій вождь засыпаетъ на палубѣ. Пользуясь его сномъ, жадные и любопытные спутники желаютъ посмотрѣть, что содержится въ бычачьей шкурѣ: по всей вѣроятности, въ ней, столь тщательно завязанной и укрытой всторонѣ, лежатъ какія-нибудь сокровища; они открываютъ мѣхъ, и плѣненные вѣтры вырываются оттуда, относя ихъ корабль обратно къ острову Эола, къ величайшему изумленію этого царя. Напрасно Улиссъ объясняетъ ему всю печальную исторію и проситъ дальнѣйшей помощи; Эоль не желаетъ болѣе вступать ни въ какія сношенія съ людьми, на которыхъ, очевидно, тяготѣетъ проклятіе небесъ, и беспощадно выгоняетъ Улисса съ товарищами обратно въ море.

Путники попадаютъ вторично въ руки каннибаламъ; они причаливаютъ въ гавань лестригоновъ, въ описа-

ни которой нѣкоторые, въ послѣднее время, находили большое сходство съ видомъ Балаклавской бухты.

Въ славную пристань вошли мы: ее образуютъ утесы, Круто съ обѣихъ сторонъ подымаясь и сдвинувшись подлѣ Устья великими, другъ противъ друга изъ темныя бездны Моря торчащими камнями, входъ и исходъ заграждая.

Лестригоны эти представляются какъ племя гигантовъ, напоминающихъ циклоповъ, но съ еще болѣе варварскими нравами. Одинъ изъ числа небольшого отряда, посланнаго Улиссомъ на рекогносцировку, былъ схваченъ и съѣденъ на мѣстѣ. Замѣтивъ суда грековъ, лестригоны бросаютъ въ нихъ скалами, а несчастныхъ грековъ, спасающихся на обломкахъ, колютъ, точно рыбу, жердями. Одинъ Улиссъ, стоявшій внѣ гавани, спасается, перерѣзавши якорный канатъ. Продолжая свой печальный путь, онъ достигаетъ острова Эи, гдѣ живетъ волшебница Цирцея, «свѣтлокудрявая нимфа, дочь Гелиоса» (бога солнца). Здѣсь онъ раздѣляетъ небольшое число оставшихся спутниковъ на два отряда, изъ которыхъ одинъ, подъ начальствомъ его главнаго помощника Еврилоха, отправляется внутрь острова, тогда какъ Улиссъ съ остальными остается сторожить судно. Первый отрядъ натывается на скрытый глубоко въ лѣсу дворецъ Цирцеи.

Около дома толпились горные львы и лѣсные Волки: питьею очарованнымъ ихъ укротила Цирцея.

Вмѣсто того, чтобъ напасть на пришельцевъ, они подбѣжали

Къ нимъ миролюбно и, ихъ окруживши, махали хвостами,

Какъ къ своему господину, хвостами махая, собаки Ластятся — имъ же всегда онъ приносить остатки обѣда.

Такъ остролапые львы и шершавые волки къ пришельцамъ

Ластились. Ихъ появленьемъ они приведенные въ ужасъ, Къ дому прекраснокудрявой богини Цирцеи поспѣшно Всѣ устремились. Тамъ голосомъ звонкопріятнымъ богиня

Пѣла, сидя за широкой, прекрасной, божественно-тонкой

Тканью, какая изъ рукъ лишь богини безсмертной выходитъ.

Жилище Цирцеи представлено у поэта совсѣмъ въ другомъ видѣ, нежели описанный уже прежде гротъ нимфы Калипсо ¹⁾). Тамъ, у Калипсо, мы находимъ соединенными всѣ красоты дѣвственной природы,

¹⁾ Фенелонъ до такой степени чувствовалъ этотъ контрастъ, что, въ своемъ «Телемакѣ», описывая пещеру Калипсо, считаетъ нужнымъ, какъ истый французъ временъ великаго Людовика, предпослать извиненіе за грубую природную простоту, которая едва ли прилична для столь обворожительной персоны. «Тамъ не было статуй», говоритъ онъ, «не было картинъ и расписанныхъ потолковъ, но крыша была устлана раковинами и камешками, а отсутствующіе обои замѣнялись длинными побѣгами винограда.»

а здѣсь, у волшебницы Цирцеи, — весь блескъ восточной обстановки: залы изъ полированного мрамора, окованныя серебряными гвоздями ложа и золотые сосуды.

Широко распахнувъ сіяющія двери, волшебница весело приглашаетъ путниковъ войти, и всѣ, за исключеніемъ болѣе осторожнаго Еврилоха, принимаютъ ея предложеніе. Они выпиваютъ отравленный ею кубокъ вина; затѣмъ волшебница касается ихъ своимъ жезломъ, и вдругъ, о ужасъ, они превращаются въ свиней, сохраняя, однако, остатки человѣческаго разума. Еврилохъ, прождавъ довольно долго возвращенія товарищей, отправляется одинъ въ обратный путь и передаетъ печальную повѣсть своему вождю, который тотчасъ же пускается на выручку. Идя черезъ лѣсъ, онъ внезапно встрѣчаетъ прелестнаго юношу съ золотымъ жезломъ, — никого другаго, какъ бога Меркурія (Гермеса, у Жуковского Эрмія), который даетъ ему въ руки корень, одаренный волшебными свойствами.

Съ сими словами растенье мнѣ подалъ божественный
Эрмія,
Вырвавъ его изъ земли и природу его объяснивъ мнѣ:
Корень былъ черный, подобенъ былъ цвѣтъ молоку бѣлизноу;

Моли его называютъ бессмертные.

Вооруженному этимъ корнемъ, Улиссу нечего бояться волшебства Цирцеи.

Она приготовляетъ для Улисса тотъ же напитокъ и, ударивши его жезломъ, говоритъ: «Иди и свиньей валяйся въ закутѣ съ другими»; но напитокъ и волшебство оказываются бессильными надъ Улиссомъ. Цирцея, очевидно, нашла своего побѣдителя и знаетъ, что это не кто другой, какъ «многохитростный мужъ Улиссъ благородный», о которомъ ее уже давно предупреждали. Однако, даже чудныя свойства корня Моли не даютъ Улиссу возможности противиться любви волшебницы, и Улиссъ, по своему собственному сознанию, въ залахъ Цирцеи позабылъ свою Пенелопу, точно такъ же, какъ это случилось съ нимъ и впоследствии, на островѣ нимфы Калипсо. Въ извиненіе Улисса можно привести, что ему было необходимо приобрести расположеніе хозяйки острова, чтобъ добиться отъ нея (какъ онъ, въ самомъ дѣлѣ, и добился) освобожденія своихъ товарищей изъ ихъ позорнаго плѣна. Но это ни мало не оправдываетъ Улисса въ томъ, что онъ тотчасъ же посылаетъ за остальнымъ экипажемъ судна и проводитъ цѣлый годъ въ обществѣ волшебницы. Многіе критики, желавшіе выкроить изъ Улиссовыхъ приключеній моральную аллегорію, сами признаются, что эпизодъ этотъ служитъ для нихъ настоящимъ камнемъ преткновенія. Можно, пожалуй, сказать, что въ Цирцеѣ олицетворяется чувственное наслажденіе и что всѣ прикасающіеся къ ея чашѣ и превращающіеся въ свиней должны представлять людей, предаю-

щихся подобнымъ удовольствіямъ, — что растеніе Моли, съ чернымъ корнемъ, но съ бѣлымъ и чуднымъ цвѣткомъ —, есть символъ образованія и умѣренности, при помощи которыхъ человѣкъ противится увлеченіямъ чувства; но побѣда Улисса надъ волшебницей и его послѣдующія отношенія къ ней какъ-то плохо согласуются съ какой бы то ни было моралью. Говорить, что Улиссъ умѣетъ удовлетворять своимъ страстямъ, соблюдая умѣренность, и избѣгаетъ такимъ образомъ кары за излишество, — что онъ остается господиномъ наслажденій, тогда какъ его товарищи становятся ихъ рабами, все это поведетъ насъ къ очень сомнительной морали, такъ какъ въ этомъ случаѣ самоуслажденіе явилось бы чѣмъ-то достойнымъ, лишь бы человѣкъ умѣлъ избѣгать его вредныхъ послѣдствій.

Лишь когда товарищи Улисса начинаютъ напоминать ему, что онъ забылъ свою родину, Улиссъ проситъ прелестную хозяйку отпустить его. Волшебница, связанная своей клятвой, съ большимъ неудовольствіемъ соглашается на его просьбу, предупреждая передъ разставаньемъ, что впереди предстоитъ ему еще не мало труда и опасностей и что если онъ желаетъ узнать свою судьбу, то ему слѣдуетъ посѣтить «мрачную область Аида», страну усоншихъ, и спросить тамъ совѣта у великаго пророка Тирезія.

Улиссъ продолжаетъ затѣмъ описывать царю феакійцевъ свое путешествіе съ острова Эи, при

помощи благоприятныхъ вѣтровъ, посылаемыхъ ему Цирцеей :

. корабль нашъ бѣжалъ, повинуюсь кормилу
и вѣтру :

Были весь день паруса путеводнымъ дыханіемъ полны. Солнце тѣмъ временемъ сѣло и всѣ потемнѣли дороги. Скоро пришли мы къ глубокотекущимъ водамъ Океана; Тамъ Киммеріанъ печальная область, покрытая вѣчно Влажнымъ туманомъ и мглой облаковъ.

Кто были эти кимеріане, понять не легко. У грековъ имя это часто считалось синонимомъ всего грубаго и варварскаго во мракѣ отдаленной древности; впрочемъ, оно встрѣчается еще у болѣе древнихъ историковъ, какъ названіе дѣйствительно существовавшего народа; нѣкоторые, быстрые на заключенія, этнологи выводили изъ сходства именъ тождественность ихъ съ кимрами, первыми поселенцами Валлиса. Валлійцы очень гордятся своимъ древнимъ происхожденіемъ, но сомнительно, были ли бы они польщены описаніемъ грубости ихъ праотцевъ или тѣмъ непріятнымъ сосѣдствомъ съ адомъ, въ которое ставятъ ихъ поэтъ.

ГЛАВА V.

ПРОДОЛЖЕНИЕ РАЗСКАЗА. ПОСЪЩЕНИЕ СТРАНЫ ТЪНЕЙ.

11-ая пѣсня поэмы, въ которой Улиссъ спускается въ страну тѣней, чтобъ спросить мертвыхъ, считалась нѣкоторыми критиками за позднѣйшую прибавку къ поэмѣ; торжественное величіе всего этого эпизода какъ-то не подходитъ къ легкому характеру разсказа, въ который оно вплетено. Какъ бы то ни было, мѣсто это, само по себѣ, чрезвычайно интересно; оно даетъ намъ хотя нѣкоторое понятіе объ убѣжденіяхъ поэта касательно состоянія души послѣ смерти. Мы не находимъ въ эпизодѣ никакого противорѣчія со взглядами автора, высказанными кое-гдѣ въ «Иліадѣ», хотя здѣсь эти его воззрѣнія развиты гораздо полнѣе. О картинѣ, рисуемой поэтомъ, можно лишь сказать, что она до крайности мрачна и вполне выясняетъ намъ то отращеніе отъ смерти, которое выказывается такъ часто героями Гомера: будущее состояніе представлялось имъ въ такомъ видѣ, которое для дѣятельнаго ума гораздо тяжелѣе, чѣмъ совершенное уничтоженіе.

. никогда не являетъ
 Оку людей тамъ лица лучезарнаго Геліосъ, землю ль
 Онъ покидаетъ, всходя на звѣздами обильное небо,
 Съ неба ль, звѣздами обильнаго, сходитъ, къ землѣ
 обращаюсь;
 Ночь безотрадная тамъ искони окружаетъ живущихъ.

Они достигли наконецъ, продолжаетъ Улиссъ, того мѣста, о которомъ ему говорила при прощаніи Цирцея: гдѣ мрачныя рѣки Ахеронъ и Коцитъ сливаются вмѣстѣ при впаденіи въ Аидъ. Всѣ умиловительныя обряды, которые Цирцея присовѣтовала Улиссу, были тщательно исполнены; въ жертву силамъ тьмы принесены черныя баранъ и овца, и кровь ихъ влита въ отверстіе въ землѣ, «въ локоть одинъ ширины и длины», которое Улиссъ вырылъ своимъ мечемъ.

. и слетѣлись толпою
 Души усопшихъ; изъ темныя бездны Эрева ¹⁾ поднявшись:
 Души невѣсть, малоопытныхъ юношей, опытныхъ стар-
 цевъ,
 Дѣвъ молодыхъ, о утратѣ недолгія жизни скорбящихъ,
 Бранныхъ мужей, мѣдноострымъ копьемъ пораженныхъ
 смертельно
 Въ битвѣ и брони, обрызганной кровью, еще не сложив-
 шихъ.
 Всѣ онѣ, вылетѣвъ вмѣстѣ безчисленнымъ роемъ изъ
 ямы,
 Подняли крикъ несказанный.

¹⁾ Переходъ изъ нашего міра въ подземный. *Переводч.*
 одиссея. 7

Но Цирцея научила Улисса не позволять никому изъ всей страшной толпы утолять свою жажду, покуда онъ не вызоветъ тѣнь Тирезія, слѣпаго прорицателя изъ Оивъ, который сохранилъ все свое искусство и разумъ даже въ области мертвыхъ. Вслѣдствіе этого Улиссъ отгоняетъ привидѣнія своимъ мечемъ, не позволяя даже тѣни своей покойной матери, Антиклей, пришедшей вмѣстѣ съ другими, коснуться крови, пока не появляется великій прорицатель, опирающійся на свой золотой жезлъ.

Но отклонися отъ ямы и къ крови мечемъ не препятствуй
Мнѣ подойти, чтобъ, напившись, могъ я по правдѣ пророчить.
Такъ онъ сказалъ; отклоняся отъ ямы, я мечъ среброгвоздный
Вдвинулъ въ ножны; а Тирезій, напившись черныя крови,
Слово ко мнѣ обратилъ и сказалъ мнѣ, по правдѣ пророка.

Изъ устъ Тирезія Улиссъ узнаетъ ожидающую его будущность: на берегахъ Тринакріи (Сициліи) онъ увидитъ стадо тучныхъ быковъ и волнистыхъ барановъ, принадлежащее Геліосу (богу солнца); если онъ и его товарищи не коснутся ихъ, то вскорѣ увидятъ свою родину Итаку; если же они дерзнутъ наложить святотатственные руки на эти стада, то всѣ погибнутъ, за исключеніемъ одного Улисса, которому удастся достигнуть родины лишь послѣ долгихъ испытаній.

Все это время тѣнь его матери сидѣла въ мрачномъ молчаніи, уперши взоры на свѣжую кровь; только попивши ея, она можетъ раскрыть уста и даже вообще признать своего сына. На его нетерпѣливые вопросы относительно ея собственной судьбы и судьбы отца Лаэрта она говоритъ, что сама она умерла съ горя, а престарѣлый Лаэртъ ведетъ безотрадную и печальную жизнь, удрученный неутѣшнымъ горемъ.

. И умокла она. Увлеченный
Сердцемъ, обнять захотѣлъ я отшедшую матери душу;
Три раза руки свои къ ней, любовью стремимый, простеръ я,
Три раза между руками моими она проскользнула.

Въ то время, какъ они разговариваютъ между собою, изъ мрака выступаетъ цѣлая толпа женскихъ образовъ, супругъ и матерей великихъ героевъ древности. Улиссу являются: Тиро, возлюбленная морскаго бога Посейдона, отъ которой родился Нелей, отецъ Нестора; за нею слѣдуетъ Антиопа, которая принесла Юпитеру Амѳіона и Цетоса, построившаго семивратныя Оивы; предстаетъ Иѳимедея, мать исполина Отоса и Эфіальтеса, объявившихъ войну самимъ небесамъ; являются Алькмена, Леда, Аріадна и еще цѣлая толпа героинь греческихъ романовъ, земная жизнь которыхъ была, болѣе или менѣе, разстроена любовью безсмертныхъ боговъ и которыя теперь, въ приписываемомъ имъ поэтомъ мрач-

номъ безсмертіи, находятъ нѣкоторое утѣшеніе въ сознаніи себя матерями безсмертныхъ героевъ.

Этой сценой Улиссъ желаетъ покончить свой рассказъ, и на мгновеніе его феакійская аудиторія хранитъ удивленное молчаніе; но царь желаетъ услышать еще многое другое; неужели Улиссъ не видалъ въ царствѣ мертвыхъ никого изъ славныхъ бойцовъ, сражавшихся о-бокъ съ нимъ подъ стѣнами Трои?

Да, видалъ, и если его хозяинъ готовъ слушать дальше, то Улиссъ можетъ рассказать ему печальную повѣсть о нѣкоторыхъ изъ своихъ прежнихъ товарищей. Онъ видѣлъ тамъ великаго Агамемнона и слышалъ изъ его устъ рассказъ о злодѣйствѣ невѣрной Клитемнестры; онъ узналъ Антилоха и Патрокла, а также Аякса, причемъ послѣдній, удерживая въ царствѣ тѣней память о прежнемъ соперничествѣ въ земной жизни, отстранился отъ Улисса и отказался обмѣняться словами со своимъ счастливымъ соперникомъ. Только одинъ Ахиллесъ рассказываетъ кое-что изъ тайнъ своего мѣста заключенія; онъ спрашиваетъ предприимчиваго Улисса, что заставило его рѣшиться проникнуть въ эти мрачные предѣлы, гдѣ мертвые, хотя и живутъ, но, лишенные чувства, «безжизненно вѣютъ». Когда Улиссъ старается утѣшить его напоминаніемъ о безсмертной славѣ, окружающей его имя, безотрадный отвѣтъ Ахиллеса выражаетъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ его взглядъ на судьбу человѣчества, который по-временамъ

проглядываетъ въ убѣжденіяхъ поэта и составляетъ одну изъ характеристическихъ чертъ его любимаго героя.

Создана ли «Одиссея» тѣмъ же авторомъ, какъ и «Иліада», или нѣтъ, во всякомъ случаѣ Ахиллесъ является въ обѣихъ поэмахъ совершенно одинаковымъ. Въ Иліадѣ мы находимъ въ немъ мрачную иронию еврейскаго проповѣдника до поры, когда онъ достигъ до пониманія всего, причемъ, подобно ему, Ахиллесъ жалуется, что «одинаковая участь постигаетъ всѣхъ», что обыкновенно мудрый человѣкъ умираетъ такъ же, какъ и дурной, и что даже онъ, самый храбрый и прекрасный изъ живущихъ героевъ, подвергается той же участи, какъ и его жертва, Ликаонъ; точно такъ же и здѣсь, въ «Одиссеѣ», Ахиллесъ говоритъ, что «живая собака лучше мертваго льва».

Лучше бѣ хотѣлъ я живой, какъ поденщикъ, работая въ полѣ,
Службой у бѣднаго пахаря хлѣбъ добывать свой насущный,
Нежели здѣсь надъ бездушными мертвыми царствовать, мертвый.

Вотъ на какое безсмертіе обрекало язычество даже самыхъ лучшихъ и храбрѣйшихъ.

Какъ Агамемнонъ, такъ и Ахиллесъ предлагаютъ своему земному посѣтителю одинъ трогательный вопросъ: что дѣлается съ ихъ сыновьями? Гдѣ Орестъ? спрашиваетъ великій царь. Оказался ли Неоптолемъ въ по-

слѣдніе дни войны достойнымъ имени своего отца? спрашиваетъ Ахиллесъ. Успокоенная на этотъ счетъ тѣнь великаго героя

«Шагомъ широкимъ по ровному Асфодилонскому лугу
Тихо пошла, веселяся великою славою сына.»

Въ этомъ царствѣ мертвыхъ, по изображенію Улисса, не видно никакой награды, ни наказанія за прежнія дѣла. Что-нибудь похожее на счастье въ этомъ царствѣ тѣней, повидимому, рѣшительно не согласно съ чувствами, высказанными Ахиллесомъ. Великій охотникъ Оріонъ вкушаетъ здѣсь что-то въ родѣ тѣхъ райскихъ наслажденій, какія представляютъ себѣ краснокожіе индѣйцы: онъ преслѣдуетъ въ поляхъ тѣни дикихъ звѣрей, которыхъ убилъ при жизни на землѣ, но съ тѣмъ различіемъ, что занятіе это, повидимому, не доставляетъ никакой отрады могучему мертвецу. Наказанія постигаютъ умершихъ лишь за особенно-важныя преступленія противъ величія боговъ.

Видѣлъ потомъ я Тантала, казнимаго страшною казнью: Въ озерѣ свѣтломъ стоялъ онъ по горло въ водѣ, и, томимый

Жаркою жаждой, напрасно воды захлебнуть порывался.

Только что голову къ ней онъ склонялъ, уповая напиться,

Съ шумомъ она убѣгала; внизу жь подъ ногами являлось

Черное дно и его осушалъ во мгновение Демонъ.

Много росло плодоносныхъ деревъ надъ его головою, Яблонь и грушъ и гранатъ, золотыми плодами обильныхъ,

Также и сладкихъ смоковницъ и маслинъ роскошно цвѣтущихъ.

Голодомъ мучась, лишь только къ плодамъ онъ протягивалъ руку,

Разомъ всѣ вѣтви деревъ къ облакамъ подымались темнымъ.

Видѣлъ я также Сизифа, казнимаго страшною казнью: Тяжкій камень снизу обѣими влекъ онъ руками

Въ гору; напрягши мышцы, ногами въ землю упершись, Камень двигалъ онъ вверхъ; но едва достигалъ до вершины

Съ тяжелой ношей, назадъ устремленный невидимой силой Внизъ по горѣ на равнину катился обманчивый камень. Снова силился вздвинуть тяжесть онъ, мышцы напрягши, Тѣло въ поту, голова вся покрытая черною пылью.

Но эти наказанія, испытываемыя въ странѣ тѣней, наложены всегда не за дурную жизнь, но за личныя обиды царю боговъ. Танталь, бывъ приглашенъ гостемъ на пиръ бессмертныхъ, укралъ у нихъ нектаръ и амброзію для смертныхъ. Сизифъ, правда, былъ извѣстнымъ разбойникомъ на землѣ, но постигшее его наказаніе назначено ему вовсе не за это, а за то, что онъ разболталъ дошедшее до него извѣстіе про одну любовную интригу Юпитера. Камень Сизифа приводится обыкновенно какъ образъ бесполезнаго труда; но одинъ изъ современныхъ англійскихъ поэтовъ, лордъ Литтонъ (Бульверъ), въ своихъ «Милетскихъ сказкахъ»

сдѣлалъ изъ этой картины безплоднаго труда прекрасное подобіе неразрушимости надеждъ ¹⁾).

Улиссъ признается, что не видѣлъ всего, что могъ бы увидѣть, потому что когда безчисленные блѣдныя тѣни съ громкимъ крикомъ столпились вокругъ него, герой потерялъ присутствіе духа и убѣжалъ на корабль, убѣждая своихъ товарищей немедленно отвязать канаты и плыть въ открытое море. Послѣ этого Улиссъ возвратился опять на островъ Цирцеи, чтобы совершить похороны убитшагося тамъ товарища Эльпенора, котораго онъ встрѣтилъ, въ числѣ прочихъ, въ царствѣ тѣней. Оставляя на другой день Цирцею, Улиссъ вновь пользуется ея напутственными наставленіями. Улиссъ съ товарищами ѣдутъ мимо острова, на которомъ двѣ сестры сирены лежатъ въ цвѣтахъ, заманивая всѣхъ проѣзжающихъ, на гибель, непреодолимой силой своихъ пѣсенъ. Предупрежденный Цирцеей, Улиссъ затыкаетъ уши всѣхъ своихъ матросовъ растопленнымъ воскомъ, но, желая испытать на себѣ силу привлекательныхъ пѣсенъ

¹⁾ Описывая посѣщеніе преисподней пѣснопѣвцемъ Орфеемъ, отыскивающимъ свою умершую жену, нимфу Евридику. Въ преисподней Орфей застаётъ Сизифа за его нескончаемыми усиліями вскатить на гору камень, постоянно скатывающійся.—Мука Тантала заключается въ томъ, что онъ стоитъ въ водѣ, подъ свѣсившимися надъ нимъ вкусными плодами, но не въ состояніи утолить ни жажды, ни голода, потому что вода и плоды не даются ему.

Переводч.

сирень, не затыкаетъ своихъ собственныхъ ушей, однако, для избѣжанія опасности, заставляетъ товарищей привязать его къ мачтѣ и велитъ имъ не отвязывать его ни въ какомъ случаѣ, какъ бы онъ ни молилъ ихъ объ этомъ, потому что при своей страсти къ приключеніямъ онъ не надѣется въ этомъ случаѣ осилить себя. Въ самомъ дѣлѣ, когда они проѣзжаютъ мимо острова, сирены начинаютъ пѣть и призываютъ его къ себѣ:

Къ намъ, Одиссей богоравный, великая слава Ахейнъ,
Къ намъ съ кораблемъ подойди; сладкопѣньемъ Сирень
насладися;

Здѣсь ни одинъ не проходитъ съ своимъ кораблемъ мо-
реходецъ,

Сердцеуладнаго пѣнья на нашемъ лугу не послушавъ;
Кто же насъ слышалъ, тотъ въ домъ возвращается, мно-
гое свѣдавъ.

Знаемъ мы все, что случилось въ Троянской землѣ и
какая

Участь по волѣ безсмертныхъ постигла Троянъ и Ахе-
янь;

Знаемъ мы все, что на лонѣ земли многодарной тво-
рится.

Но гребцы, благодаря принятой предосторожности, продолжаютъ грести, и только когда звуки пѣсни замерли въ отдаленіи, они рѣшаются развязать своего вождя. Затѣмъ путники входятъ въ область, отдѣляющую Сицилію отъ Италіи, гдѣ съ обѣихъ сторонъ ждутъ ихъ два чудовища, Сцилла и Харибда, — по всей вѣроятности, олицетвореніе подводныхъ скалъ и водово-

ротовъ. Однако, благодаря наставленію Цирцеи, они благополучно избѣгаютъ опасности, потерявъ только шесть человѣкъ изъ экипажа. Нѣкоторые современные поэты пользовались этимъ мѣстомъ «Одиссеи», между прочими Спенсеръ, въ своей поэмѣ «Волшебная Королева». Пять русалокъ, которыя ловятъ неосторожныхъ путниковъ силой своихъ пѣсень, обращаются здѣсь къ плывущему мимо нихъ рыцарю. Вообще, рассказъ этотъ сталъ однимъ изъ самыхъ любимыхъ мифовъ, такъ что мы находимъ его даже въ извѣстной поэмѣ Гейне «Лорелей».

Наконецъ путники достигаютъ берега, на которомъ пасутся стада бога солнца, Гелиоса. Напрасно Улиссъ, вспоминая прорицаніе Терезія, уговариваетъ своихъ товарищей плыть дальше и не выходить на землю; его главный лейтенантъ, Еврилохъ, поднимаетъ противъ запрещенія даже нѣчто въ родѣ бунта; онъ начинаетъ жаловаться, что не въ силахъ больше выносить такія необычайныя усилія и не можетъ слѣдовать за человекомъ, который, повидимому, скованъ изъ желѣза и способенъ выносить труды и опасности, неодолимые для обыкновенныхъ смертныхъ. Видя, что весь остальной экипажъ поддерживаетъ предложеніе Еврилоха пристать къ берегу и отдохнуть, Улиссъ уступаетъ имъ, взявши съ нихъ торжественную клятву, что никто не наложитъ святотатственныхъ рукъ на священныя стада, тѣмъ болѣе, что у нихъ есть достаточный запасъ хлѣба и вина, данный имъ при отплытіи Цирцеей. Но, къ

несчастью, противные вѣтры держатъ путниковъ цѣлый мѣсяцъ на берегу, такъ что весь запасъ хлѣба и вина истощается, и греки, для спасенія отъ голодной смерти, должны стрѣлять дичину и ловить рыбу, т. е. добывать пищу, презираемую греческими мореходами. Однажды, когда ихъ вождь нѣсколько отдѣлился отъ нихъ и, послѣ долгой молитвы, погрузился въ короткій сонъ, Еврилохъ убѣдилъ остальныхъ нарушить клятву и убить лучшихъ быковъ, надѣясь утишить гнѣвъ боговъ обѣщаніемъ жертвы на родинѣ. За этимъ преступленіемъ послѣдовало немедленно страшное знаменіе: шкуры убитыхъ животныхъ ползали за своими убійцами, а мясо, сидя и жарясь на вертелахъ, издавало страшные стонъ и ревъ. Одинъ изъ старыхъ аллегорическихъ комментаторовъ «Одиссеи» вывелъ изъ этого обстоятельства весьма краснорѣчивую мораль, что грѣхи злыхъ идутъ по стопамъ согрѣшившихъ и громко свидѣтельствуютъ противъ нихъ.

Когда затѣмъ Улиссъ и его товарищи отважились опять пуститься въ море, то Юпитеръ наслалъ на нихъ вѣтры и поднялъ страшныя волны, чтобъ наказать ихъ за преступленіе, такъ какъ Гелиосъ погрозилъ, что если нанесенная ему обида останется неотомщенной, то онъ перестанетъ свѣтить на небесахъ и уйдетъ въ царство мертвыхъ. Корабль грековъ былъ разбитъ громомъ, и Улиссъ, единственный спасшійся изъ всего экипажа, плаваетъ по морю долгое время на обломкѣ

мачты, счастливо избѣгаетъ водоворота Харибды и послѣ девятидневнаго плаванія выброшенъ на островъ Калипсо. Мы уже видѣли, какъ нимфа держала его здѣсь въ плѣну до тѣхъ поръ, когда, благодаря вмѣшательству Аѳины, его плѣнъ кончился и Улиссъ потерпѣлъ вторичное крушеніе на берегахъ феакійскаго царства.

ГЛАВА VI.

ВОЗВРАЩЕНІЕ УЛИССА ВЪ ИТАКУ.

Герой при отбѣздѣ получаетъ богатые подарки отъ своихъ феакійскихъ друзей: каждый изъ двѣнадцати старѣйшинъ или владыкъ царства приноситъ ему свои дары: золото и одежды; царь даетъ ему отъ себя свой собственный золотой кубокъ, а царица Арета—мантію и хитонъ (тунику). Заботливая царица снабжаетъ его также чуднымъ ящикомъ или ковчегомъ, въ который сама укладываетъ дорогіе подарки. Улиссъ завязываетъ все искуснымъ морскимъ узломъ, котораго не развязать никому, не знакомому съ секретомъ; узлу этому его научила Цирцея, а онъ въ свою очередь, повидимому, передалъ его нашимъ теперешнимъ матросамъ. Одареннаго такимъ образомъ, Улисса ведутъ на одинъ изъ волшебныхъ кораблей, который долженъ отвезти его на родной островъ Итаку. Они садятся на судно вечеромъ, а на слѣдующее утро экипажъ его—повидимому, чтобъ придать всему приключенію полукомическій характеръ, столь свойственный феакійцамъ—высаживаетъ

своего пассажира, все-еще крѣпко спящаго, на берегъ, подъ тѣнь широкой оливы, положивъ съ нимъ въ кучу всѣ его подарки. Проснувшись, Улиссъ не узнаетъ своего роднаго острова, потому что Минерва скрыла окрестность въ туманѣ. Вскорѣ и сама богиня, въ образѣ пастуха, подходитъ къ Улиссу и терпѣливо выслушиваетъ сказку, съ обычной находчивостью придуманную послѣднимъ, чтобъ объяснить свое присутствіе на этомъ островѣ. Затѣмъ она открывается ему, съ довольно пролическимъ комплиментомъ неисправимой хитрости, побуждающей его пытаться обмануть даже мудрѣйшую изъ безсмертныхъ; она сообщаетъ Улиссу вѣсти объ его женѣ и сынѣ и обѣщаетъ помочь противъ безстыдныхъ жениховъ. Богиня касается его золотымъ жезломъ, и величавый образъ Одиссея, поразившій дѣвичье сердце Навзикаи и всего феакійскаго двора (не говоря уже о Цирцеѣ и Калипсо), тотчасъ смѣняется дряхлостью; румяныя щеки покрываются морщинами, свѣтлые глаза становятся мутными, вьющіяся кудри сѣдѣютъ, и Улиссъ является въ видѣ стараго нищаго, покрытаго рубищемъ. Измѣненный такимъ образомъ, чтобъ никто не могъ узнать его до тѣхъ поръ, пока не пробьетъ назначенный часъ, Улиссъ, по совѣту богини, отправляется искать убѣжища у своего собственнаго свинопаса Евмея.

Евмей представляетъ намъ въ поэмѣ чрезвычайно характерную личность, задавшую не мало хлопотъ различ-

нымъ критикамъ. Онъ занимаетъ что-то въ родѣ домика лѣсничаго въ рощахъ, въ которыхъ днемъ кормятся обширныя стада свиней, принадлежащихъ отсутствующему царю и по ночамъ тщательно загоняемыхъ въ хлѣва. Хотя этотъ Евмей—простой свинопасъ, но Гомеръ безпрерывно прилагаетъ къ нему эпитеты «богоравный» и «превосходнѣйшій изъ людей», которые онъ употребляетъ обыкновенно только говоря о важныхъ особахъ, на примѣръ Улиссъ и Менелай. У Евмея есть не только подчиненные, но и свой рабъ, котораго онъ купилъ на собственные деньги. Онъ до такой степени независимъ въ распоряженіяхъ надъ ввѣренными ему животными, что считаетъ себя въ правѣ убить и приготовить двухъ заразы,—чтобъ угостить пришедшаго къ нему странника: таково щедрое гостепріимство того золотого времени. Едвали можно смотрѣть на Евмея, какъ это дѣлаетъ одинъ изъ лучшихъ англійскихъ критиковъ, просто «какъ на настоящаго помѣщика, приблизительно однихъ лѣтъ съ Гомеромъ». Если подыскивать въ современной жизни что-нибудь сходное, то Евмея можно приравнять развѣ къ управляющему большимъ имѣньемъ, котораго отношенія къ собственнику приняли оттѣнокъ дружбы и довѣрія. Забота о свиньяхъ, повидимому, играла значительную роль въ то время, въ которое, какъ это явствуетъ изъ многихъ мѣстъ «Иліады» и «Одиссеи», мясо этихъ животныхъ занимало первое мѣсто на пирахъ вождей и царей, тѣмъ

болѣе, что мы встрѣчаемъ царскихъ сыновей ни мало не считающими для себя унижительнымъ стеречь, напримеръ, овецъ, такъ что забота о другихъ животныхъ тоже нисколько не считалась низкою. Кромѣ того, на дѣлѣ оказывается, что этотъ Евмей самъ царскаго рода; онъ былъ украденъ предательницей-нянькой съ острова, гдѣ его отецъ былъ царемъ, затѣмъ проданъ финикійскими купцами Лаэрту въ Итаку и тамъ воспитанъ какъ сынъ. Самъ онъ смотритъ на отсутствующаго Улисса «какъ на старшаго брата». Замѣчательна его преданность дому своего благодѣтеля, доходящая до того, что каждый разъ, садясь за обѣдъ, онъ возсылаетъ краткую молитву къ богамъ, прося, чтобы законный хозяинъ всего вернулся наконецъ на родину; онъ печалится, въ особенности, тѣмъ, что Пенелопа, въ осаждающихъ ее постоянныхъ заботахъ, не можетъ уже приходить и говорить съ нимъ по-дружески, какъ это бывало прежде. Эти задушевныя, простыя отношенія между господиномъ и слугой—даже если слуга былъ не болѣе, какъ купленный рабъ—представляютъ поразительную черту всѣхъ Гомеровыхъ поэмъ; они, какъ и многія другія мѣста въ Гомерѣ, напоминаютъ намъ подобныя же черты Священнаго Писанія и сходныя привязанности, такъ часто смягчавшія иго рабства: рассказы о маленькой іудейской дѣвушкѣ, забота которой объ ея ассирійскомъ господинѣ повела къ излѣченію его, и рассказъ о вѣрномъ управляющемъ,

рожденномъ въ домѣ Авраама, котораго бездѣтный патриархъ желалъ однажды сдѣлать своимъ наслѣдникомъ ¹⁾).

Евмей принимаетъ чужеземца крайне гостеприимно, предупреждая его въ то же время, чтобы онъ не сообщалъ, какъ это часто дѣлали другіе въ виду ожидаемой награды, ложныхъ вѣстей о потерянномъ Улиссѣ; самъ же онъ съ большимъ удовольствіемъ услышитъ о приключеніяхъ своего гостя. Герой нашъ вѣчно готовъ на рассказы, будетъ ли то дѣйствительность или вымыселъ; въ настоящее время онъ предпочитаетъ вымыселъ и передаетъ Евмею рассказъ о своей воображаемой прошедшей жизни критскаго вождя, выдавшаго виды въ различныхъ странахъ, въ особенности подъ начальствомъ царя Идомея подъ Троей, и претерпѣвшаго затѣмъ цѣлый рядъ различныхъ неудачъ и бѣдствій. Въ рассказѣ своемъ, конечно, онъ говоритъ, что видѣлъ и зналъ Улисса, слышалъ о немъ уже послѣ паденія Трои, и предлагаетъ своему хозяину даже пари, что Улиссъ еще вернется. Евмей же и слышать не хочетъ о подобныхъ надеждахъ. Къ этому времени его подчиненные приходятъ съ поля и затѣмъ, устроивъ свиней на ночь, всѣ садятся къ ужину и отправляются спать. Ночь крайне холодная, а у Улисса нѣтъ ничего, кромѣ своего рубища; чтобы добыть себѣ покрывало на ночь, онъ намекаетъ на его необходимость весьма хи-

¹⁾ Моисеева Книга Бытія, гл. XV, ст. 2, 3.

трымъ разсказомъ, который представляетъ намъ прекрасный образчикъ стила болѣ легкихъ эпизодовъ поэмы Гомера. Улиссъ рассказываетъ одно изъ своихъ приключеній въ то время, какъ ему пришлось лежать зимней ночью въ засадѣ подъ стѣнами Трои.

О! когда бъ я былъ молодъ, какъ прежде, и силой такой же Полонъ, какъ въ Троѣ, когда мы въ засадѣ однажды сидѣли!

Были вождями у насъ Одиссей съ Менелаемъ, и съ ними Третій былъ я, къ нимъ приставшій, покорствуя ихъ приглашенью;

Къ твердовысокимъ стѣнамъ многославнаго града пришедши,

Всѣ мы отъ нихъ недалеко въ кустарникѣ, сросшемся густо,

Между болотной осоки, щитами покрывшись, лежали Тихо. Была непріязненна ночь, прилетѣлъ полуночный Вѣтеръ съ морозомъ и сыпался шумно холодной метелью Снѣгъ, и щиты хрусталемъ отъ мороза подернулись тонкимъ.

Теплыя мантии были у всѣхъ и хитоны; и спали, Ими одѣвшись, спокойно они подъ своими щитами; Я жь, безразсудный, товарищу мантию отдалъ, собравшись

Въ путь, не подумавъ, что ночью дрожать отъ мороза придется;

Взялъ со щитомъ я лишь поясъ одинъ мой блестящій; когда же

Треть совершилася ночи и звѣзды склонились съ неба, Такъ я сказалъ Одиссею, со мною лежавшему рядомъ, Локтемъ его подтолкнувъ (во мгновенье онъ понялъ, въ чемъ дѣло):

О Лаэртидъ, многохитростный мужъ, Одиссей благородный,
Смертная стужа; поривистый вѣтеръ и снѣгъ хладоносный,

Мнѣ нестерпимы; мантию бросилъ; хитонъ лишь злой демонъ

Взять надумилъ меня; никакого нѣтъ средства согрѣться.

Такъ я сказалъ. И не долго онъ думалъ, что дѣлать: онъ первый

Былъ всегда и на умный совѣтъ и на храброе дѣло. Шопотомъ на-ухо мнѣ отвѣчалъ онъ: молчи, чтобъ не могъ насъ

Кто изъ Ахеянъ товарищей нашихъ, здѣсь спящихъ, подслушать.

Такъ отвѣчавъ мнѣ, привсталъ онъ и, голову локтемъ подперши,

Братя, сказалъ: мнѣ приснился божественный сонъ; мы далѣко,

Слишкомъ далѣко отъ нашихъ зашли кораблей; не пойдеть ли

Кто къ Агамемнону, пастырю многихъ народовъ, Атриду,

Съ просьбой, чтобъ въ помощь людей намъ прислать съ кораблей не замедлилъ.

Такъ онъ сказалъ. Поднялся, пробудившись, Ѳоасъ Андремонидъ;

Сбросивъ для легкости съ плечъ пурпуровую мантию, быстро

Онъ побѣжалъ къ кораблямъ; я жь, оставленнымъ платьемъ одѣвшись,

Сладко проспалъ до явленія златопрестольной денницы. О! для чего я не младъ и не силенъ какъ въ прежніе годы!

Вѣрно тогда бы и мантию дали твои свинопасы

Мнѣ — изъ пріязни ль, могучаго ль мужа во мнѣ ува-
жая.

Нынѣ жь кто хилаго нищаго въ рубищѣ бѣдномъ ува-
жить? ¹⁾

Самохвальство, просвѣчивающее въ этомъ эпизодѣ, въ которомъ герой говоритъ о себѣ въ третьемъ лицѣ, совершенно соотвѣтствуетъ его характеру во всей поэмѣ.

Улиссовъ ясный намекъ увѣнчивается полнымъ успѣ-
хомъ, и Евмей даетъ своему гостю «теплую толсто-
сотканную мантию и мѣсто близъ очага», самъ же не
рѣшается спать такъ далеко отъ ввѣренныхъ ему стадъ,
а завертывается въ огромный косматый плащъ и идетъ
ночевать подъ сводомъ скалы, гдѣ скрыты «клыкастыя
свиньи».

¹⁾ Отрывокъ этотъ до такой степени хорошъ въ англій-
скомъ переводѣ д-ра Мегинна, что мы приводимъ его цѣ-
ликомъ въ концѣ книги (Приложеніе, V).

ГЛАВА VII.

ВОЗВРАЩЕНІЕ ТЕЛЕМАКА ИЗЪ СПАРТЫ.

Разсказъ опять возвращается къ Телемаку, котораго мы оставили въ Спартѣ. Пребываніе его при этомъ дворѣ продолжалось цѣлый мѣсяцъ, что можно объяснить себѣ только крайнимъ гостепріимствомъ Менелая и неотразимыми прелестями Елены. Поэтому, нечего дивиться, когда божественная покровительница, явившись Телемаку во снѣ, замѣчаетъ, что при настоящихъ обстоятельствахъ подобное замедленіе можетъ стать опаснымъ. Въ долгое отсутствіе Телемака Пенелопѣ не легко: даже ея отецъ начинаетъ нудить ее выбрать себѣ въ мужа кого-нибудь изъ жениховъ. Мало того: Минерва болѣе чѣмъ намекаетъ Телемаку—хотя мы и просимъ нашего читателя не вѣрить подобной инсинуаціи противъ Пенелопы, даже въ устахъ богини,—что одинъ изъ самыхъ богатыхъ жениховъ, Евримахъ, начинаетъ нравиться царицѣ. Посѣщеніе богини побуждаетъ Телемака къ дѣятельности, и онъ, разбудивъ своего молодого друга Пизистрата, предлагаетъ ему немедленно

пуститься въ путь, еще до разсвѣта. Однако сынъ стараго «коней укротителя» весьма разумно замѣчаетъ Телемаку, что ѣздить въ темнотѣ крайне неудобно, и оба рѣшаются подождать утра. Менелай со своей обычной любезностью не желаетъ удерживать гостей дольше, чѣмъ это пріятно имъ самимъ. Часть его рѣчи была передана въ стихахъ различными поэтами и повторяется очень часто людьми, не имѣющими понятія о томъ, что они обязаны этимъ наставленіемъ Гомеру.

Худо, если мы гостя, который хотѣлъ бы остаться,
Нудимъ въ дорогу, а гостя, въ дорогу спѣшащаго, дер-
жимъ:
Будь съ остающимся ласковъ, привѣтно простись съ ухо-
дящимъ.

Другое правило гостепрѣимнаго спартанца давно уже принято нами, а именно: что всѣ разумные люди, отправляясь въ долгій путь, должны предварительно хорошенько позавтракать. Совершивъ это, путники готовятъ взойти на колесницу, причемъ Телемакъ въ видѣ прощальнаго подарка получаетъ отъ царственнаго хозяина удивительный серебряный кубокъ, созданіе бога Вулкана (Гефеста), полученный самимъ Менелаемъ отъ царя сидонянъ ¹⁾; Елена же, съ своей стороны, присоединяетъ вышитое платье, «какъ солнце

¹⁾ Въ Финикіи, простиравшейся по берегу Средиземнаго моря отъ Сиріи до Палестины. *Переводч.*

блестящее», сотканное ея собственными руками; она проситъ взять это платье отъ нея на память съ тѣмъ, чтобъ Телемакъ надѣлъ его своей невѣстѣ въ день свадьбы. Во время приготовленій къ отъѣзду гостей на небѣ появляется знаменіе: орелъ, уносяцій въ когтяхъ бѣлаго гуся. Кто объяснить это знаменіе? Царь Менелай, къ которому обращается Пизистратъ, задумывается; но Елена, предупреждая его отвѣтъ, говоритъ слѣдующее:

Такъ же, какъ этого бѣлаго гуся, вскормленнаго дома,
Сильный похитилъ орелъ, прилетѣвшій съ горы, гдѣ ро-
дился
Самъ и гдѣ вывелъ могучихъ орлятъ, такъ, скитавшійся
долго,
Въ домъ возвратясь, Одиссей отомститъ; но, быть мо-
жетъ, уже онъ
Дома и смерть женихамъ неизбежную въ мысляхъ го-
товить.

Телемакъ благодаритъ ее за счастливое разъясненіе знаменія и даетъ обѣщаніе, что если слова ея исполнятся, то онъ будетъ чтить прелестную пророчицу въ самой Итакѣ и ей «какъ богу молиться». Исполнилъ ли онъ это обѣщаніе, или нѣтъ,—поэма умалчиваетъ; со своей стороны, мы можемъ добавить, что и болѣе сомнительнаго достоинства смертные бывали канонизируемы какъ въ древнемъ, такъ и въ нѣкоторыхъ западныхъ календаряхъ. Мы не знаемъ, чтили ли подобнымъ образомъ Елену въ Итакѣ, или нѣтъ, но намъ достоверно извѣстно, что въ Спартѣ она иногда про-

являла свои божескія качества, —напр. однажды превратила замѣчательно уродливаго ребенка, по просьбѣ кормилицы, въ удивительно красиваго.

Молодые люди останавливаются на первый вечеръ, какъ и прежде, въ Ферахъ, а на слѣдующій день достигаютъ двора Нестора въ Пилосѣ. Телемакъ настаиваетъ на томъ, чтобъ ѣхать прямо къ кораблю и терпѣливо ожидающему его экипажу, зная хорошо, что попади они только во дворецъ стараго Нестора, такъ онъ, изъ любезности, постарается удержать ихъ. Немедленно по вступленіи на корабль, они поднимаютъ паруса, затѣмъ огибаютъ ночью полуостровъ и съ разсвѣтомъ видятъ передъ собой горныя вершины Итаки. Корабль пристаеъ къ берегу въ защищенной бухтѣ, и Телемакъ, чтобъ избѣжать устроенной на него засады, отправляется прямо къ дому свинопаса, вмѣсто того, чтобъ войти въ городъ. При приближеніи его къ жилищу свинопаса, сторожевыя собаки узнаютъ его шаги и весело выбѣгаютъ къ нему навстрѣчу; самъ же Евмей, обрадованный возвращеніемъ Телемака, выпускаетъ изъ рукъ чашу съ виномъ, которую приготовилъ какъ утренній напитокъ для своего переодѣтаго гостя, бросается на шею своему молодому господину, цѣлуетъ его и проливаетъ отъ радости слезы.

Ты ль, ненаглядный мой свѣтъ, Телемакъ, возвратился?
Тебя я,

Въ Пилосѣ отплывшаго, видѣть уже не надѣялся болѣ.

Милости просимъ, войди къ намъ, дитя мое милое; дай
мнѣ
Очи тобою насладить, возвратившимся въ домъ свой; до-
нынѣ
Въ поле не часто къ своимъ пастухамъ приходилъ ты; но
болѣ
Въ городѣ жилъ межъ народа: знать, было тебѣ не про-
тивно
Видѣть, какъ въ домѣ твоёмъ безъ стыда женихи
бунтовали.

Улиссъ, вѣрный своей роли, поднимается и уступаетъ свое мѣсто молодому человѣку; но Телемакъ, какъ и всѣ Гомеровскіе герои, въ высшей степени вѣжливъ и ни за что не хочетъ занять мѣсто старика, хотя бы то былъ, просто, бѣдный странникъ, покрытый рубищемъ. Только поѣвши кое-что за столомъ своего слуги, Телемакъ узнаетъ отъ него, кто этотъ странникъ. Евмей передаетъ Телемаку вымышленный рассказъ, слышанный имъ отъ Улисса, и Телемакъ обѣщаетъ потерпѣвшему крушеніе страннику помощь и защиту. Онъ посылаетъ Евмея сообщить Пенелонѣ о своемъ благополучномъ возвращеніи. Когда сынъ и отецъ остались одни въ домѣ свинопаса, внезапно является богиня Аѳина, видимая только Улиссу и собакамъ, которыя прижимаются къ землѣ и визжать передъ сверхъестественнымъ явленіемъ, —и предлагаетъ Улиссу открыться своему сыну. Нищенское рубище спадаетъ со странника, уступая мѣсто царской одеждѣ,

и Улиссъ принимаетъ свойственный ему величественный видъ. Телемакъ, конечно, не узнаетъ отца, котораго никогда не видалъ; внезапное превращеніе заставляетъ его думать о какомъ-нибудь неземномъ посетителѣ: онъ былъ еще малымъ ребенкомъ, когда Улиссъ отплылъ въ Трою, и даже, вопреки увѣреніямъ отца, не рѣшается вѣрить ему. Въ отвѣтъ отца слышится тихая грусть, но безъ всякихъ упрековъ.

Къ вамъ никакой ужъ другой Одиссей, говорю я, не
будетъ
Кромѣ меня, претерпѣвшаго въ странствіяхъ много, и
нынѣ
Волей боговъ приведеннаго въ землю отцевъ черезъ
двадцать
Лѣтъ.

Проходитъ нѣкоторое время, прежде чѣмъ одинъ изъ двухъ настолько оправляется отъ волненія, чтобъ начать свой рассказъ. Улиссъ совѣщается съ сыномъ и велитъ ему держать его возвращеніе въ тайнѣ, даже отъ матери, до тѣхъ поръ, пока они не увидятъ, кому въ домѣ можно довѣриться, чтобъ составить затѣмъ общій планъ истребленія жениховъ и ихъ сильной свиты. Улиссъ знаетъ, что день мщенія насталъ, и ничто кромѣ мести не можетъ удовлетворить его. Телемакъ, благодаря своему нѣсколько слабому характеру, дѣлаетъ робкія возраженія: что могутъ они сдѣлать вдвоемъ противъ столь многихъ? Но Улиссъ знаетъ, что боги

на его сторонѣ: Аѳина и самъ царь боговъ, или, говоря съ аллегориками той эпохи, совѣтъ неба и справедливость неба. Въ отвѣтъ сыну слышна величественная иронія:

Если бъ Кроніонъ отецъ и Паллада великая были
Наши помощники, стали ль тогда бъ мы прискивать
новыхъ?

ГЛАВА VIII.

УЛИССЪ ПОСЪЩАЕТЪ СВОЙ ДВОРЕЦЪ.

Велико смятеніе безпутной толпы жениховъ во дворцѣ, когда они узнаютъ, что Телемакъ, благополучно избѣгши засады, возвращается домой невредимъ, и велика радость Пенелопы, когда она узнаетъ эту добрую вѣсть отъ Евмея, но все-еще не рѣшается вѣрить ей, до тѣхъ поръ, пока не является самъ Телемакъ. Женихи принимаютъ его съ поддѣльной вѣжливостью, хотя многіе изъ нихъ уже рѣшили въ своемъ умѣ убить его. Затѣмъ приходитъ во дворецъ и свинопасъ Евмей, ведя съ собой, по приказанію Телемака, переодѣтаго нищаго, — такъ какъ Улиссъ испыталъ вторичное превращеніе и является опять въ видѣ старца въ бѣдномъ рубищѣ. Въ своей роли бѣднаго странника, кормящагося подаяніемъ, онъ увѣренъ, что получить доступъ во внутренность дворца, какъ это ему необходимо для исполненія своихъ плановъ мести, не возбуждая подозрѣнія въ умахъ жениховъ. По дорогѣ во дворецъ ихъ встрѣчаетъ козій пастухъ Ме-

лантій, представляющій въ поэмѣ яркую противоположность Евмею. Мелантій совершенно позабылъ интересы своего отсутствующаго господина и сдѣлался послушнымъ орудіемъ въ рукахъ его враговъ; онъ обращается съ грубыми насмѣшками къ Евмею и его нищему гостю и доходитъ до того, что толкаетъ послѣдняго ногой. При этомъ оскорбленіи Улиссъ вполне оправдываетъ свою репутацію терпѣливаго и выносливаго, хотя на минуту и раскидываетъ въ своемъ умѣ, не разбить ли голову этому мерзавцу дубиной или не сорвать ли его съ земли и не выбить ли изъ него мозгъ, ударивши негодяю о землю. Приближаясь къ воротамъ своего дворца, Улиссъ замѣчаетъ другаго слугу совершенно иного типа, который славится во всѣ времена и во всѣхъ странахъ, какъ образецъ крайней преданности и вѣрности. На навозной кучѣ, умирая отъ старости, болѣзни и голода, лежитъ Улиссовъ песь Аргусъ, выкормленный въ прежніе дни имъ самимъ; песь, обладая всею преданностью Евмея, сообразительностью еще превосходитъ его. Благодаря своему инстинкту, онъ тотчасъ же узнаетъ стараго хозяина даже подъ личиной, въ которую облекла Улисса богиня мудрости; еще не видя его, песь узнаетъ голосъ и походку хозяина и въ изъявленіе радости поднимаетъ уши.

Но Одиссееву близость почувствовалъ онъ, шевельнулся, Тронулъ хвостомъ и поджалъ въ изъявленіе радости уши;

Близко жь подползть къ господину и даже подняться
онъ не былъ
Въ силахъ. И, вкось на него поглядѣвши, слезу, отъ
Эвмея

Скрытно, обтеръ Одиссей.

Одинъ изъ ревностнѣйшихъ почитателей Гомера, Евстаеій¹⁾, большой любитель классической древности, что не мѣшало ему быть прекраснымъ архіепископомъ, замѣчаетъ довольно дѣльно, что судьба бѣднаго пса извлекаетъ слезы изъ глазъ невозмутимаго Улисса, слезы, которыя ему никогда не случалось проливать при мысли о Пенелопѣ; и въ самомъ дѣлѣ, подобные мелкіе эпизоды производятъ часто, въ обыденной жизни, гораздо большее впечатлѣніе, нежели самыя серьезныя чувства²⁾. Улиссъ подавляетъ свое волненіе и слѣдуетъ за Ев-

¹⁾ Евстаеій, Thessalonicensis, епископъ Фессалоніи, большой почитатель классиковъ, жилъ въ 1155 г., издалъ, кромѣ многихъ другихъ сочиненій, хорошіе комментаріи къ Гомеру. — Первое изданіе этихъ комментаріевъ было сдѣлано въ 1542—50 годахъ въ Римѣ, въ 4-хъ томахъ. —

Переводч.

²⁾ Въ романъ Джорджа Эллиота «Адамъ Бидъ» этотъ послѣдній говоритъ довольно сурово съ своей матерью и затѣмъ обращается очень нѣжно къ собакѣ Гайпъ. Авторъ замѣчаетъ объ этой несообразности слѣдующее: обыкновенно мы склонны быть снисходительнѣе къ безсловеснымъ, которыя любятъ насъ, чѣмъ къ женщинамъ, которыя преданы намъ. Не оттого ли это, что первыя лишены дара слова?

меемъ въ ворота дворца. Замѣченное усиліе бѣднаго пса было послѣднимъ: онъ повертывается на бокъ и умираетъ.

Въ это мгновеніе Аргусъ, увидѣвшій вдругъ черезъ двадцать
лѣтъ Одиссея, былъ схваченъ рукой смертоносныя
Меры¹⁾.

Вся эта исторія рассказываетя греческимъ поэтомъ болѣе словообильно, чѣмъ слѣдовало бы по нашимъ современнымъ понятіямъ о патетичности; но паѳосъ намѣченнаго эпизода принадлежитъ къ числу самыхъ простыхъ и чистыхъ чертъ поэмы.

Такимъ образомъ Улиссъ вступаетъ въ свой собственный дворецъ въ одеждѣ нищаго и обходитъ всѣхъ сидящихъ за столомъ, выпрашивая подачки кусковъ пици въ свою котомку. Ни у кого не оказывается достаточно жесткости, чтобъ отказать ему, какъ только у Антиноя; напрасно Улиссъ привѣтствуетъ его царственную красоту и напоминаетъ о непостоянствѣ судьбы, проявляющейся на немъ самомъ:

. И и самъ межъ людьми не всегда неприютно
Жилъ; и богатоустроеннымъ домомъ владѣлъ, и досту-
пенъ
Всякому страннику былъ, и охотно давалъ неимущимъ;

¹⁾ Мойра — доля, участь.

Переводч.

Много имѣлъ я невольниковъ, много всего, чѣмъ роскошно
Люди живутъ и за что величаетъ ихъ свѣтъ богачами.
Все уничтожилъ Кроніонъ, — была безъ сомнѣнья святая
Воля его, чтобъ съ дружиной отважныхъ добычниковъ поплылъ
Я въ отдаленный Египетъ (онъ тамъ приготовилъ мнѣ гибель).

Антиной грубо велитъ ему отойти. Когда Улиссъ выражаетъ свое изумленіе, что въ такомъ прелестномъ тѣлѣ живетъ такой недостойный духъ, Антиной бросаетъ въ него скамейкой. Улиссъ даже не мигнулъ подь ударомъ; онъ идетъ медленно къ порогу, кладетъ свою сумку и возвышаетъ голосъ къ безсмертнымъ богамъ, дающимъ свою защиту странникамъ и нищимъ:

Не было бъ въ томъ ни бѣды, ни прискорбія тяжкаго
сердцу,
Еслибы кто, за имѣнье свое, за быковъ, за блестящихъ
Шерстью овецъ заступаяся, вытерпѣлъ злыя побои;
Мнѣ жь отъ руки Антиной побои достались за гнусный,
Жадный и множество бѣдъ приключаящій людямъ желудокъ.
Если же боги и мщенье Эринній живутъ и для бѣдныхъ, —
Смерть, Антиной, а не бракъ возжелѣнный ты встрѣтишь, обидчикъ.

Даже многіе изъ товарищей Антиной негодуютъ на такое явное нарушеніе правилъ гостепримства и снис-

ходительности къ страннику; одинъ изъ нихъ выражаетъ это даже слѣдующей тирадой:

Ты, Антиной, поступилъ непохвально, обиду нанеши
Этому нищему; что же, когда онъ одинъ изъ безсмертныхъ?
Боги нерѣдко, облекшись въ образъ людей чужестранныхъ,
Входятъ въ земныя жилища, чтобъ видѣть своими очами,
Кто изъ людей беззаконствуетъ, кто наблюдаетъ ихъ правду.

Это—одно изъ самыхъ прекрасныхъ мѣстъ поэмы, въ которомъ вѣрованія поэта возвышаются далеко надъ миѳологіей тогдашняго времени. Богъ, мстящій за нарушеніе клятвы и защищающій нищихъ и странниковъ, будетъ ли онъ называться Зевсомъ или Юпитеромъ, является въ этой рѣчи совсѣмъ непохожимъ на царя Олимпа, который вѣчно не можетъ справиться со своими чувственными страстями къ разнымъ смертнымъ; въ «Иліадѣ» онъ непрерывно занятъ семейными ссорами со своей супругой и даже въ «Одиссеѣ» насылаетъ разныя бѣды на Улисса только изъ поблажки досадѣ Нептуна.

Злою обидой глубоко въ душѣ Телемакъ сокрушался
Вмѣстѣ съ обиженнымъ; слезы свои утаивши, онъ
Молча потрясъ головою и страшное въ сердцѣ помыслилъ.
только

Но героя ждуть въ его собственномъ домѣ еще дальнѣйшія оскорбленія: изъ города приходитъ безстыдный бродяга, извѣстный подъ кличкой Ира; имя это представляетъ, очевидно, пародію на богиню радуги Ирису, которая исполняетъ у бессмертныхъ должность посла. Глядя съ завистью на конкурирующаго съ нимъ бродягу, какимъ представляется ему Улиссъ, онъ грозитъ выкинуть его изъ комнаты. Улиссъ спокойно предупреждаетъ его не давать воли рукамъ, такъ какъ порогъ достаточно широкъ для нихъ обоихъ. Собравшаяся молодежь испускаетъ восторженные клики при ожиданіи ссоры, готовой перейти въ драку, и образуетъ кругъ около ссорящихся, давъ обѣщаніе, что драка пойдетъ на чистоту. Когда переодѣтый царь сбрасываетъ свое жалкое рубище для кулачнаго боя, открывши широкую грудь и могучія плечи, Ирѣ начинаетъ дрожать при одной мысли схватиться съ подобнымъ противникомъ. Но вызовъ сдѣланъ: однимъ ударомъ Улиссъ ломаетъ ему челюсть и затѣмъ вытаскиваетъ его на дворъ. Пирующіе покрываютъ побѣдителя громкими аплодисментами и присуждаютъ ему награду за храбрость: «козій желудокъ, наполненный жиромъ и кровью»,—повидимому какой-то прототипъ нашихъ современныхъ колбасъ. Ко всему этому Амфиномъ, уже прежде выказавшій нѣсколько болѣе благородныя чувства, чѣмъ остальные женихи, присоединяетъ нѣсколько словъ великодушнаго сочувствія; онъ говоритъ,

что видитъ въ странствующемъ нищемъ человѣка, испытавшаго лучшіе дни, и ободряетъ его, поднося ему чашу съ виномъ и говоря, что обстоятельства его могутъ еще измѣниться. Улиссъ тронутъ при мысли о той участи, которую навлекаютъ на молодого человѣка его дурные товарищи, и говоритъ, что слышалъ про его отца Низа, даже зналъ его; то былъ мудрый и добрый человѣкъ, и, по всей вѣроятности, сынъ его долженъ быть таковъ же. Онъ присоединяетъ къ этому предостереженію не возноситься своимъ счастливымъ положеніемъ,—предостереженію съ оттѣнкомъ того грустнаго взгляда, который такъ часто прорывается даже въ самыхъ легкихъ разсказахъ поэта.

Все на землѣ измѣняется, все скоротечно, всего же,
Что ни цвѣтетъ, ни живетъ на землѣ, человѣкъ скоро-
течнѣй;

Онъ о возможной въ грядущемъ бѣдѣ не помыслить, по-
куда

Счастіемъ боги лежѣютъ его и стоитъ на ногахъ онъ;
Если жъ бѣду ниспошлютъ на него всемогущіе боги,
Онъ негодуетъ, но твердой душой неизбѣжное сноситъ:
Такъ суждено ужъ намъ всѣмъ, на землѣ обитающимъ
людямъ,

Что бъ ни послалъ намъ Кроніонъ, владыка бессмерт-
ныхъ и смертныхъ.

Въ это время Пенелопа выходитъ изъ своей комнаты въ залу, чтобъ поговорить съ сыномъ. Богиня Минерва сообщила ей въ этотъ моментъ такое величіе и кра-

соту, что появленіе царицы вызываетъ страстный кликъ восторга со стороны Евримаха; въ отвѣтъ она упрекаетъ его, говоря, что благородные женихи являются обыкновенно съ дарами, а ея женихи только грабятъ домъ. Всѣ до такой степени оскорблены этими словами, что тотчасъ же вынимаютъ изъ хранилищъ привезенные дорогіе подарки: вышитыя покрывала, цѣпи, браслеты и ожерелья изъ золота и янтаря. Царица, слѣдуя практическому духу времени, снисходитъ до того, что уносить всѣ эти прекрасныя вещи въ свою комнату; да и Улиссъ—тоже совершенно согласно съ его характеромъ во всей поэмѣ—радуется въ душѣ, глядя, какъ его жена обираетъ враговъ. Многіе комментаторы старались извинить эту кажущуюся низость Пенелопы тѣмъ, будто она хочетъ внушить женихамъ ложную надежду, что изберетъ, наконецъ, кого-либо изъ нихъ въ мужья, усыпляя такимъ образомъ ихъ осторожность, чтобъ обезпечить полное истребленіе ихъ. Гораздо разумнѣе, впрочемъ, не насиловать нравственнаго смысла древнихъ поэмъ, для соглашенія его съ нашимъ, а принимать тотъ, какой есть.

Послѣ нѣсколькихъ дальнѣйшихъ оскорбленій, которыя Улиссъ выносить съ обычнымъ терпѣніемъ, общество оставляетъ дворецъ, отправляясь, какъ обыкновенно, ко сну. Тогда Пенелопа сходитъ изъ своихъ покоевъ, садится у очага и велитъ подать стулъ страннику, отъ котораго она желаетъ слышать его повѣсть.

Онъ рассказываетъ ей, что онъ братъ царя Идоменея критскаго и однажды, въ отсутствіе своего брата, угощалъ великаго Улисса. На нетерпѣливые разспросы Пенелопы, которыми она старается провѣрить его рассказъ, онъ отвѣчаетъ не столько описывая самую личность ея супруга, сколько его отличительную одежду. Царица узнаетъ въ этомъ описаніи плащъ, искусно сотканный ею для супруга, и золотую застежку изъ двухъ одинаковыхъ половинокъ, которою она сама застегнула плащъ Улисса при его отъѣздѣ въ Трою. При этомъ воспоминаніи Пенелопа разливается ручьями слезъ, тогда какъ Улиссъ старается казаться совершенно хладнокровнымъ и сдерживаетъ поднимающіяся въ немъ слезы; онъ успокаиваетъ Пенелопу тѣмъ, что его вѣсти о героѣ относятся къ недавнему времени, какъ вѣсть о крушеніи корабля Улисса и о посѣщеніи имъ феакійцевъ, что теперь Улиссъ уже на дорогѣ въ Итаку, что его видѣли на сосѣднемъ островѣ Дулихиіи ¹⁾, въ непосредственной близости отъ дома; мало того: онъ готовъ даже побожиться въ томъ, что въ этомъ же году Улиссъ явится въ свой дворецъ. Не исполнивъ довѣр्या ему, но все-таки благодарная за утѣшеніе, царица приказываетъ приготовить ванну для

¹⁾ Одинъ изъ небольшихъ острововъ Ионическаго моря, при устьи рѣки Ахелоя, нынѣ называющихся Курцолари.
Переводч.

странника и обращается съ нимъ какъ съ почетнымъ гостемъ; Улиссъ уклоняется отъ всякихъ заботъ, за исключеніемъ тѣхъ, которыя можетъ оказать ему старая Евриклея. Эта послѣдняя съ удивленіемъ замѣчаетъ его сходство съ отсутствующимъ господиномъ; но онъ увѣряетъ старуху, что это сходство было часто замѣчаемо и друзьями. Обмывая ноги Улисса, Евриклея видитъ у него на ногѣ хорошо памятный ей рубецъ отъ раны, нанесенной клыкомъ вепря на одной изъ охотъ Улисса на горѣ Парнасѣ, съ дѣдомъ Автоликомъ ¹⁾. Старая нянька не можетъ болѣе сомнѣваться: она роняетъ ногу Улисса и опрокидываетъ тазъ:—

. отдернула руки она въ изумленьи; упала
Въ тазъ, опустившись, нога; отъ удара ея зазвенѣла
Мѣдь, покачнулся водою наполненный тазъ, пролилася
На полъ вода. И веселье и горе проникли старушку,
Очи отъ слезъ затуманились, ей не покорствовалъ голосъ.

¹⁾ Отъ этого предка по матери Улиссъ могъ наследовать значительную часть той хитрости, которой онъ такъ отличается въ поэмѣ. Автоликъ считался сыномъ Меркурія (Гермеса), бога воровъ, и въ этомъ отношеніи остался вѣренъ своей крови; онъ, говорятъ, обладалъ способностью дотога преобразовать украденную собственность, что даже законный хозяинъ уже не могъ узнать ея, и Шекспиръ заимствуетъ это имя и нѣкоторыя изъ качествъ обозначаемого лица для одной изъ ролей въ «Зимней Сказкѣ». Автоликъ, какъ значится въ описаніи дѣйствующихъ лицъ, мерзавецъ, который заявляетъ о себѣ, «что онъ не честенъ отъ природы, но бываетъ имъ иногда случайно».

Сжавъ Одиссею рукой подбородокъ, она возгласила:
Ты Одиссей! ты мое золотое дитя! и тебя я
Прежде, пока не ощутила этой ноги, не узнала!

Но Одиссей хватаетъ Евриклею рукой за горло и силою подавляетъ ея восклицаніе. Присутствіе его все-еще должно оставаться тайной: онъ видитъ, что даже въ его домѣ не много людей, которымъ онъ можетъ довѣриться. Не смотря на всю свою любовь къ Евриклеѣ, отъ запрещаетъ ей подъ страхомъ смерти открывать его тайну и, отказавшись отъ всякихъ удобствъ, ложится въ сѣняхъ на ложѣ изъ бычачьихъ шкуръ, но не засыпаетъ, а обдумываетъ свою месть.

ГЛАВА IX.

ДЕНЬ ВОЗМЕЗДІЯ.

Слѣдующій день есть праздникъ Аполлона. Женихи собрались по этому случаю попить еще размашистѣе прежняго во дворцѣ Улисса. Переодѣтый герой, сидя за небольшимъ столомъ, приготовленнымъ для него отдѣльно, по приказанію Телемака, продолжаетъ подвергаться оскорбленіямъ жениховъ. Но уже нѣтъ недостатка въ знаменіяхъ, предрекающихъ ихъ скорую гибель: среди пира Аѳина напускаетъ на жениховъ припадокъ дикаго смѣха; мясо, которое они ѣдятъ, струится кровью, и одинъ изъ гостей, Теоклимень, бѣглець изъ Гиперезіи въ Аргосъ, находящійся подъ защитой Телемака и бывшій все послѣднее время невольнымъ участникомъ пировъ, видитъ, что голова каждаго изъ присутствующихъ окружена какъ бы мгlistымъ туманомъ, а весь дворъ и преддверіе наполнены страшными привидѣніями. Онъ вскрикиваетъ въ ужасѣ и говоритъ, что представляется его глазамъ; женихи отвѣчаютъ на это насмѣшками и грозятся выгнать его

вонъ, какъ человѣка, потерявшаго рассудокъ. Предостерегши ихъ такимъ образомъ отъ ожидающей ихъ бѣды, Теоклимень оставляетъ общество и выходитъ изъ дому. Женихи обращаются затѣмъ къ Телемаку и упрекаютъ его въ дурномъ выборѣ гостей: вначалѣ онъ пригласилъ этого негоднаго побродягу, а теперь помѣшаннаго прорицателя; молодой человѣкъ не отвѣчаетъ ничего и только внимательно взглядываетъ на своего отца; но Улиссъ все-еще выжидаетъ.

Между тѣмъ Пенелопа придумала новую уловку, чтобъ отдалить злополучный день, въ который ей придется наконецъ выбрать мужа изъ толпы безстыдныхъ жениховъ. Она отворяетъ одну изъ внутреннихъ комнатъ, гдѣ сохраняются разныя домашнія драгоценности и вынимаетъ изъ чехла Улиссовъ лукъ, подарокъ его покойнаго друга Ифита, не взятый Улиссомъ подъ Трою. Прежде, чѣмъ снести его внизъ, Пенелопа съ нѣжностью кладетъ лукъ на колѣни, и слезы текутъ у нея при мысли объ отсутствующемъ супругѣ. Она помнитъ одну трудную штуку, которую не разъ показывалъ отсутствующій царь, — а именно стрѣльнуть сквозь двѣнадцать расположенныхъ въ рядъ колець; кто изъ ея поклонниковъ, хочетъ она предложить, сможетъ натянуть тугой лукъ и прогнать стрѣлу сквозь весь рядъ двѣнадцати колець, подобно отсутствующему Улиссу, за того она пойдетъ, хотя поневолѣ, и того признаетъ своимъ господиномъ. При этомъ

Пенелопа, конечно, надѣется, что никто изъ жениховъ не сможетъ исполнить такой, очевидно, весьма трудной штуки. Женихи, вѣроятно, отказались бы отъ опыта, еслибъ не Антиной; надѣясь на свою силу, онъ полагаетъ, что опытъ удался ему, и увѣренъ въ то же время въ неудачѣ остальныхъ жениховъ. Остальные, изъ чувства стыда, принимаютъ предложенное испытаніе; самъ Телемакъ плотно укрѣпляетъ жерди въ землю по совершенно прямой линіи, что тоже представляетъ не мало затрудненій и вызываетъ удивленіе всѣхъ присутствующихъ. Телемакъ требуетъ для себя права сдѣлать первый опытъ самому, въ надеждѣ оказаться достойнымъ сыномъ своего отца. Три раза онъ сгибаетъ лукъ, но все-еще недостаточно; при четвертой же попыткѣ встрѣчаетъ взоръ отца, останавливающей его руку; Улиссъ предвидитъ, что если его сыну удался этотъ опытъ, въ которомъ всѣ, вѣроятно, потерпятъ неудачу, то онъ будетъ въ полномъ на ихъ глаза правѣ потребовать того, чего они всѣ добиваются: царственной власти въ Итакѣ, — вслѣдствіе чего вся толпа жениховъ, можетъ быть, вдругъ соединится противъ него и не дастъ исполниться задуманному плану мщенія. По знаку отца Телемакъ съ неохотой ставитъ въ сторону лукъ и говоритъ притворно о слабости своихъ рукъ. Послѣ него женихи одинъ за другимъ стараются натянуть лукъ, но напрасно; даже Антиной и Евримахъ, несомнѣнно лучшіе изъ всѣхъ,

не могутъ натянуть тетиву, хотя лукъ и былъ нагрѣтъ у огня и хорошо смазанъ саломъ, чтобъ сдѣлать его податливѣе. Антиной придумываетъ довольно удачное объясненіе общаго неуспѣха: они осквернили нынѣшній праздникъ Аполлона этимъ состязаніемъ и возобновятъ его при болѣе благоприятныхъ обстоятельствахъ завтра. Вслѣдъ за тѣмъ переодѣтый нищій (который въ этотъ промежутокъ времени объявилъ свое настоящее имя Евмею и еще другому вѣрному слугѣ, пастуху Филету) проситъ позволенія испытать свою силу на чудномъ лукѣ. Услышавъ подобную дерзость, Антиной и остальные женихи осыпаютъ его бранью; но Телемакъ заявляетъ свои права въ домѣ матери, которыя, повидимому, никогда не оспариваются гостями, когда заявлены съ достаточной твердостью, и передаетъ лукъ въ руки его настоящаго хозяина. Тотъ съ любовью и умѣньемъ поворачиваетъ его въ ладоняхъ то въ ту, то въ другую сторону, желая убѣдиться, не пострадалъ ли онъ какъ-нибудь отъ времени, щелкаетъ натянутой тетивой, такъ что она, по выраженію поэта, провизжала «какъ ласточка звонкая въ небѣ»; подъ-конецъ онъ кладетъ на лукъ стрѣлу и, даже не поднявшись съ мѣста, безъ всякихъ усилій натягиваетъ лукъ * вполнѣ и посылаетъ стрѣлу какъ разъ сквозь всѣ двѣнадцать колець. Выстрѣлъ этотъ составляетъ прелюдію къ приготовляющейся кровавой драмѣ:

Въ цѣль я попалъ; да и лукъ натянуть Одиссеевъ не
 много
 Было труда мнѣ. Еще не совсѣмъ я, скитаясь, утратилъ
 Силы, хотя женихи и ругаются мной безпощадно.
 Должно однако, покуда свѣтло, угощенье иное
 Имъ приготовить; и пѣніе съ звонкою цитрой, душею
 Пира, на новый, теперь имъ приличнѣйшій, ладъ пере-
 строить.
 Такъ онъ сказалъ и бровями повелъ. Телемакъ бого-
 равный
 Понялъ условленный знакъ; онъ немедля свой мечъ
 опоясалъ,
 Въ руки схватилъ боевое копье и за стуломъ отцовымъ
 Сталъ, ко всему изготовясь, оружіемъ мѣднымъ блестя-
 щій.

 Рубище сбросивъ поспѣшно съ себя, Одиссей хитро-
 умный
 Прянулъ, держа свой колчанъ со стрѣлами и лукъ, на
 высокій
 Двери порогъ; изъ колчана онъ острыя высыпалъ стрѣ-
 лы
 На полъ у ногъ, и потомъ, къ женихамъ обратясь, вос-
 кликнулъ:
 Этоть мнѣ опытъ, друзья женихи, удался окончить;
 Новую цѣль я, въ какую никто не стрѣлялъ до сего
 дня,
 Выбралъ теперь; и въ нее угодить Аполлонъ мнѣ помо-
 жетъ.
 Философъ Платонъ, который нерѣдко довольно строго
 критиковалъ Гомера, приходитъ въ восхищеніе отъ
 этого мѣста поэмы; намъ оно представляется самымъ пер-
 вичнымъ типомъ, или первообразомъ, тѣхъ неожидан-

ныхъ «положеній» и «развязокъ», которыми изобилуетъ
 современная литература.

Улиссъ направляетъ первую стрѣлу въ Антиноя и
 пробиваетъ ему горло какъ-разъ въ тотъ моментъ,
 когда Антиной подноситъ къ губамъ чашу съ виномъ;
 тотъ падаетъ навзничъ, разливши нетронутое вино на
 полъ. Это мѣсто дало поводъ (какъ говоритъ греческое
 преданіе) къ пословицѣ, которая перешла и въ англій-
 скій языкъ: «There's many a slip 'twixt the cup
 and the lip» (можетъ быть еще много случайностей
 между губами и кубкомъ). Женихи стоятъ въ недо-
 умѣніи, случайнымъ ли или намѣреннымъ выстрѣломъ
 убитъ ихъ товарищъ; но Улиссъ разрѣшаетъ ихъ
 сомнѣнія, объявивъ, кто онъ и каковы его намѣре-
 нія. Женихи оглядываются вокругъ пиршествен-
 ной залы, ища оружія, которымъ обыкновенно были
 увѣшаны стѣны; но все оно тайно унесено Улиссомъ
 и его сыномъ въ предъидущую ночь. Евримахъ, обла-
 дающій, повидимому, бѣльшимъ краснорѣчіемъ, чѣмъ
 остальные женихи, старается вступить въ переговоры.
 Антиной, говоритъ онъ, вполне заслужилъ свою смерть:
 онъ покушался на жизнь Телемака; что же касается
 до него, Евримаха, и остальныхъ, то, видя, что на-
 стоящій царь вновь возвратился въ свой домъ, они
 охотно подчиняются ему и согласны заплатить вы-
 купъ, какой онъ положитъ за раззореніе его дома.
 Улиссъ съ негодованіемъ отвергаетъ всякія сдѣлки.

Тогда, по клику Евримаха, болѣе храбрые изъ присутствующихъ хватаются за ножи и бросаются на Улисса. Но вторая стрѣла ужаснаго лука поражаетъ Евримаха въ грудь, прежде чѣмъ онъ успѣлъ пробѣжать пространство, отдѣляющее его отъ Улисса; Амфиномъ, едва вставъ въ рядъ наступающихъ, падаетъ подъ копьемъ Телемака, и въ то время, какъ отецъ, при помощи обоихъ вѣрныхъ слугъ, удерживаетъ остальныхъ болѣе ужасомъ, внушаемымъ его личностью, чѣмъ дѣйствительнымъ употребленіемъ стрѣлъ со своего лука, сынъ бросается изъ залы, чтобъ добыть оружіе. Улиссъ въ его отсутствіе истощаетъ весь запасъ стрѣлъ, и затѣмъ всѣ четверо, соединившись вмѣстѣ, продолжаютъ бой при помощи копій, принесенныхъ Телемакомъ. Подробности этого мщенія, подобно длиннымъ спискамъ убитыхъ въ «Иліадѣ», могли быть, конечно, очень интересны слушателямъ, для которыхъ война была единственнымъ великимъ дѣломъ въ народной жизни, но едва ли могутъ возбудить сочувствіе въ душѣ современныхъ читателей. Герой, подобно всѣмъ героямъ вымысла, совершаетъ подвиги совершенно невозможные съ простой прозаической точки зрѣнія; достаточно сказать, что, благодаря помощи богини разума (которая появляется вновь подъ наружностью Ментора) сраженіе оканчивается избіеніемъ всей толпы жениховъ, не смотря на то, что имъ доставляетъ секретнымъ образомъ оружіе недостойный пастухъ, захватившій его

изъ кладовой, которую, по неосторожности, Телемакъ оставилъ открытой. Царапина на рукѣ Телемака и небольшая рана на плечѣ достойнаго свинопаса, Евмея, въ томъ мѣстѣ, гдѣ копье скользнуло по немъ,—вотъ единственные поврежденія, вынесенныя ими изъ боя. Мщеніе героя безпощадно; иначе оно не было бы героичнымъ въ Гомеровомъ смыслѣ. Но Улиссъ не довольствуется избіеніемъ людей, вторгшихся въ его дворецъ, безпокоившихъ его жену и оскорблявшихъ сына: онъ вѣшаетъ и ихъ любовницъ изъ числа рабынь, которыя дерзнули вмѣстѣ съ женихами осквернить его домъ, но заставляетъ ихъ впрочемъ предварительно вынести трупы и вычистить залитую кровью залу. Козьему пастуху Мелантію, за его гнусную измѣну, Улиссъ отрубаетъ уши, носъ, руки и ноги, прежде чѣмъ смерть избавляетъ несчастнаго отъ страданій. Такимъ образомъ въ героѣ «Одиссеи» мы видимъ ту же безпощадность къ врагамъ, какъ и въ героѣ «Иліады»; не смотря на это, поэтъ желаетъ показать намъ, что въ этомъ мщеніи Улиссъ играетъ только роль простаго орудія справедливости боговъ. Подобно Моисею, онъ представляется только безстрастнымъ исполнителемъ гнѣва небесъ, а безпощадный характеръ мщенія объясняется грубостью тѣхъ временъ. Когда престарѣлая Еврикля, до сихъ поръ единственная изъ прислужницъ, которой извѣстно возвращеніе Улисса, сходитъ внизъ и видитъ, что полъ устланъ окровавленными

тѣлами, она готова выразить свою радость въ побѣд-
ной пѣснѣ, но царь удерживаетъ ее словами:

Радуйся сердцемъ, старушка, но тихо, безъ всякаго
крика;
Радостный крикъ подымать неприлично при видѣ уби-
тыхъ.
Діевъ ихъ судъ поразилъ; отъ своихъ беззаконій по-
гибли;
Правда была имъ чужда, никого изъ людей земнород-
ныхъ,
Знатный ли, низкій ли былъ онъ, уважить они не хо-
тѣли.
Страшная участь ихъ всѣхъ наконецъ злополучныхъ
постигла.

ГЛАВА X.

УЛИССЪ ОТКРЫВАЕТСЯ ПЕНЕЛОПЬ.

Пенелопа, сидѣвшая далеко въ своей комнатѣ, не слышала всего шума боя, потому что двери, соединявшія женское помѣщеніе съ помѣщеніемъ мужчинъ, были тщательно заперты Евмеемъ, по приказанію своего господина. И даже послѣ того, какъ нянька вбѣгаетъ къ Пенелопѣ съ вѣстью, что Улиссъ вернулся и такъ страшно очистилъ свой домъ, Царица продолжаетъ не довѣрять этому. Безпутная толпа понесла, думаетъ Пенелопа, заслуженное возмездіе; но убила ихъ рука какого-нибудь божества, а не Улисса. Однако, Пенелопа сходитъ внизъ, чтобы бросить взглядъ на трупы. Тамъ она видитъ Улисса, опирающагося на столъ, на царскомъ мѣстѣ, подобно царю Іоасу во время его вѣнчанія или царю Іосію при произнесеніи клятвы ¹⁾. Но Улиссъ все-еще одѣтъ въ рубище нищаго, и потому весьма естественно, что послѣ двадцатилѣтней разлуки Пенелопѣ не легко узнать

¹⁾ Четвертая Книга Царствъ.

его; не смотря на это, какъ Евриклея, такъ и Телемакъ негодуютъ на ея недовѣрчивость. Самъ царь, наружно, столь же мало тронуть этимъ, какъ и всегда; онъ даетъ неопровержимыя доказательства своей личности послѣ; въ настоящее же время нужно еще принять различныя предосторожности. Избѣненіе такого числа представителей благородныхъ семей Итаки, когда о немъ узнаютъ на всемъ островѣ, не можетъ не возбудить ропота. Его слѣдуетъ непременно скрыть до тѣхъ поръ, когда Улиссъ будетъ въ состояніи довѣриться своимъ подданнымъ и соединить вокругъ себя толпу преданныхъ слугъ; всѣ признаки кровавой сцены должны быть тщательно скрыты, и весь дворецъ долженъ огласиться игрой на арфахъ, пѣснями и плясками; пусть всѣ, услышавъ это, подумаютъ, что царица сдѣлала наконецъ выборъ и празднуетъ свадебный пиръ, какъ она и въ самомъ дѣлѣ отпразднуетъ его, только въ нѣсколько иномъ видѣ. Самъ же Улиссъ отправляется въ купальню, чтобъ смыть съ себя кровавые слѣды недавняго побоища. Онъ выходитъ оттуда, одаренный вновь своей охранительницей-богиней кудрями, вьющимися «какъ цвѣтъ гіацинта», и той величественной наружностью, которая поразила всѣхъ при дворѣ феакійцевъ. Улиссъ обращается къ воспоминаніямъ своей жены; но она продолжаетъ не узнавать его:

Ты непонятная! боги, владыки Олимпа, не женскимъ Нѣжноуступчивымъ сердцемъ, но жесткимъ тебя одарили;

Въ свѣтѣ жены не найдется, способной съ такою нелаской,
Такъ недовѣрчиво встрѣтить супруга, который, по мно-
гихъ
Бѣдствіяхъ, къ ней черезъ двадцать отсутствія лѣтъ
возвратился.
Слушай же, другъ Евриклея; постель приготовь одному
мнѣ;
Лягу одинъ я, когда въ ней такое желѣзное сердце.

Пенелопа узнаетъ его очертанія и лицо; вообще, по наружности это тотъ же Улиссъ, съ которымъ она разсталась въ слезахъ; но такія явленія обманчивы: извѣстно, что уже не разъ безсмертные боги принимали разные подобія, чтобъ возбудить къ себѣ любовь смертныхъ женщинъ. Она подвергаетъ его еще одному испытанію; обращаясь къ старой нянкѣ, она говоритъ ей: «Евриклея, приготовь ему его собственную кровать; поди, принеси ее изъ нашего свадебнаго покоя». Но кровать эта, какъ хорошо извѣстно и ей, и ему, не подвижна; своеобразное устройство ея, подробно описанное Гомеромъ, не легко понять. Сущность дѣла, однако, въ томъ, что кровать сдѣлана изъ ствола глубоко-укоренившейся маслины, вокругъ которой самъ герой устроилъ свою брачную комнату. Улиссъ восклицаетъ: «Вынести кровать! человѣку своею силою сдѣлать того невозможно». Только этимъ отвѣтомъ разсѣваются всѣ сомнѣнія Пенелопы, и она узнаетъ Улисса:

. У нея задрожали колѣна и сердце.
Признаки всѣ Одиссеевы ей онъ исчислилъ; заплакавъ

Взрыдъ, поднялась Пенелопа и кинулась быстро на шею Мужу и, милую голову нѣжно цѣлуя, сказала:

О! не сердись на меня, Одиссей! межъ людьми ты всегда
былъ

Самый разумный и добрый. На скорбь осудили насъ
боги;

Было богамъ неуютно, чтобъ, сладкую молодость нашу
Вмѣстѣ вкусивъ, мы спокойно дошли до порога веселой
Старости. Другъ, не сердись на меня и не дѣлай упре-
ковъ

Мнѣ, что не тотчасъ, при видѣ твоёмъ, я къ тебѣ при-
ласкалась;

Милое сердце мое, Одиссей, повергала въ великій
Трепетъ боязнь, чтобъ меня не прельстилъ здѣсь какой
иноземный

Мужъ увлекательнымъ словомъ:

.....
Ты мнѣ подробно теперь Одиссей описалъ всѣ примѣты
Нашей кровати — о ней же никто изъ живущихъ не
знаетъ,

Кромѣ тебя и меня и рабыни одной приближенной,
Дочери Актора, данной родителемъ мнѣ при замужствѣ;
Дверь заповѣданной спальни она стерегла неусыпно.
Ты же мою, Одиссей, убѣдилъ непреклонную душу.
Кончила. Скорбью великой наполнилась грудь Одиссея.
Плача, приникнулъ онъ къ сердцу испытанной, вѣрной
супруги.

Въ радость, увидѣвши берегъ, приходятъ пловцы, на
обломѣ

Судна, разбитаго въ морѣ грозой Посидона, носяся
Въ шумѣ бунтующихъ волнъ, воздымаемыхъ силою бури;
Мало изъ мутносоленой пучины на твердую землю
Ихъ, утомленныхъ, избѣденныхъ острою влагой, выхо-
дить;

Радостно землю объемлютъ они, избѣжавъ потопленья.

Такъ веселилась она, возвращеннымъ любясь супругомъ,
Руку бѣлонѣжныхъ отъ шеи его оторвать не имѣя
Силы.

Когда они отправляются на покой, у него, конечно,
накопилось не мало матеріаловъ для разсказа; уже од-
нихъ личныхъ приключеній Улисса (какъ бы ни ста-
рался онъ, по всей вѣроятности, сократить многія по-
дробности въ этомъ разсказѣ женѣ) было бы достаточно
для цѣлой серіи «Арабскихъ Ночей»; и такое повѣ-
ствованіе Улисса оставило бы мало времени для соб-
ственного разсказа Пенелопы, еслибъ Минерва не про-
должила обычную длину ночи.

..... И внимала съ весельемъ она, и до тѣхъ поръ
Сонъ не сходилъ къ ней на вѣжды, покуда не кон-
чилась повѣсть.

Здѣсь, согласно нашимъ понятіямъ о законченности,
должна бы и заключиться «Одиссея»; на этомъ осно-
ваніи многіе критики предположили, что 24-я, послѣд-
няя, пѣснь не можетъ быть приписана Гомеру, а со-
ставляетъ позднѣйшее прибавленіе. Намъ не трудно,
однако, предположить, что стародавняя склонность къ
разсказамъ въ тѣ дни, когда жилъ поэтъ, заключала въ
себѣ гораздо больше простоты и дѣтскаго чувства, чѣмъ
теперь, и что собраніе, состоящее изъ древнихъ гре-
ковъ, подобно нынѣшнимъ дѣтямъ стало бы разспра-
шивать о всѣхъ подробностяхъ: «а что было затѣмъ»,
и, можетъ быть, не удовлетворилось бы даже обычной

фразой: «и жили они затѣмъ счастливо много лѣтъ». Такимъ образомъ въ дошедшемъ до насъ текстѣ мы находимъ прибавленіе къ разсказу, которое, какъ это случается иногда и въ нѣкоторыхъ Шекспировыхъ трагедіяхъ, какъ бы ослабляетъ самую пьесу. Эпизодъ въ началѣ послѣдней пѣсни опять приводитъ насъ въ область тѣней, куда богъ Гермесъ ведетъ души убитыхъ жениховъ; блѣдные призраки слѣдуютъ за нимъ ежась и трепеща отъ страха при входѣ въ это безсолнечное царство. Главная цѣль поэта состояла, повидимому, въ томъ, чтобъ вторично вывести на сцену тѣни великихъ героевъ Ахиллеса и Агамемнона. Послѣдній противопоставляетъ свою собственную позорную кончину со смертью Ахиллеса, возвеличеннаго надъ всѣми остальными смертными, умершаго въ бою среди цвѣта всей греческой молодежи, оставивъ имя, слава котораго будетъ гремѣть по всей землѣ. Точно такъ же онъ противопоставляетъ, къ великой чести Пенелопы, ея неизмѣнную вѣрность измѣнѣ его собственной супруги, Клитемнестры, высказывая при этомъ нѣчто въ родѣ пророчества, которое исполнилось, повидимому, даже точнѣе, нежели могъ предполагать это поэтъ:

. мужу, любящимъ
Сердцемъ избранному, вѣрность она сохранила; и будетъ
Слава за то ей въ потомствѣ; и въ пѣсняхъ Камень
сохранится
Память о вѣрной, прекрасной, разумной женѣ Пенелопѣ.

Улиссу остается еще посѣтить своего престарѣлаго отца Лаэрта, который все-еще живъ, но поселился въ грустномъ одиночествѣ, на отдаленной фермѣ, ища, насколько это возможно, отрады въ уходѣ за своимъ садомъ. Сцена, въ которой отецъ признаетъ Улисса, причемъ и онъ руководится рубцомъ отъ клыка вепря, представляетъ повтореніе прежней сцены съ Евриклеей и большинству нашихъ читателей можетъ показаться скучнымъ повтореніемъ. Существуетъ, однако, одно мѣсто, прелестное по своей чрезвычайной простотѣ и симпатичности: когда Лаэртъ все-еще какъ будто сомнѣвается въ личности своего сына, Улиссъ напоминаетъ время, когда онъ, еще ребенкомъ, бѣгалъ за отцемъ по саду, выпрашивая у него съ дѣтскимъ упорствомъ разныя вещи. Отецъ отдалъ ему въ полную собственность известное число яблонь, грушъ, фиговыхъ деревъ и виноградныхъ лозъ, и Улиссъ помнитъ ихъ и можетъ сейчасъ перечестъ. Эта послѣдняя тирада убѣждаетъ отца, и старикъ почти лишается чувствъ отъ радости.

Попытка къ возстанію со стороны нѣкоторыхъ изъ итакійскихъ подданныхъ Улисса, возмущенныхъ смертью представителей столькихъ благородныхъ родовъ и становящихся подъ начало отца убитаго Антиноя, не можетъ возродить угасающаго интереса поэмы. Предводитель возстанія падаетъ отъ копья, брошеннаго дрожащей рукою Лаэрта, и недовольные, послѣ небольшого сопротивленія, подчиняются законному владыкѣ.

Поэму заставляет казаться неоконченною одинъ проектъ новаго путешествія нашего героя; мы помнимъ, что на него наложено Тирезіемъ еще одно испытаніе, которымъ только онъ и можетъ умиротворить бога Посейдона за жестокое оскорбленіе, нанесенное его сыну, гиганту Полиѳему. Улиссу нужно еще отыскать какой-то народъ, который никогда не видалъ моря и никогда не ѣлъ соли, и тамъ принести жертву богамъ. Тогда, и только тогда, онъ будетъ царствовать спокойно всю остальную жизнь на своемъ островѣ. Поэтъ ничего не говоритъ намъ о выполненіи этого странствованія. Другія легенды представляютъ намъ Улисса умирающимъ отъ руки своего собственнаго сына Телегона (плода его сожителства съ Цирцеей), который высадился въ Итаку во время разбойничьяго набѣга. По поводу этого обстоятельства, мы можемъ указать замѣчательное совпаденіе или подражаніе въ легендѣ о британскомъ Артурѣ, который убивается въ бою своимъ незаконнымъ сыномъ Мордредомъ. Это покрывало, оставляемое даже и преданіемъ на судьбѣ великаго странника, составляетъ весьма удачное окончаніе поэмы. Бездѣятельная жизнь, даже въ старости, едвали могла бы согласоваться съ поэтическимъ представленіемъ о нашемъ безпокойномъ героѣ. Въ отрывочныхъ легендахъ среднихъ вѣковъ достаточно матеріалу для второй «Одиссеи»; но здѣсь греческій мореплаватель является піонеромъ открытій въ Атлантическомъ океанѣ, плавающимъ

на незнакомомъ Западѣ въ поискахъ за земнымъ раемъ, основывающимъ новый городъ и, наконецъ, гибнущимъ въ водахъ Атлантики. Итальянскіе поэты: Тассо, Пульчи и, въ особенности, Дантъ пользовались этими преданіями. Въ «Адѣ» послѣдняго, духъ Улисса такимъ образомъ описываетъ заключительныя сцены своей жизни:

Я остановленъ не былъ ужъ никѣмъ:

Ни милымъ сыномъ, ни отцемъ почтеннымъ,

Ни доброю супругой, чей яремъ

Мой краткій вѣкъ содѣлать могъ блаженнымъ:

Дабы узнать добро и горе странъ,

Невѣдомыхъ народамъ современнымъ,

Пустился я въ открытый океанъ,

Въ одной ладѣ, съ дружиной небольшою,

Которую совѣтъ мой ввелъ въ обманъ.

Испанскій берегъ былъ ужъ предо мною;

Сардинію, Марокко я узрѣлъ

И острова, омытые волною.

Ужъ я съ своей дружиной постарѣлъ,

Когда достигъ до узкаго пролива,

Гдѣ Геркулесъ поставилъ свой предѣлъ ¹⁾,

Чтобъ въ даль никто не простиралъ порыва;

Исчезъ направо ужъ Севильи слѣдъ,

Налѣво Сента ²⁾ скрылась въ глубь залива.

«Друзья!» я рекъ: «извѣдавъ столько бѣдъ

¹⁾ Т. е. до такъ-наз. Геркулесовыхъ Столбовъ (Гибралтарскаго пролива).

²⁾ Зеута, мѣсто на сѣверномъ берегу Африки, въ 3 миляхъ отъ Гибралтара, гдѣ теперь испанскій городъ. *Переводч.*

«Въ пути своемъ на западъ отдаленный,
«Ужели мы остатокъ ветхихъ лѣтъ
«Не посвятимъ на подвигъ дерзновенный?
«Вослѣдъ за солнцемъ, по равнинамъ водъ,
«Проникнемъ смѣло въ мѣръ ненаселенный!
«О вспомните свой знаменитый родъ!
«Должны-ль мы жить какъ звѣри? нѣтъ! познанья
«И добродѣтель—цѣль земныхъ заботъ!»
И силою столь краткаго воззванья
Я такъ возжегъ на подвигъ ихъ умы,
Что самъ едва въ нихъ обуздаль желанья.
И, обратя къ востоку руль кормы,
Въ безумный путь на веслахъ, какъ крылами¹⁾,
Держась все влѣво, понеслися мы.
Ужь ночь являлась съ чудными звѣздами
Другихъ небесъ, а наши каждый разъ
Все ниже, ниже зрѣлись надъ волнами.
Пять разъ пылалъ и столько жъ снова гасъ
Исподъ луны, съ тѣхъ поръ, какъ въ океанѣ
Путь роковой манилъ все далѣ насъ.
Тогда гора явилась намъ въ туманѣ:
Во вѣкъ не зрѣлъ я столь высокихъ горъ!
Мы восклицаемъ въ радости заранѣ;
Но вмигъ померкъ отъ страха свѣтлый взоръ:
Внезапно вихрь отъ новыхъ странъ родился
И прямо въ бортъ ударилъ намъ въ отпоръ.
Трижды челнъ съ волнами закружился;
Вверхъ поднялась корма въ четвертый разъ,
И, какъ хотѣлъ Всесильный, киль сломался,
И море съ шумомъ поглотило насъ».

«Адъ» Данта Алигieri, въ переводѣ
Дм. Мина, пѣснь XXVI, ст. 94—142.

¹⁾ Сравненіе заимствовано изъ Одиссеи: XI. 124.

Такъ и Теннисонъ, рисуя по Данту не менѣе счастливо, чѣмъ ему такъ часто удается заимствовать у Гомера, заставляетъ Улисса передать скипетръ остающемуся дома Телемаку и вновь пуститься въ море, ища приключеній:

«Вотъ гавань: корабль распустилъ паруса; мрачно глядитъ темное, широкое море. Мои мореходцы, которые и работали, и думали сообща со мною, которые всегда здоровались шутя и съ громомъ, и съ зарей и встрѣчали всякую невзгоду съ легкимъ сердцемъ и веселымъ лицомъ,—и вы, и я состарѣлись; но и старости выпадаетъ, наряду съ почетомъ, трудъ. Смерть заканчиваетъ все, но еще до этого конца возможны благородные подвиги.

Еще не поздно искать новаго міра. Отчаливай и, сидя въ порядкѣ, ударяй по звучнымъ бороздамъ: я намѣренъ плыть дальше заката солнца и всѣхъ западныхъ звѣздъ, пока не умру. Можетъ быть, волны смоютъ насъ; можетъ, подойдемъ и къ Счастливымъ Островамъ и узримъ знакомца, великаго Ахиллеса». (V.)

ГЛАВА XI.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЯ ЗАМѢТКИ.

Уже давно было замѣчено, а мѣстами оговорено и нами, сходство въ выдающихся чертахъ между поэмами Гомера и средневѣковыми рыцарскими романами. И въ тѣхъ, и въ другихъ мы встрѣчаемъ замѣчательный образъ царей и вождей—въ повѣстяхъ объ Артурѣ и Карлѣ Великомъ королей и рыцарей—, передъ которыми «мужики» (churls) дрожатъ и бѣгутъ какъ овцы. Выраженіе «увидѣвъ рыцаря, они пугались», встрѣчающееся въ «Королѣ Артурѣ» Меллори, раскрываетъ цѣлый томъ соціальной исторіи, потому что, въ оговариваемомъ случаѣ, рыцарь ѣхалъ верхомъ совершенно мирно, отнюдь не подавая «мужикамъ» повода страшиться того, кто по призванію былъ заступникомъ угнетаемыхъ. Но и Улиссъ не примѣняетъ къ простолюдинамъ инаго убѣжденія, кромѣ палки, а Ахиллесъ ничего такъ не боится, какъ смерти мужика въ ручьѣ. Въ романахъ стоятъ въ свѣту лишь дворяне, священники и божественный бардъ. Жизнь и чувства про-

стыхъ тружениковъ изъ-за хлѣба признаются недостойными восхваленія пѣвцомъ. Какъ въ первыхъ романахъ время христіанства намъ не приходится спускаться по соціальной лѣстницѣ ниже рыцаря и дамы благородной крови, епископа и чародѣя, такъ и въ пѣсняхъ Гомера, даже въ семейственной Одиссеѣ—развѣ за исключеніемъ образа свинопаса Евмея—разсказъ описываетъ лишь сферу дворцовъ, почти совершенно игнорируетъ жизнь бѣльшей массы человѣчества и касается ея не иначе, какъ съ цѣлью позаимствовать сравненіе либо иллюстрацію. Въ обоихъ этихъ циклахъ произведеній фантазіи—будетъ ли то циклъ «героическихъ вѣковъ», или «вѣкъ рыцарства»—мы находимъ изображеніе такого состоянія, какое едва ли существовало въ дѣйствительности: въ обоихъ и ступень цивилизаціи, и блескъ характеровъ, и сцены, повидимому, далеко превосходили то, что сами разсказчики могли видѣть и знать.

Характеръ героя Одиссеи не долженъ быть оцѣниваемъ примѣнительно къ новѣйшимъ правиламъ нравственности. Наряду съ охотно признаваемыми нами въ Улиссѣ честными замѣреніями и твердостью, во всѣхъ его дѣяніяхъ, отъ перваго до послѣдняго, видна какая-то увертливость, едва ли согласимая съ истиннымъ героизмомъ. Мы не назовемъ его, какъ это дѣлаетъ Өерситъ въ Шекспирѣ, «собакой-лисицей Улиссомъ», не посмотримъ на него и подобно одному новѣйшему пере-

водчику, называющему его «Скапеномъ ¹⁾ эпической поэзіи»; тѣмъ не менѣе, онъ представляется намъ типомъ скорѣе смѣтки, находчивости и изворотливости, чѣмъ болѣе благородныхъ и менѣе эгоистичныхъ свойствъ. Какъ въ Иліадѣ, такъ и въ Одиссеѣ, Улиссъ дипломатъ своего вѣка; не его и не Гомерова вина, что тогдашняя дипломатія была менѣе утонченна и не такъ искусно покрывала свои болѣе грубыя черты. Даже въ позднѣйшія времена скрытность считалась необходимымъ качествомъ правителей ²⁾; одинъ англійскій философъ прямо говоритъ, что «духъ интриги, оплетающія манеры и утонченно-искусныя уловки—суть неотъемлемыя свойства опытнаго политика» ³⁾. Но слѣдуетъ помнить, что Улиссъ прибѣгаетъ къ хитрости и обману лишь въ случаяхъ, когда они дозволялись нравственнымъ кодексомъ его вѣка,—противъ своихъ враговъ; друзьямъ же своимъ онъ постоянно вѣренъ. Между тѣмъ, какъ цари и вожди Иліады совершенно справедливо подпадаютъ упреку, что слишкомъ мало дорожили жизнью и интересами своихъ подчиненныхъ, Улиссъ, въ теченіе всѣхъ своихъ долгихъ странство-

¹⁾ Типъ плута въ комедіяхъ Мольера. *Переводч.*

²⁾ «Qui nescit dissimulare, nescit regnare» (Кто не умѣетъ притворяться, не можетъ быть правителемъ.)

³⁾ Shaftesbury's Characteristics. Графъ Шефтсбери—англійскій государственный дѣятель (1621—1683), известный податливостью своихъ убѣжденій. *Переводч.*

ваній, является покровительствующею судьбою своихъ послѣдователей, насколько это дозволяетъ ихъ упрямство.

Разсказъ о странствованіи и приключеніяхъ Одиссея служилъ богатымъ рудникомъ поэтамъ и романистамъ, живописцамъ и ваятелямъ,—отъ туманнаго вѣка, называемаго Гомеровымъ, и до нашихъ дней. Въ чудной поэмѣ «Одиссея» скрывался зародышъ тысячи томовъ, наполняющихъ наши библіотеки. Авторовъ этихъ произведеній нельзя назвать ни плагиаторами, ни сознательными подражателями древнѣйшаго греческаго поэта: въ сохранившихся до насъ твореніяхъ онъ задѣвалъ и заставлялъ звучать самыми глубокими и самыми высокими тонами тѣ струны человѣческихъ дѣйствій и страстей, которыя находятъ отголосокъ во всѣхъ сердцахъ и во всѣ вѣка.

Прежде всего онъ задѣваетъ струны, звуки которыхъ мы признаемъ чисто-человѣческими. Какъ это ни невѣроятно, но существуютъ другія проявленія тѣхъ же чувствъ, представляющія удивительное сходство съ пѣснями Гомера. Для богослова, изучающаго Священное Писаніе, Гомеръ, этотъ царь языческихъ поэтовъ, представляетъ особенный интересъ. Совершенно излишне было бы останавливаться на дѣйствительной связи, какую нѣкоторые энтузіасты, поклонники Священнаго Писанія, открыли или думали открыть между пѣснями греческаго барда и вдохновеннымъ разсказомъ о судьбахъ избраннаго народа. Чтобы еврейскія хроники, въ

какой бы то ни было формѣ, могли быть читаны или слышаны греческимъ поэтомъ во время его многочисленныхъ странствованій, — по меньшей мѣрѣ, крайне сомнительно. Однако Гомеровы поэмы могутъ служить весьма вѣскимъ доказательствомъ истинности и точности разсказа Священнаго Писанія, по отношенію къ его картинамъ и изложенію. Читателю Иліады, разъ забывшему разницу сцены, можетъ иногда казаться, что онъ слѣдитъ за ночнымъ походомъ Авраама, завоеваніями Іисуса Навина, войнами царей. Въ Одиссеѣ домашняя обстановка, семейная жизнь, а равно патріархальныя отношенія между царемъ или главою племени и его народомъ, каждою страницею своею напоминаютъ намъ свѣжія и живыя картины Книги Бытія. Въ обоихъ случаяхъ картины сохранили свою свѣжесть и живость въ теченіе многихъ столѣтій, именно потому, что въ обоихъ произведеніяхъ авторы вѣрно держались стоящаго передъ ихъ глазами, не гоняясь за эффектомъ, безъ всякаго признака того самосозерцанія, которое часто портитъ лучшія произведенія авторовъ, навязывающихъ читателю изображеніе своей собственной личности вмѣсто описанія сценъ и другихъ людей. Чтобы выслѣдить возможно полно различныя стороны сходства между двумя великими поэмами Гомера и Священнымъ Писаніемъ, потребовалось бы не менѣе цѣлаго тома. Мы ограничимся тѣмъ, что укажемъ хоть нѣкоторые изъ многихъ примѣровъ, по которымъ Гомера можно

признать за самаго интереснаго, по произвольности, комментатора Библии.

Гомерическіе цари предводительствуютъ въ бою, стоя на своихъ колесницахъ, подобно царямъ израильскимъ и іудейскимъ; Пріамъ сидитъ въ воротахъ, подобно Давиду или Соломону; Улиссъ съ сознаниемъ царственности опирается на столбъ подобно Іоасу и Іосіи ¹⁾).

И въ поэмахъ Гомера, и въ Священномъ Писаніи богатства царей состоятъ, преимущественно, въ овцахъ и быкахъ, рабахъ и рабыняхъ. Встрѣчающаяся въ Иліадѣ картина, какъ Улиссъ находитъ Діомеда спящимъ внѣ ставки, среди спящихъ товарищей, подложившихъ подъ головы свои щиты и воткнувшихъ копьа древками въ землю ²⁾, почти слово въ слово сходна съ описаніемъ ночнаго стана Саула, врасплохъ застигнутаго Давидомъ: «И вотъ Саулъ лежитъ, спитъ въ шатрѣ; и копье воткнуто въ землю у его изголовья; народъ же лежитъ вокругъ него» ³⁾. Улиссъ и Діомедъ не считаютъ поношеніемъ себѣ, царямъ и вождямъ, исполнять роль лазутчиковъ, подобно Гедену въ станѣ мадіанитянъ. Фракіанинъ Лигургъ воюетъ воловьимъ бодиломъ, подобно Самегару въ Книгѣ Судей ⁴⁾. Въ тѣхъ

¹⁾ Іоасъ и Іосія, цари іудейскіе. *Переводч.*

²⁾ Иліада, X, 150.

³⁾ Первая Книга Царствъ, гл. XXVI, ст. 7. *Переводч.*

⁴⁾ Книга Судей, гл. III, ст. 31: «Самегаръ, который 600 человекъ филистимлянъ побилъ воловьимъ рожномъ». *Пер.*

и другихъ сказаніяхъ одинаковая жестокость на войнѣ, частое кощунство надъ мертвымъ тѣломъ врага, «дѣти, разбитыя о камни»,—все тѣ же картины, предвидимыя Пріамомъ въ паденіи его города и пророкомъ Исаіей въ паденіи Вавилона ¹⁾.

Изображаемая Гомеромъ внѣшнія проявленія горести— совершенно восточнаго характера. Ахиллесъ въ Иліадѣ, услышавъ о смерти друга своего Патрокла, Лаэртъ въ Одиссеѣ, отчаявшись въ возвращеніи своего сына, — посыпаютъ пепломъ главу, подобно Іисусу Навину и старѣйшинамъ израилевымъ при вѣсти о пораженіи при Гаѣ ²⁾. Царь Пріамъ рветъ на себѣ волосы и бороду, заботливо клича Гектора, оставшагося за Скейскими воротами, въ виду непріятелей ³⁾; столь же неистово проявляетъ свою горестъ у Ездры женщина при вѣсти о смерти своего сына ⁴⁾. Пенелопа плачетъ «сидя на порогѣ», какъ Моисей слышалъ плачущимъ народъ, «каждаго сидящимъ въ дверяхъ шатра своего». «Позовите плакальщицъ», говоритъ пророкъ Іеремія, «чтобъ онѣ пришли; пусть онѣ послѣшатъ и поднимутъ плачъ

¹⁾ Книга пророка Исаіи, гл. XIII, ст. 16: «И младенцы ихъ будутъ разбиты передъ глазами ихъ; дома ихъ будутъ разграблены и жены ихъ обезчещены».

²⁾ Книга Іисуса Навина, гл. VII, ст. 6.

³⁾ Иліада XXII, ст. 33.

⁴⁾ Третья книга Ездры, гл. IX, ст. 38.

о насъ» ¹⁾. Когда троянскій царь привозитъ къ своему дворцу тѣло Гектора, онъ тотчасъ же помѣщаетъ подлѣ него «пѣвцовъ, начинателей плача» ²⁾. Какъ Моисей увозитъ кости Іосифа въ Ханаанъ, а Давидъ тщательно собираетъ останки Саула и сына его Ионаана, отъ жителей Іависа Галаадскаго, такъ Несторъ убѣждаетъ грековъ, почти рѣшившихся отступить отъ Трои, собрать кости своихъ убитыхъ товарищей и отвезти ихъ на родину. Смерть и Сонъ, по повелѣнію Зевса, относятъ тѣло Сарпедона на его родину, въ Ликію, гдѣ братья и друзья воздвигаютъ надъ нимъ «могилу и столпъ»; такъ и Іаковъ поставилъ столпъ надъ тѣломъ своей любимой жены Рахили, на дорогѣ близъ Виолеема. Филистимляне, послѣ сраженія при Гелвуѣ, повѣсили снятое съ убитаго Саула оружіе въ капищѣ Астарты; мечъ Голіаѳа положенъ, въ видѣ трофея, священникомъ Ахимелехомъ, завернутый въ одежду, позади ефода ³⁾. Подобно тому и Гекторъ клянется повѣсить доспѣхи Менелая въ храмѣ Аполлона въ Троѣ.

Такое же сходство замѣтно и въ болѣе мирныхъ картинахъ. Колодезь на островѣ Итакѣ, обложенный камнемъ,—постройка родоначальниковъ народа, Итака и Нерита, — напоминаетъ вырытый Авраамомъ «колодезь

¹⁾ Книга Іереміи, IX, 17, 18.

²⁾ Иліада, XXIV, 720.

³⁾ 1 Царствъ, XXI, 9.

клятвы», Беершиву (Вирсавію)¹⁾, либо такъ-называемый «колодезь отца нашего Іакова»²⁾, у котораго сидѣла самарянка. Камень, поднятый богинею Минервой (Палладой-Аеиною), чтобъ кинуть имъ въ Марса (Ареса), «камень, въ древніе годы мужами положенный поля межою»,—затѣмъ два бѣлые камня, лежащіе у дуба, назначеннаго Ахиллесомъ цѣлью ристалища на колесницахъ, и «справа и слѣва при цѣли той врытые» въ неизвѣстное даже Гомеру время, о которыхъ онъ сомнѣвается, надгробные ли то памятники, или межи,—камни эти не могутъ не напомнить намъ о камняхъ Боганѣ³⁾ и Авен-езерѣ⁴⁾ и о древней пословицѣ: «Не двигай древней межи, поставленной отцами». Работавшія на мельницѣ женщины, вытапывающіе зерно быки, мѣра локтями, облаченье въ чужіе видѣ и одежду, обязательный почетъ чужеземцу и нищему, вѣно, даваемое женихомъ, какъ бы въ уплату за невѣсту, — все это такъ же часто встрѣчается въ книгахъ Моисея, какъ и въ Гомерѣ. Даже вводимые въ рѣчь образы одни и тѣ же. Страстное воззваніе Моисея⁵⁾ и Исаи⁶⁾: «Внимай, небо; я буду говорить; и слушай, земля,

1) 1 кн. Моисея XXI, 31 и XXVI, 32, 33.

2) Іоанна IV, 6—12.

3) Ис. Нав. XV, 6.

4) 1 кн. Царствъ VII, 12.

5) Второзак. XXXII, 1.

6) Пророка Исаи I, 2.

слова усть моихъ» употребляется и Юноной (Герой) въ Иліадѣ, и Калипсо въ Одиссеѣ¹⁾. «День» обыкновенно употребляется синонимомъ судьбы или суда; «полцарства»—въ то время настоящій царскій подарокъ; «врата ада»—высшая угроза. Телемакъ клянется «бѣдами отца», какъ Іаковъ «страхомъ отца своего Исаака», а проклятіе, произнесенное надъ Фениксомъ его отцемъ, «ввѣкъ на колѣна свои да не приметъ онъ милаго сына, мной порожденнаго»²⁾, напоминаетъ намъ священный текстъ со сказаніемъ, что «сыновья Махира, сына Манассіина, родились на колѣнахъ Іосифа»³⁾.

Болѣе или менѣе остроумные писатели многообразнѣйшимъ образомъ толковали внутренній смыслъ поэмы. Такія толкованія начались очень рано. Они были ходячи между греческими философами даже во дни Сократа, который самъ, однако, не вѣрилъ имъ. Разбирать ихъ всѣ было бы и невозможно, и скучно. Приведемъ лишь одно, не совершенно новое, но благоклонно принятое въ послѣднее время учеными: что въ обѣихъ поэмахъ излагаются нѣкоторыя истины физическія и астрономическія, въ аллегорической формѣ, заимствованной греческою басней изъ восточныхъ сказаній. Теорія эта, по крайней мѣрѣ, настолько инте-

1) Иліада, XV, 36. Одиссея, V, 184.

2) Иліада IX, 455: сына Феникса отъ дѣвы, милой отцу.

3) Кн. Бытія, I, 23.

ресна и остроумна, что, не вдаваясь въ оцѣнку ея истинности, мы приведемъ ее словами самаго восторженнаго ея защитника, Кокса. Въ примѣненіи къ Одиссеѣ онъ говоритъ:

«Солнце (Улиссъ) покидаетъ въ небѣ свою молодую жену, Сумерки (Пенелопу), погружается за море, чтобы въ тиши и мглѣ присутствовать при великомъ боѣ съ силами тьмы (осада Трои). Долгіе десять лѣтъ войны изображаютъ длинные часы ночи... Побѣда одержана; Солнце жаждетъ увидѣть вновь покинутую имъ накануне прекрасную молодую. Грозящія опасности не въ состояніи остановить его; привлекательныя зрѣлища могутъ прельщать его, но не заставятъ забыть милую. Однако Улиссъ не можетъ достигнуть своего дома до окончанія еще длинныхъ десяти лѣтъ: Солнцу не увидать Сумерекъ, пока не настанетъ другой день» ¹⁾.

Въ Иліадѣ, какъ было уже замѣчено, Парисъ и трояне изображаютъ силы Тьмы, «похищающія прекрасныя Сумерки (Елену) съ западнаго неба», а Ахиллесъ—Солнце, прогоняющее силы Ночи ²⁾.

Въ параллель, и при томъ не противорѣчивую, этой физической аллегоріи оговоримъ еще нравственную, весьма нравившуюся нѣкоторымъ средневѣковымъ почитателямъ Гомера, которые видѣли въ Одиссеѣ не что иное, какъ образъ человѣческой жизни, отовсюду оса-

ждаемой опасностями и соблазнами, но управляемой божественнымъ Промысломъ и наконецъ, путемъ страданій и потерь, достигающей своей цѣли. Всѣ эпохи странствованія героя болѣе или менѣе успѣшно были обращаемы въ поучительныя параболы: Цирцея изображала чувственныя побужденія, лотофаги—лѣность, сирены—соблазнъ слухомъ; запрещенные быки Солнца, это тѣ же «котлы съ мясомъ въ Египтѣ» ¹⁾,—грѣхъ обжорства. Стоитъ замѣтить, какъ чрезъ всю поэму ненастоящее мѣсто покоя противопоставляется истинному. Ни въ ненарушимомъ бездѣйствіи лотофатовъ, ни въ роскошныхъ залахъ Цирцеи, ни въ гротѣ Калипсо, ни даже въ веселомъ обществѣ феакійцевъ, а лишь на дальней родинѣ, въ дому—мѣстѣ высшихъ и лучшихъ привязанностей—настоящій пріютъ странника. Сущность этого дидактическаго толкованія, прелестнаго и патетическаго тѣмъ, что оно ставитъ древняго греческаго поэта, подобно моисееву закону, провозвѣстникомъ христіанскаго ученія, хорошо изложена однимъ новѣйшимъ писателемъ:

«Странствованіе безпріютнаго Улисса по сушѣ и морямъ—прекрасный, чудный образъ нашей здѣшней жизни! То картина человѣка, утратившаго небо и тоскующаго по немъ съ дѣтства до старости: странствуетъ ли онъ съ мѣста на мѣсто, или не знаетъ другихъ перемѣнъ,

¹⁾ Cox, Tales of the Gods and Heroes, p. LVII.

²⁾ См. Иліаду этого же изданія, стр. 9, 10.

¹⁾ Исходъ, XVI, 3.

кромѣ домашнихъ и ощущаемыхъ сердцемъ, все-же онъ подобенъ ищущему покоя, все-же онъ человѣкъ заботъ и скорбей.» ¹⁾

Нѣкоторые изъ давнихъ комментаторовъ заходили въ такихъ толкованіяхъ до нелѣпостей, поступая съ Гомеромъ такъ же, какъ богословы, занимавшіеся жизнью, писаніями и ученіями отцевъ церкви, относились къ Ветхому Завѣту: дотога задавались мистическимъ толкованіемъ каждаго стиха, что изъ-за этого толкованія упускали изъ виду простой и буквальный смыслъ текста. Объ одномъ французскомъ ученомъ, D'Augat, говорилось, что онъ потратилъ свою жизнь на отысканіе всей Библии въ поэмахъ Гомера. Такіе люди усматривали рай въ садахъ Алкиноя, искушеніе цѣломудреннаго Беллерофона принимали за языческое сказаніе объ Иосифѣ; паденіе Трои было, по ихъ мнѣнію, очевидно, предсказаніемъ разрушенія Іерусалима. Нѣкоторые ученые заходили еще дальше и употребляли Гомеровы созданія какъ оружіе на борьбу со своими религіозными противниками: такъ докторъ Якобусъ Гуго видѣлъ еретиковъ-лютеранъ изображенными въ лотофагахъ Одиссеи и въ безсмертномъ Антиноѣ указывалъ типъ Мартина Лютера. Но кто готовъ видѣть въ Гомерѣ лишь поэта всѣхъ вѣковъ, не дѣлая изъ него ни пророка, ни нравоучительнаго философа, тотъ примкнетъ мнѣніемъ къ

¹⁾ Williams, «Christian Scholar».

короткой критикѣ лорда Бэкона на всѣхъ такихъ нескромныхъ толкователей: «Я принимаю вымыселъ существовавшимъ раньше толкованія». Въ лучшемъ смыслѣ остроумныя теоріи о сокрытыхъ въ поэмѣ мысляхъ суть не болѣе, какъ туманъ, которымъ гомеристы окружали свое божество. Гомеръ стоитъ тусклой, мистической, богоравной фігурой.

КОНЕЦЪ ОДИССЕИ.

IV, къ стр. 88.

I know, sweet maiden, why thou art so coy ;
Shaggy and huge, a single eyebrow spans
From ear to ear my forehead, whence one eye
Gleams, and an o'er-broad nostril o'er my lip.
Yet I—this monster—feed a thousand sheep,
That yield me sweetest draughts at milking-tide.

But thou mislik'st my hair? — Well, oaken logs
Are here, and embers yet a-glow with fire ;
Burn, if thou wilt, my heart out, and my eye—
My lonely eye, wherein is my delight.

--Theocritus, Idyll xi. (Calverley's transl.)

V, къ стр. 155.

There lies the port : the vessel puffs her sail :
There gloom the dark broad seas. My mariners,
Souls that have toiled, and wrought, and thought with me,
That ever with a frolic welcome took
The thunder and the sunshine, and opposed
Free hearts, free foreheads—you and I are old :
Old age hath yet his honour and his toil ;
Death closes all, but something ere the end,
Some work of noble note, may yet be done.

'Tis not too late to seek a newer world.
Push off, and sitting well in order smite
The sounding furrows : for my purpose holds
To sail beyond the sunset and the baths
Of all the western stars, until I die.
It may be that the gulfs will wash us down :
It may be we shall touch the Happy Isles,
And see the great Achilles, whom we knew.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

ВСТРѢЧАЮЩІЯСЯ ВЪ КНИГѢ И ПЕРЕДАННЫЯ ПРОЗОЮ МѢСТА
АНГЛІЙСКИХЪ ПОЭТОВЪ, СТИХОТВОРНАГО ПЕРЕВОДА КОТОРЫХЪ
ВЪ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ НѢТЪ.

I, къ стр. 49.

The island-valley of Avilion,
Where falls not hail nor rain nor any snow,
Nor ewer wind blows loudly ; but it lies
Deep-meadowed, happy, fair with orchard lawns,
And bowery hollows crowned with summer sea.

II, къ стр. 50.

There eternal summer dwells,
And west winds, with musky wing,
About the cedarn alleys fling
Nard and cassia's balmy smells.

III, къ стр. 82.

Most weary seemed the sea, weary the oar,
Weary the wandering fields of barren foam.
Then some one said : «We will return no more» —
And all at once they sang : «Our island-home
Is far beyond the wave ; we will no longer roam»

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стр.
	Введеніе	1
Глава	I. Пенелопа и ея женихи	9
»	II. Телемакъ отправляется на поиски за своимъ отцомъ	30
»	III. Улиссъ у Калипсо и феакійцевъ	53
»	IV. Улиссъ рассказываетъ свою жизнь царю Алкиною	80
»	V. Продолженіе разсказа: посѣщеніе царства тѣней	96
»	VI. Возвращеніе Улисса на островъ Итаку	109
»	VII. Возвращеніе Телемака изъ Спарты	117
»	VIII. Улиссъ посѣщаетъ свой дворецъ	124
»	IX. День возмездія	136
»	X. Признаніе Улисса Пенелопой	145
»	XI. Заключительныя замѣтки	156
	Приложеніе	171

Серія древнихъ классиковъ будетъ состоять изъ слѣдующихъ писателей:

ГОМЕРЪ: ИЛІАДА.	ПЛИНІЙ.
ГОМЕРЪ: ОДИССЕЯ	ТАЦИТЪ.
ГЕРОДОТЪ.	ЭВРИПИДЪ.
ЦЕЗАРЬ.	ЮВЕНАЛЪ.
ВИРГИЛІЙ.	АРИСТОФАНЪ.
ГОРАЦІЙ.	ГЕЗИОДЪ И ФЕОГНИДЪ.
ЭСХИЛЪ.	ПЛАВТЪ И ТЕРЕНЦІЙ.
КСЕНОФОНТЪ.	ЛУКІАНЪ.
ЦИЦЕРОНЪ.	ПЛАТОНЪ.
СОФОКЛЪ.	ГАЛЕНЪ И ГИППОКРАТЪ.

Въ теченіе лѣта 1876 года будетъ окончено печатаніе десяти томиковъ, а осенью вся серія появится въ свѣтъ.

На всѣ двадцать томиковъ открывается подписка, причемъ подписчики могутъ вносить или одновременно 11 р. с. или *разсрочить подписку* на 4 срока, внося по 3 рубля серебромъ за каждыя, вновь появляющіеся, три книжки, — всего за двадцать томиковъ по разсрочкѣ 12 р. с.

По выходѣ въ свѣтъ всей серіи, цѣна повышается на 15 р. с.

Цѣна каждаго томика отдѣльно 1 р. 25 к.; впрочемъ желающіе, даже покупая отдѣльные томики по 1 р. 25 к., могутъ получить билетъ, по которому, по уплатѣ ими за 13 отдѣльныхъ томиковъ по 1 р. 25 к., остальные 7 выдадутся имъ бесплатно.

За переплетенные экземпляры прилагается 20 к. за каждый переплетъ. Подписка принимается въ Администраціи Книжнаго Магазина А. Черксова и Ко.